

P. O. gorn.⁸

838^{im}

8^r P. o. germ.
838 im

Lessing

Натанъ-Мудрецъ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Готгольда Эфраима Лессинга

въ переводѣ В. С. Лихачова

Съ 34-мя иллюстраціями

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книгоиздательство Германъ Гоппе

1897

НАТАНЪ-МУДРЕЦЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ITALY IN 1848

BY J. H. MURPHY

29/II

Натанъ-Мудрецъ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Готгольда Эфраима Лессинга

Переводъ съ нѣмецкаго

В. С. Лихачова

Съ 34-мя иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книгоиздательство Германъ Гоппе

1897

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24-го іюля 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

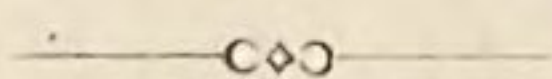

Типографія Эдуарда Гоппе,

Вознесенскій пр. 53.

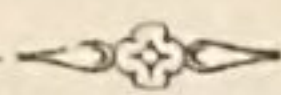

Отъ издателя.

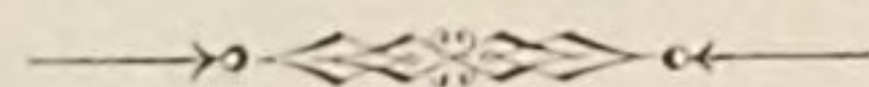
Знаменитый нѣмецкій писатель Лессингъ, внесшій новую жизнь въ нѣмецкую поэзію, возвратившій ее изъ заоблачныхъ странъ Клопштока и изъ романтической земли Виланда въ ея отечество и научившій ее быть національной, — ярче всего выразилъ свое дарованіе въ драматической поэмѣ »Натанъ-Мудрецъ«. Это — одно изъ величайшихъ созданій классическаго періода германской литературы, озаренное свѣтомъ высокой гуманности и вѣротерпимости, котораго глубокое значеніе призналъ весь міръ и выше котораго въ нѣмецкой литературѣ стоитъ только »Фаустъ« Гёте. Для каждаго сколько нибудь образованнаго человѣка »Натанъ - Мудрецъ« представляетъ настоящій живой родникъ эстетическаго наслажденія, источникъ великой мудрости, изъ котораго могутъ свободно черпать и люди пожилые, и юноши, начинающіе жить и вникать въ земное бытіе. Дать русскому обществу столь прекрасное твореніе поэта-мыслителя въ дѣйствительно хорошемъ переводѣ, который передавалъ бы вѣрно духъ и всѣ красоты подлинника — было давнишней завѣтной мечтой издателя настоящей книги. Съ этой цѣлью онъ обратился къ нашему извѣстному переводчику-поэту Владиміру Сергѣевичу Лихачову, съ такимъ солиднымъ успѣхомъ уже заявившему себя своими талантли-

выми переводами произведений Мольера, Корнеля и других корифеевъ иностранной литературы. В. С. Лихачовъ съ любовью отнесся къ своему дѣлу, много поработалъ надъ порученнымъ ему переводомъ »Натана-Мудреца«, и есть основаніе надѣяться, что его переводъ встрѣтитъ сочувственный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Съ своей стороны, издатель сдѣлалъ все отъ него зависящее относительно рисунковъ и внѣшности изданія, дабы оно вышло вполне достойнымъ имени Лессинга и нашло такое-же широкое распространеніе среди русскихъ читателей, какое »Натанъ-Мудрецъ« имѣетъ не только въ отечествѣ Лессинга, но и всюду за границей.

ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Столб.</i>	<i>Стихъ.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
11	2	21	или пониже	иль пониже
18	1	10	овольно!	Довольно!
24	2	13	тяжкихъ.	тяжкихъ,
29	1	19	обращаься	обращаться
36	2	24	скорѣе	скорѣе!
40	2	14	Хвамовника	Храмовника
42	2	6	насажать	насажать
46	1	14	Боюсь его.	Боюсь его,
48	2	18	Съ нихъ	Въ нихъ
52	1	17	Чтó разума	Что разума
62	1	11	на хочетъ	не хочетъ
65	2	26	на захотѣль	не захотѣль
66	1	23	Прощай.	Прощай.
80	2	22	никаго	никакого
87	1	13	стыда	стада
104	1	11	на стало,	ни стало,
—	—	24	какія	какіе

Лессингъ. Натанъ-мудрецъ

Л И Ц А.

Султанъ Саладинъ.

Зитта, его сестра.

Натанъ, богатый еврей въ Іерусалимѣ.

Рѣха, его пріемная дочь.

Дая, христіанка, живущая въ домѣ Натана,
какъ подруга Рѣхи.

Молодой храмовникъ.

Дервишъ.

Патріархъ іерусалимскій.

Послушникъ.

Эмиръ и нѣсколько мамелюковъ Саладина.

Дѣйствіе въ Іерусалимѣ.

спорное и угрожающее
спорное и угрожающее

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет сѣни въ домѣ Натана.
Натанъ возвращается изъ путешествія. Дая
встрѣчаетъ его.

Дая.

Онъ, онъ! Натанъ! Благодаренье Богу,
Вернулись наконецъ.

Натанъ.

Какъ видишь, Дая.

Хранилъ меня Господь. Но почему же:
Вернулись наконецъ? Вернуться раньше
Хотѣлъ я? или могъ? До Вавилона
Всѣ двѣсти миль клади, коли съ дороги
Приходится, какъ мнѣ пришлось теперь,
Сворачивать направо и налево;
Да и долги собрать повсюду — тоже
Не споркое занятіе, не просто
Пришелъ и взялъ:

начнешь — конца не видишь.

Дая.

А горе-то какое, о Натанъ,
Какое здѣсь вамъ угрожало горе!
Вашъ домъ...

Натанъ.

Горѣлъ. Я слышалъ. Дай же Богъ,
Чтобъ больше ничего не предстояло
Услышать мнѣ.

Дая.

А если бъ онъ совсѣмъ,
Дотла сгорѣлъ?

Натанъ.

Дотла? Тогда бы, Дая,

Построили себѣ мы новый домъ,
Удобнѣе гораздо.

Дая.

Такъ, положимъ.

Но съ нимъ-то вѣдь чуть Рѣха не
сгорѣла.

Натанъ.

Сгорѣла? кто? Сгорѣла Рѣха? Рѣха? —
Я этого не слышалъ. — Ну, тогда...
Тогда бы я и въ домѣ не нуждался. —
Чуть не сгорѣла!

А! сгорѣла, значить!

Дѣйствительно сгорѣла! —

Что жъ молчишь ты?

Что жъ ты молчишь? —

Бей на смерть, не терзай! —

Сгорѣла, да.

Дая.

Случись бы такъ, неужто
Объ этомъ отъ меня бы вы узнали?

Натанъ.

Зачѣмъ же ты меня пугаешь? — Рѣха!
Моя голубка Рѣха!

Дая.

Ваша? ваша?

Натанъ.

Мнѣ отвыкать отъ этого! своею
Не называть ее!

Дая.

Съ такимъ же правомъ,
Пожалуй, называете своимъ
Вы все, что есть у васъ?

Натанъ.

Не съ бѣлымъ, Дая!
Все то, чѣмъ я владѣю, мнѣ дано
Природою иль счастьемъ. Лишь на это
Единственное благо приобрѣлъ
Я право добродѣтельнымъ поступкомъ.

Дая.

Не дешево обходится, однако,
Мнѣ ваша доброта! Да и съ такою
Изнанкою — ужъ доброта ли это?

Натанъ.

Съ изнанкою? Какая жъ тутъ изнанка?

Дая.

Мнѣ съ совѣстью своею...

Натанъ.

Слушай, Дая:
Я расскажу тебѣ все по порядку...

Дая.

Мнѣ съ совѣстью своею, говорю...

Натанъ.

Какую ткань чудесную на платье
Купилъ тебѣ я въ Вавилонѣ — роскошь!
И красота и роскошь! Врядъ ли даже
Уступить той, что я привезъ для Рехи.

Дая.

Къ чему все это? Съ совѣстью своею —
Я вамъ должна, должна сказать,

Натанъ, —
Бороться мнѣ ужъ больше не подъ силу.

Натанъ.

А какъ тебѣ понравится еще
Кольцо, запястье, серьги и цѣпочка,
Что для тебя я разыскалъ

въ Дамаскѣ, —
Вотъ любопытно мнѣ.

Дая.

Какой вы, право!
Одно бы вамъ — дарить!
всю жизнь — дарить!

Натанъ.

А ты бери съ такимъ же чистымъ
сердцемъ,
Съ какимъ тебѣ дарю я, — и молчи!

Дая.

Молчи! Да кто жъ, хоть васъ и
меньше знаетъ,
Кто скажетъ, что Натанъ —
не воплощенье
И честности и щедрости? И все-же...

Натанъ.

И все-же я не болѣе какъ жидъ?
Не это ли сказать ты хочешь, Дая?

Дая.

Не вамъ бы ужъ, Натанъ,
освѣдомляться,
Что я хочу сказать.

Натанъ.

Ну, и молчи!

Дая.

Молчу. Но знайте:

если грѣхъ случится,
Такой случится грѣхъ, что мнѣ никакъ
Бѣды ужъ не поправить, —
вы въ отвѣтъ!

Натанъ.

Въ отвѣтъ я! — Но гдѣ жъ она?
гдѣ Реха? —
А ты меня не обманула, Дая? —
Иль неизвѣстно ей, что я вернулся?

Дая.

А вотъ вы объясните! До сихъ поръ
Все существо ея полно испуга.
Ей до сихъ поръ мерещится огонь
Во всемъ, что ей мерещится. Душою
Спитъ наяву и бодрствуетъ въ дремотѣ:
То какъ звѣрокъ притихнетъ,
то воспрянетъ
Какъ небожитель.

Натанъ.

Бѣдное дитя!
Вотъ немощность людская!

Дѣйствіе первое. — Явленіе первое.

Дая.

Нынче утромъ,
Смотрю, лежитъ съ закрытыми
глазами —
Какъ мертвая лежитъ.

И вдругъ привстала:
„Чу! чу! Идутъ отцовскіе верблюды!
Чу! Вотъ и онъ —

я слышу милый голосъ!“ —
Потомъ глаза попрежнему закрылись,
Рука устала голову держать,
И голова склонилась на подушку. —
Я къ двери — и на васъ наткнулась
прямо!

Прямехонько на васъ!

Что жъ, и не диво:
Ея душа была все время съ вами —
И съ нимъ.

Натанъ.

И съ нимъ? А это кто же?

Дая.

Тотъ,
Кто не далъ ей въ огнь погибнуть.

Натанъ.

Кто же?

Кто онъ и гдѣ? Кто ей погибнуть не
далъ?

Дая.

Храмовникъ молодой:
надняхъ какъ плѣнникъ
Доставленъ онъ сюда — и Саладинъ
Помиловалъ его.

Натанъ.

Что? что? Храмовникъ
Помилованъ султаномъ Саладиномъ?
Такъ для спасенья Рэхи нужно было
Неслыханному чуду совершиться?
О Боже, Боже!

Дая.

Если бы свою
Нежданную находку — жизнь — онъ
снова
Опасности подвергнуть не рѣшился,
Вамъ Рэхи не видать бы.

Натанъ.

Гдѣ же онъ, Дая?
Гдѣ этотъ благородный человѣкъ?
Веди меня къ его ногамъ. Конечно,
На первый разъ вы отдали ему
Все, что я вамъ оставилъ на храненье?
Все отдали? И обѣщали больше,
Лишь я вернусь, — неизмѣримо
больше?

Дая.

Когда бъ могли мы!

Натанъ.

Нѣтъ? Такъ, значить, нѣтъ?

Дая.

Онъ къ намъ пришелъ невѣдомо
откуда.
Ушелъ отъ насъ невѣдомо куда. —
Не зная дома, лишь по крику Рэхи
О помощи, онъ ринулся безстрашно
Въ огонь и дымъ, плащомъ слегка
прикрывшись.
Мы думали уже, что онъ погибъ;
Какъ вдругъ опять онъ изъ огня и
дыма
Является и сильною рукою
Надъ головой высоко держать Рэху.
Мы кинулись его благодарить;
Но, насъ какъ бы не видя и не слыша,
Онъ бережно добычу передъ нами
На землю положилъ, въ толпу
вмѣшался,
И безъ слѣда исчезъ.

Натанъ.

Дастъ Богъ, найдется.

Дая.

Немного дней спустя, мы увидали:
Гуляетъ онъ подъ пальмами, что гробъ
Господень осѣняютъ. Я въ восторгъ
Скорѣй къ нему: благодарю сначала,
Потомъ прошу, молю — прійти хоть
разъ
Порадовать невинное созданье,
Которое не обрѣтетъ покоя,

Пока всей благодарности въ слезахъ
У ногъ его не выльетъ.

Натанъ.

Ну?

Дая.

Напрасно!

На всѣ мои моленья отвѣчалъ онъ
Лишь горькими насмѣшками — и мнѣ
Особенно досталось...

Натанъ

Такъ досталось,
Что больше не рѣшилась ты...

Дая.

Напротивъ!

Къ нему я подходила каждый день —
И каждый день онъ надо мной
глумился.

Чего-чего не потерпѣлась я!
Чего бы не стерпѣла я охотно
И долѣ! Но ужъ давно не видно
Его подъ пальмами, что осѣняютъ
Гробъ нашего Спасителя: куда
Дѣвался онъ опять — никто не знаетъ. —
Въ недоумѣньи вы?

Натанъ.

Я размышляю,
Какъ долженъ этотъ случай повліять
На душу Рэхи. Выносить презрѣнье,
Когда сама готова поклоняться!
Считать себя отвергнутой, когда
Влеченію противиться не въ силахъ! —
И вотъ ужъ голова въ разладѣ съ
сердцемъ:
Что побѣдитъ въ концѣ концовъ —
унынье
Иль ненависть ко всѣмъ и ко всему?
А иногда, вмѣшавшись въ эту распря,
Надъ тѣмъ и надъ другимъ

воображенье
Одерживаетъ верхъ — и человѣкъ
Становится мечтателемъ, въ которомъ
То голова играетъ сердцемъ властно,
То сердце головой. Плохая смѣна! —
И, либо я совсѣмъ не знаю Рэху,

Но думается мнѣ, что эта участь
Постигла и ее: она мечтаетъ.

Дая.

Мечтаетъ, да; но такъ благочестиво,
Такъ дѣвственно!

Натанъ.

Въ бреду она, въ бреду!

Дая.

Особенно одна — причуда, что ли, —
Ей дорога. Храмовникъ этотъ будто
Не сынъ земли и чуждъ всего земного;
Она его тѣмъ ангеломъ считаетъ,
Котораго охранѣ съ дѣтскихъ лѣтъ
Привыкла довѣрять свое сердечко:
Весь облакомъ окутанный, виталъ
Надъ нею онъ въ огнѣ — и вдругъ
явился

Храмовникомъ. — Смѣшно? —

Кто знаетъ! Смѣйтесь,
Но будьте снисходительны, не троньте
Ея мечты, которую способны
Понять и христіанинъ, и еврей,
И мусульманинъ, — сладостной мечты!

Натанъ.

И для меня столь сладостной! —

Ну, Дая,

Ступай теперь, голубушка, ступай —
Взгляни, что Рэха дѣлаетъ; хотѣлъ бы
Я съ ней поговорить. — Потомъ
На поиски за дикаремъ забавнымъ,
За ангеломъ-хранителемъ, отправлюсь.
И, если на землѣ, среди насъ грѣшныхъ,
Онъ странствовать еще изволитъ, если
Въ своихъ дѣлахъ и подвигахъ

высокихъ

Все также неучтивъ онъ, — непременно
Найду и приведу его

Дая.

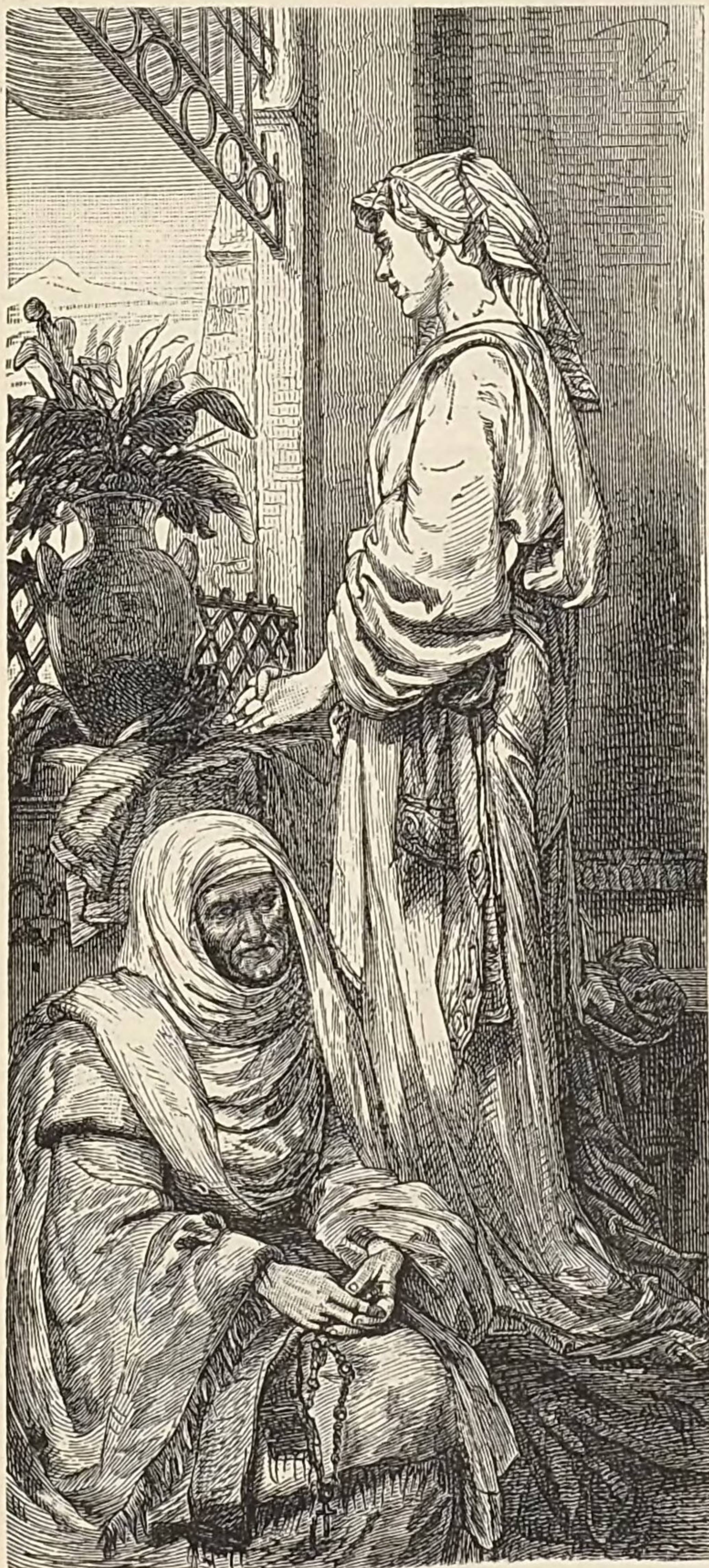
Задача

Не легкая.

Натанъ.

Отъ сладостной мечты
Пора и къ правдѣ сладостной. —
Ахъ, Дая!

Повѣрь ты мнѣ, повѣрь, что человѣку
Всегда милѣе человѣкъ, чѣмъ ангель;

Дѣйствіе первое. — Явленіе первое.

И на меня ужъ сѣтовать, конечно,
Не будешь ты, когда больная наша
Отъ неземныхъ мечтаній исцѣлится?

Дая.

Какъ вы добры... и какъ вы злы! —

Иду. —

Смотрите же, Натанъ! —

Да вотъ и Рѣха.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Рѣха.

Рѣха.

Такъ это вы, отецъ? Навѣрно вы?
Я думала, что къ намъ отъ васъ явился
Гонцомъ лишь голосъ вашъ.

Что жъ вы стоите?
Какія же еще насъ раздѣляютъ
Пустыни, рѣки, горы? Вашу Рѣху
Вы видите въ живыхъ и не спѣшите
Обнять ее? А вѣдь она горѣла! —
Почти, почти горѣла! Не пугайтесь!
Сгорѣть же... О! Сгорѣть — нѣтъ
смерти хуже.

Натанъ.

Дитя мое возлюбленное! Рѣха!

Рѣха.

Переплывать пришлось вамъ Іорданъ,
Ефратъ и Тигръ; быть-можетъ, и
другія —

Не знаю ужъ, какія воды? — Часто
За вашу жизнь дрожала я, сама же
Въ огнѣ чуть не погибла!

И съ тѣхъ поръ,
Какъ я сама въ огнѣ чуть не погибла,
Ужъ смерть въ водѣ мнѣ кажется
спасеньемъ,

Отрадою, блаженствомъ райскимъ. —
Къ счастью,

Не утонули вы, я не сгорѣла:
О, какъ должны мы радоваться оба!
Какъ Господа должны мы славословить!
Вѣдь по Его велѣнью охраняли
Невидимые ангелы и васъ
И вашъ челнокъ надъ безднами

рѣчными;

И видимый былъ Имъ же посланъ
ангелъ,

Лессингъ. Натанъ-мудрецъ.

Дѣйствіе первое. — Явленіе второе.

Чтобъ вынести меня на бѣлыхъ
крыльяхъ
Изъ пламени —

Натанъ (въ сторону).

На бѣлыхъ крыльяхъ! Да!
Храмовникъ . . . бѣлый плащъ . . .
Да, да! Понятно.

Рэха.

Чтобъ вынести воочію меня
На бѣлыхъ развѣвающихъ крыльяхъ
Изъ пламени. — Итакъ, мнѣ довелось
Лицомъ къ лицу быть съ ангеломъ —
и это
Мой ангелъ! Мой!

Натанъ.

Мнѣ кажется, что Рэха
Вполнѣ достойна ангела увидѣть;
И ужъ она въ его глазахъ навѣрно
Явилась бы не менѣе прекрасной,
Чѣмъ онъ въ ея.

Рэха (съ улыбкой).

Кому же вы хотите
Польстить? Себѣ иль ангелу?

Натанъ.

Но, если бъ
Обязана была своимъ спасеньемъ
Ты человѣку только — человѣку,
Какихъ родитъ природа ежедневно, —
То не былъ бы онъ развѣ для тебя
Такимъ же ангеломъ?

Конечно, былъ бы.

Рэха.

Такимъ же? Нѣтъ!

Мой ангелъ — настоящій;
То настоящій ангелъ былъ, я знаю. —
Да вы же, вы меня учили сами,
Что могутъ быть и ангелы на свѣтѣ,
Что можетъ Богъ и чудеса творить
Ко благу тѣхъ, кто чтитъ Его и любить!
А я Его люблю.

Натанъ.

И Онъ тебя;
И для такихъ, какъ ты, Онъ ежечасно

Являетъ чудеса — явилъ ихъ даже
До бытія вселенной.

Рэха.

Вотъ, что я
Всегда, всегда готова слушать.

Натанъ.

Какъ?

Лишь потому, что явно быть
спасенной
Храмовникомъ, обыкновеннымъ
смертнымъ,
Ужъ черезчуръ естественной и просто, —
Такъ потому и чуда здѣсь не видѣть?
Да высшее-то чудо въ томъ есть,
Что подлинно чудесныя явленія
И могутъ и должны казаться намъ
Вполнѣ обыкновенными. Нельзя же,
Чтобъ мыслящіе люди называли
Чудеснымъ то, что называютъ дѣти,
Которыя, разинувъ рты, глазѣютъ
На всякую новинку.

Дая (Натану).

Вы, должно-быть,
Такими хитроумными рѣчами
Въ конецъ ее съ ума свести хотите?

Натанъ.

Оставь! — Итакъ, не чудомъ ты
считаешь,
Что спасъ тебя отъ смерти человѣкъ,
Который самъ спасенъ не малымъ
чудомъ?

Да, да — я говорю: немалымъ чудомъ!
Слыхала ли ты раньше,

чтобъ храмовникъ
Былъ пощаженъ султаномъ

Саладиномъ?
Чтобъ самъ храмовникъ требовалъ
пощады
Иль ожидалъ ее? Чтобъ за свободу
Могъ предложить онъ большее

что-либо,
Чѣмъ кожаный свой поясъ,
на которомъ
Волочить онъ оковы за собою. —
И самое большое — свой кинжалъ?

Рэха.

Такъ разсудили вы. — Вотъ потому-то
И не храмовникъ это былъ,

а призракъ

Храмовника. — Изъ нихъ вѣдь ни одинъ
Въ Іерусалимъ не попадетъ иначе,
Какъ обреченный смерти; ни одинъ
По городу разгуливать не будетъ
Съ такой свободой: какъ же вы хотите,
Чтобъ могъ меня спасти храмовникъ
ночью,

По доброй волѣ?

Натанъ.

Ловко извернулась!

Ну, Дая, твой чередъ. Ты мнѣ сказала,
Что плѣнникомъ доставленъ онъ сюда.
Но это вѣдь не все?

Ты больше знаешь?

Дая.

Толкуютъ разное. —

Храмовникъ, будто,
Лишь оттого помилованъ, что въ немъ
Султанъ нашелъ большое сходство
съ братомъ,

Котораго особенно любилъ.
Но этого любимца лѣтъ ужъ двадцать
На свѣтѣ нѣтъ; какой онъ смертью
умеръ

И какъ онъ назывался — я не знаю:
Ну, такъ ужъ, такъ невѣроятно,
словомъ,

Что это я считаю прямо сказкой.

Натанъ.

Э, Дая! Почему невѣроятно?
Ты это говоришь не для того ли,
Чтобъ съ большею готовностью

повѣрить

Чему-нибудь еще невѣроятнѣй?
Частенько такъ бываетъ съ нами. —

Значить,

Въ дни юности не могъ одинъ изъ
братьевъ

Особенно быть милымъ Саладину,
Который всѣхъ родныхъ своихъ такъ
любитъ?

Двухъ схожихъ лицъ въ природѣ
не бываетъ?

Минувшихъ лѣтъ живое впечатлѣніе
Не продолжаетъ жить?

Знакомый образъ

Знакомыхъ чувствъ не пробуждаетъ
въ сердцѣ?

Съ какой поры? —

Что въ этомъ ты находишь
Невѣроятнаго? — Ахъ, Дая, Дая!
Для мудрой головы твоей, конечно,
Здѣсь чуда нѣтъ; твои лишь чудеса
Нуждаются...

Не то хотѣлъ сказать я:
Заслуживаютъ вѣры.

Дая.

Вы смѣтаетесь.

Натанъ.

А ты? — Итакъ, твое спасенье, Рэха,
Должны признать мы чудомъ

несомнѣннымъ,

Лишь для Того возможнымъ,

Кто нерѣдко

Строжайшія, суровѣйшія мѣры
Земныхъ владыкъ десницай

всемогущей

Въ невинную забаву превращаетъ.

Рэха.

Отецъ! отецъ! Когда я заблуждаюсь —
Вы знаете, пріятно ль это мнѣ!

Натанъ.

Я знаю, что тебѣ всегда пріятно
Разсѣять заблужденіе. — Смотри!
Повыше или пониже лобъ; у носа
Такое иль иное очертанье;
На острой иль тупой кости, дугою
Иль прямо — брови; лишняя черта,
Изгибъ, морщинка, пятнышко, пустая
Особенность въ лицѣ у европейца —
Здѣсь, въ Азіи, спасаетъ жизнь
тебѣ!

И это, маловѣрныя вы души,
Не чудо? Нѣтъ? И вамъ еще зачѣмъ-то
Понадобилось ангела тревожить?

Дая.

Позвольте мнѣ спросить, Натанъ:
когда

Пріятнѣе намъ ангела считать
Спасителемъ своимъ, чѣмъ человека,
Какой въ томъ вредъ? —

Такъ думая, не ближе ль
Мы къ истинѣ находимся —
къ начальной,
Непостижимой истинѣ?

Натанъ.

Гордыня —
И больше ничего! — Котелъ желаетъ,
Чтобъ вынули изъ пламени его
Серебрянымъ ухватомъ: не сойдетъ ли
И самъ онъ за серебряный? —

Да, какже! —
Какой здѣсь вредъ, ты спрашиваешь?
Ну,

А мнѣ позволъ спросить:
какая польза?

Что къ Богу ближе вы?
Такъ это прямо
Безсмыслица иль богохульство. —
Знай же:

Здѣсь вредъ большой;
здѣсь несомнѣнный вредъ! —
Послушайте! —

Неправда ль, кто бы ни былъ
Нежданный твой спаситель, Рэха, —
ангелъ

Иль человекъ, — старались бы вы обѣ,
А ты особенно, гораздо большей
Услугой отплатить ему?

Неправда ль? —
Какую жъ наибольшую услугу
Вы ангелу могли бы оказать?
Благодарить его; взывать, молиться;
Сливаться съ нимъ въ восторженномъ
порывѣ;

Въ день памяти его — благотворить,
Поститься. Вотъ и все. —

Кому жъ услуга?
Мнѣ кажется, скорѣй себѣ и

ближнимъ,
Чѣмъ ангелу. Отъ вашего поста
Не потучнѣетъ онъ; отъ подаяній

Не станетъ богачомъ; отъ пылкой вѣры
Не возрастутъ ни мощь его ни слава.
Не правъ ли я? А будь онъ человекъ!

Дая.

Конечно, будь онъ человекъ, могли бы
Мы для него гораздо больше
сдѣлать.

И, видитъ Богъ, мы къ этому
стремились
Всѣмъ сердцемъ, всею душой! Ничего
Онъ не хотѣлъ. ни въ чѣмъ онъ не
нуждался,

И такъ въ себѣ самомъ, самимъ
собою
Казался онъ доволенъ, какъ бываетъ
И можетъ быть доволенъ только
ангелъ.

Рэха.

Когда же онъ совсѣмъ исчезъ...

Натанъ.

Исчезъ?

Какъ такъ: исчезъ? —

Вѣдь онъ же появлялся
Подъ пальмами? —

Иль вы въ другихъ мѣстахъ
Его потомъ искали?

Дая.

Нѣтъ.

Натанъ.

Нѣтъ, Дая? Нѣтъ? —
Ну, вотъ и вредъ тебѣ!

Вотъ, вотъ она —
Мечтательность жестокая! — А если
Вашъ ангелъ боленъ?

Рэха.

Боленъ!

Дая.

Быть не можетъ.

Рэха.

О, Дая, какъ мнѣ холодно! —

Дотронься
До головы моей!

Натанъ.

Онъ чужеземецъ —
И чуждъ ему нашъ климатъ;
слишкомъ юнъ,
Чтобъ вынести тяжелую работу,
Посты, ночныя бдѣнья.

Рѣха.

Боленъ! Боленъ!

Дая.

Да вѣдь Натанъ предполагаетъ
только.

Натанъ.

Лежить одинъ!

Нѣтъ ни друзей, ни денегъ,
Чтобъ хотъ нанять друзей.

Рѣха.

Отецъ!

Натанъ.

Лежить
Безъ помощи, безъ ласки, безъ
утѣхи,
Въ предсмертныхъ мукахъ!

Рѣха.

Гдѣ онъ? гдѣ?

Натанъ.

И кто же!
Кто бросился въ огонь спасать
кого-то —
Богъ вѣсть, кого...
ну, человѣка просто...

Дая.

Натанъ! Да пощадите...

Натанъ.

Кто не только
Знакомства со спасеннымъ не искалъ,
Чтобъ должникомъ своимъ его не
сдѣлать...

Дая.

Да пощадите же, Натанъ...

Натанъ.

Но даже
Старался съ нимъ не встрѣтиться —
ужъ развѣ
Вторично бы спасать его пришлось,
Спасать какъ человѣка.

Дая.

Перестаньте!

Взгляните на нее!

Натанъ.

Кому одно
Осталось передъ смертью утѣшенье —
Сознанье дѣла добраго!

Дая

Ее

Убьете вы!

Натанъ.

А ты его убила! —
Легко убить могла бы. — Рѣха! Рѣха!
Лѣкарство я даю тебѣ, не ядъ.
Онъ живъ! — Прийди въ себя! —
Да и болѣть
Не думалъ вовсе! Слышишь, Рѣха?

Рѣха.

Правда?

Не умеръ? И не боленъ?

Натанъ.

Правда, правда!
Не умеръ потому, что за добро,
При жизни совершенное, при жизни
Господь и воздастъ. — Ступай! —
Запомни,
Что набожно мечтать гораздо легче,
Чѣмъ поступать по совѣсти и долгу:
Кто волей слабъ, охотно предается
Такимъ мечтамъ, чтобъ только —
самъ порою
Не сознавая умысла — чтобъ только
Огъ добрыхъ дѣлъ себя избавить.

Рѣха.

Ахъ,

Отецъ, отецъ! Ужъ больше вашу Рѣху
Одну не оставляйте вы надолго!

Вѣдь онъ куда-нибудь могъ и уѣхать,
Неправда ли?

Натанъ.

Ступайте! — Да, конечно. —
Не знаете, кто этотъ мусульманинъ,
Что подошелъ къ моимъ верблюдамъ?

Дая.

А!

Вашъ дервишъ.

Натанъ.

Кто?

Дая.

Вашъ дервишъ, вашъ товарищъ
По шахматамъ.

Натанъ.

Аль-Гафи?

Дая.

Да. Теперь

Онъ казначей султана.

Натанъ.

Кто? Аль-Гафи?
Опять тебѣ пригрезилось? — Да, онъ!
Дѣйствительно! Идешь сюда. —

Скорѣе,

Скорѣе въ домъ. —

Охъ, что то я услышу!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Натанъ и Дервишъ.

Дервишъ.

Во всѣ глаза смотрите! Шире, шире!

Натанъ.

Да эго ты? Ты, въ самомъ дѣлѣ? —
Дервишъ

Въ такомъ великолѣпнн!

Дервишъ.

Ну, да

Чему же вы дивитесь? Развѣ дервишъ

Такое ужъ негодное созданье,
Что для него и службы не найдется?

Натанъ.

Какъ не найтись! —

Но мнѣ всегда казалось,
Что истинный, призванью вѣрный
дервишъ
Самъ въ службу не пойдетъ.

Дервишъ.

Пророкъ свидѣтель!
Не изъ такихъ я дервишей, но могъ
Быть и такимъ.

Хотя, когда обязанъ . . .

Натанъ.

Обязанъ? Кто? Обязанъ дервишъ?

Значитъ,

Онъ можетъ быть обязанъ и къ тому,
Къ чему никто обязанъ быть не
можетъ?

Къ чему жъ онъ былъ обязанъ?

Дервишъ.

Сдѣлать то,
О чемъ его съ открытымъ сердцемъ
просятъ
И въ чемъ добро онъ видитъ, —
вотъ къ чему
Обязанъ дервишъ.

Натанъ.

Нашъ Господь свидѣтель!
Твои слова — святая правда. — Дай
Обнять тебя. —

Вѣдь мы друзья донынѣ?

Дервишъ.

Спросили бы сперва, чѣмъ сталъ я
нынѣ!

Натанъ.

Да чѣмъ бы ты ни сталъ!

Дервишъ.

А если вдругъ
Такою сталъ я птицею, что больше
И знаться вы со мной не захогите?

Натанъ.
Куда ни шло!
Ты птица лишь по перьямъ —
Душою же, надѣюсь, тотъ же дервишъ.

Дервишъ.
Почетъ-то вѣдь и перья лкбятъ. —
Ну-ка,

Какъ дервишемъ.
Да заодно ужъ развѣ
И поваромъ.

Дервишъ.
Благодарю покорно!
Чтобъ все свое искусство позабыть?
Я — поваромъ!

Дѣйствіе первое. — Явленіе третье.

Отвѣтите мнѣ: будь вы султаномъ,
что-ли, —
Чѣмъ былъ бы я у васъ?

Натанъ.
Не чѣмъ инымъ,

Слугой — еще скажите. —
Нѣтъ, кое-гдѣ меня вѣрнѣе цѣнятъ.
Я — казначей султана.

Натанъ.
Ты? Султана?

Дервишъ.

Не главный! Нѣтъ!

Большою-то казною
Попрежнему его родитель править;
А у меня домашняя казна.

Натанъ.

Что жъ, домъ его великъ.

Дервишъ.

И даже больше,
Чѣмъ вы предполагаете, — считая
При домѣ всѣхъ іерусалимскихъ
нищихъ.

Натанъ.

Но Саладинъ такъ ненавидитъ
нищихъ...

Дервишъ.

Что ихъ стереть съ лица земли
рѣшился,
Хотя бы черезъ это обнищать
И самому пришлось.

Натанъ.

Хвала султану!
Я самъ того же мнѣнія.

Дервишъ.

Признаться,
Ужъ и теперь онъ нищій. —
Ежедневно,
Лишь солнышко къ закату, отъ казны
Намека на казну не остается.
Съ утра — приливъ, чуть не потопъ,
а въ полдень
Сухохонько.

Натанъ.

Такіе есть протоки,
Что ни наполнить ихъ ни запрудить
Нельзя, какъ ни старайся.

Дервишъ.

Точка въ точку
Попали вы!

Натанъ.

Я думаю, что такъ!

Дервишъ.

Нехорошо, когда властитель —
коршунъ
Средь падали; когда же самъ онъ
падалъ
Межъ коршуновъ — совсѣмъ ужъ дѣло
дрянь.

Натанъ.

Нѣтъ дервишъ, нѣтъ!

Дервишъ.

Да, вамъ легко! — Ну, что
Даете вы? Я мѣсто уступаю.

Натанъ.

А много ли оно приносить?

Дервишъ.

Мнѣ?

Бездѣлицу. —

Но вамъ была бы жатва!
Чуть-чуть у васъ въ казнѣ отливъ
обычный —
Сейчасъ же вы поднимете затворы
И впустите водицы; за услугу жъ
Возьмете ростъ, какой угодно.

Натанъ.

Такъ;

А послѣ ростъ на ростъ отъ роста?

Дервишъ.

Вѣрно!

Натанъ.

Пока не обратятся въ ростъ всѣ
деньги?

Дервишъ.

Не по сердцу вамъ это?

Значитъ, надо
Разводную писать и нашей дружбѣ!
По правдѣ говоря, на васъ я сильно
Разсчитывалъ.

Натанъ.

По правдѣ? Въ чемъ же? въ чемъ?

Дервишъ.

Да въ томъ, что вы поможете мнѣ
съ честью

И другомъ челоѣчества являться
Для нѣсколькихъ десятковъ?

Не бахвальство —
Тягаться въ милосердіи съ
Предвѣчнымъ,
Щедроты изливающимъ Свои
Равно на добрыхъ и на злыхъ, на нивы
И на пустыни, въ солнцѣ и въ
дождѣ, —

Тягаться, не имѣя постоянно
Наполненной десницы?
Не бахвальство...

Натанъ.

Довольно! Перестань!

Дервишъ.

Позвольте мнѣ
Въ своемъ еще бахвальствѣ
повиниться! —
Что жъ, не бахвальство развѣ —
находить
Хорошее въ завѣдомомъ бахвальствѣ
И, этому хорошему поддавшись,
Въ бахвальство самому втянуться? А?
Что скажете?

Натанъ.

Скорѣй бы ты, аль-Гафи,
Въ пустыню уходилъ! Боюсь я очень,
Что межъ людей разучишься ты вовсе
И человѣкомъ быть.

Дервишъ.

И я боюсь.

Прощайте!

Натанъ.

Какъ? Такъ скоро? — Погоди же!
Иль убѣжить твоя пустыня? —

Стой! —

Не слушаетъ! — Аль-Гаффи!

Эй, аль-Гаффи!

Вернись! — И слѣдь простылъ; а я еще
Поразспросить хотѣлъ его о нашемъ
Храмовникѣ. Его онъ, вѣрно, знаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дая поспѣшно входитъ. Натанъ.

Дая.

Натанъ! Натанъ!

Натанъ.

Ну, что еще?

Дая.

Явился!

Опять явился!

Натанъ.

КТО?

Дая.

Онъ! Онъ!

Натанъ.

Онъ! Онъ! —

Ихъ мало ли является повсюду! —
Ахъ, я забылъ: вѣдь онъ у васъ
одинъ. —

Нехорошо! будь это ангель даже —
И то не хорошо!

Дая.

Взадъ и впередъ
Подъ пальмами попрежнему онъ
бродить
Да финики по временамъ срываеъ.

Натанъ.

И ѣсть ихъ по-храмовничьи?

Дая.

Вотъ мѹка! —

Своими ненасытными глазами
Она его сквозь чашу разглядѣла
И не теряетъ изъ виду теперь.
И вотъ она васъ просить, заклинаетъ:
Пойдите вы къ нему! Скорѣй пойдите!
Туда ли онъ направится, обратно-ль,
Она въ окно укажетъ вамъ.

Скорѣй же!

Натанъ.

Едва успѣлъ съ верблюда я сойти?
Пристойно ли! — Ступай сама скорѣе,

Предупреди его, что я вернулся.
Какъ честный человѣкъ, не захотѣлъ

онъ

Войти въ мой домъ въ отсутствіе мое;
Когда же самъ отецъ его попросить,
Онъ явится охотно — вотъ увидишь.
Ступай, скажи, что я его прошу,
Сердечно я прошу его. . .

Дая.

Напрасно!

Къ вамъ не пойдетъ онъ. —

Говоря короче,

Онъ не пойдетъ къ еврею.

Натанъ.

Такъ ступай же
И удержи его, по крайней мѣрѣ;
Слѣди за нимъ. —

Ступай, я не замедлю.

(Натанъ поспѣшно входитъ въ домъ. Дая
уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Сцена представляетъ площадь съ пальмами,
подъ которыми Храмовникъ ходитъ взадъ
и впередъ. Послушникъ слѣдуетъ за нимъ
на нѣкоторомъ разстояніи, держась въ сторонѣ,
но видимо желая заговорить.

Храмовникъ.

Слѣдить за мной не даромъ этотъ
малый! —

Все на руки косится! —

Добрый братъ. . .

Иль, можетъ-быть, отецъ?

Послушникъ.

Довольно брата. —

Послушникъ я — и вашъ слуга
покорный.

Храмовникъ.

Будь у меня хоть что-нибудь!

Ей Богу,

Нѣтъ ничего! Ей Богу, нѣтъ!

Послушникъ.

И все-же

Сердечную примите благодарность!

Дѣйствіе первое.—Явленіе пятое.

За доброе желанье да воздасть
Господь сторицей вамъ.

Не тотъ податель,
Кто подаетъ, а кто подать желаетъ.
Меня и не за милостыней, впрочемъ,
Прислали къ вамъ.

Храмовникъ.

За тѣмъ ли, за другимъ ли, —
Но васъ прислали.

Послушникъ.

Изъ монастыря.

Храмовникъ.

Куда сейчасъ я заходилъ въ надеждѣ
Найти за братской трапезой мѣстечко?

Послушникъ.

Свободныхъ мѣстъ не оставалось
больше;

Не будетъ ли угодно господину
Пожаловать теперь?

Храмовникъ.

Къ чему? Я мяса
Давно уже не ѣлъ; но мнѣ поститься
Не привыкать. Вотъ финики созрѣли.

Послушникъ.

Ахъ, финиковъ остерегаться надо:
Отъ нихъ, при неводержности, всегда
И селезенка пухнетъ и въ унынье
Впадаетъ человѣкъ.

Храмовникъ.

Да, можетъ-быть,
Мнѣ нравится унынье? —
Но, надѣюсь,
Васъ не за тѣмъ прислали, чтобъ
меня
Предостеречь отъ финиковъ?

Послушникъ.

О, нѣтъ! —
Извѣдать васъ и раскусить я долженъ.

Храмовникъ.

И мнѣ же, мнѣ, вы это говорите?

Послушникъ.

Такъ что жъ?

Храмовникъ.

(Лукавый братъ!) — А много ль въ
вашей
Обители такихъ, какъ вы?

Послушникъ.

Не знаю.

Я знаю лишь свой долгъ —
повиноваться.

Храмовникъ.

При томъ еще — не мудрствуя, я вижу,
Вы такъ и поступаете?

Послушникъ.

Когда бы

Я мудрствовалъ, любезный господинъ,
Гдѣ было бы тогда повиновенье?

Храмовникъ.

(Святая простота!) — А кто желаетъ
Узнать меня короче? Что не вы —
Поклясться я готовъ.

Послушникъ.

Какое право

Имѣю я? Какая мнѣ нужда?

Храмовникъ.

Кому жъ нужда? И кто имѣетъ право?

Послушникъ.

Навѣрно, патріархъ: я потому
Такъ думаю, что имъ-то я и посланъ.

Храмовникъ.

Какъ? Патріархъ?

Кому жъ извѣстно лучше,
Что значать бѣлый плащъ и красный
крестъ!

Послушникъ.

Когда и мнѣ извѣстно!

Храмовникъ.

Ну? Чего жъ вамъ?

Храмовникъ я, взять въ плѣнъ.
Могу прибавить:

Взять въ плѣнъ въ бою при крѣпости
Тебнинѣ,

Которою мы овладѣть пытались
Въ исходѣ перемирія, желая
Скорѣй себѣ къ Сидону путь очистить.
Могу еще прибавить: взято въ плѣнъ
Насъ двадцать человѣкъ, но я одинъ

Что за причина милости султана
Къ вамъ одному?

Храмовникъ.

А я-то развѣ знаю! —
Съ открытой шеей, на своемъ плащѣ
Колѣнопреклоненный, жду удара:

Дѣйствіе первое. — Явленіе пятое.

Помилованъ султаномъ.

Такъ да будетъ
Извѣстно патриарху; это — все,
Что нужно знать ему, и даже больше.

Послушникъ.

Едва ли больше, чѣмъ ему извѣстно. —
Хотѣлось бы узнать ему еще,

Вдругъ Саладинъ меня пронзаетъ
взглядомъ,

Спѣшитъ ко мнѣ, протягиваетъ руку...
Я на ногахъ; я безъ оковъ; хочу
Благодарить его; онъ тронуть, онъ
Въ слезахъ; молчить — и я молчу;
уходитъ

Я остаюсь. —

Вотъ, что со мной случилось;
Но почему и какъ случилось это —
Пусть патріархъ отгадываетъ самъ.

Послушникъ.

Увѣренъ онъ вполнѣ, что для
великихъ,
Великихъ дѣлъ васъ сохранилъ
Всевышній.

Храмовникъ.

Еще бы не великихъ! Изъ огня
Жидовку выхватить, водить къ Синаю
Охочихъ богомольцевъ и тому
Подобное.

Послушникъ.

Все будетъ, подождите! —
Хотя и то, что сдѣлано, недурно,
Но, можетъ-быть, для васъ у патріарха
Куда важнѣй дѣла найдутся.

Храмовникъ.

Вы думаете, братъ? — Да?
Онъ, безъ сомнѣнья,
Вамъ намекнулъ?

Послушникъ.

Конечно! — Но сначала
Изслѣдовать я долженъ господина:
Что онъ за человѣкъ.

Храмовникъ.

Я очень радъ.
Изслѣдуйте меня! — (Прелюбопытно,
Какъ будетъ онъ изслѣдовать!) —
Ну, что же?

Послушникъ.

Чтобъ времени не тратить, я ужъ
прямо
Скажу, чего нашъ патріархъ желаетъ.

Храмовникъ.
Вотъ и прекрасно!

Послушникъ.

Черезъ господина
Онъ письмецо желалъ бы передать.

Храмовникъ.

Черезъ меня? Я не гонецъ. —

Такъ это
И есть оно, то дѣло, что гораздо
Славнѣй, чѣмъ изъ огня спасти
жидовку?

Оно и есть?

Послушникъ.

Должно-быть. Патріархъ
Сказалъ, что въ этомъ письмецѣ
большое

Для міра христіанскаго значенье.
Кто, говоритъ, его доставить, тотъ
На небесахъ отъ Господа стяжаетъ
Особенный вѣнецъ. И, говоритъ,
Никто того вѣнца такъ недостойнъ,
Какъ мой почтенный господинъ.

Храмовникъ.

Какъ я?

Послушникъ.

И ту награду, говоритъ, никто
Не можетъ заслужить съ такимъ
успѣхомъ,
Какъ мой почтенный господинъ.

Храмовникъ.

Какъ я?

Послушникъ.

Онъ, говоритъ, гуляетъ здѣсь на волѣ;
Все высмотрѣть, запомнить можетъ;
знаетъ,

Какъ приступомъ берутся города
И какъ обороняются; всѣхъ лучше
Опредѣлить и прочность и
непрочность

Второй стѣны, воздвигнутой
султаномъ,
И лучше всѣхъ со средствами защиты
Поборниковъ Господнихъ ознакомить.

Храмовникъ.

Вѣдь я еще не знаю, добрый братъ,
Что въ письмецѣ содержится.

Послушникъ.

Мнѣ тоже
Не очень-то извѣстно. Къ королю

Филиппу письмо — вотъ, что я
знаю. —

Нашъ патріархъ... Я часто удивляюсь,
Какъ можетъ онъ, при святости такой,
Живя однимъ небеснымъ, — какъ онъ
можетъ
Вникать еще при томъ во все
земное!
Должно-быть, нелегко ему.

Храмовникъ.

Вашъ патріархъ? — Такъ что же

Послушникъ.

Подробно, точно знаетъ,
Всѣ замыслы султана, всѣ расчеты,
И силу войскъ, и ихъ расположенъе, —
Все знаетъ.

Храмовникъ.

Знаетъ?

Послушникъ.

Да, и королю
Филиппу сообщить все это хочетъ,
Чтобъ тотъ успѣлъ и взвѣсить и
обдумать,
Большая ли грозитъ ему опасность
И нужно ли, во что бы то ни стало,
Продолжить перемиріе, съ которымъ
Такъ мужественно орденъ вашъ
рѣшилъ
Покончить.

Храмовникъ.

Ай-да патріархъ! — И такъ,
Любезному и доблестному мужу
Во мнѣ приобрѣсти благоугодно
Лазутчика? —

Прошу васъ, добрый братъ,
Скажите патріарху, что, насколько
Вамъ удалось изслѣдовать меня,
Я не гожусь для этого. —

Я — плѣнникъ
И плѣнникомъ себя держать обязанъ;
Да и храмовникъ я: мой долгъ —
сражаться,
А не служить въ лазутчикахъ.

Послушникъ.

Я самъ

Такъ думалъ бы! —

Но здѣсь большой обиды
Не вижу я для господина. Впрочемъ,
Есть у меня для васъ получше нѣчто:
Нашъ патріархъ успѣлъ еще провѣдать,
Что въ крѣпости какой-то на Ливанѣ
Отецъ предусмотрительный султана
Хранить его несмѣтную казну
Для содержанья войска и для прочихъ
Военныхъ нуждъ.

Въ той крѣпости частенько
Самъ Саладинъ бываетъ, и туда
Окольными тропинками онъ ходитъ,
Почти не охраняемый. — Понятно?

Храмовникъ.

Пока — ничуть!

Послушникъ.

Чего бы легче было
Напасть тогда врасплохъ на Саладина
И пришибить его! —

Вамъ страшно стало? —
О, есть уже охотники на это —
Благочестивыхъ маронитовъ пара:
Нашелся бы лишь добрый человѣкъ,
Который бы повелъ ихъ за собою.

Храмовникъ.

И этимъ человѣкомъ патріархъ
Меня считаетъ? Да?

Послушникъ.

Онъ полагаетъ,
Что помощь въ этомъ дѣлѣ
непремѣнно
Король Филиппъ вамъ оказалъ бы.

Храмовникъ.

Мнѣ?

Мнѣ, братъ мой? мнѣ?

Не слышали вы развѣ —
Не слышали, я спрашиваю васъ, —
Чѣмъ Саладину, я обязанъ?

Послушникъ.

Слышалъ.

О, слава, слава Богу! — Гдѣ же вы
Все это время были? — Не хворали,
Надѣюсь?

Храмовникъ.
Нѣтъ.

Дая.
Здоровы значить?

Дая.
Вы, вѣрно, отлучались?

Храмовникъ.
Отлучался.

Дая.
Вернулись нынче? Только что?

Дѣйствіе первое. — Явленіе шестое.

Храмовникъ.
Дая. Да.

А мы-то безпокоились!

Храмовникъ.
Неужто?

Храмовникъ.
Вчера.

Дая.

И нашъ старикъ вернулся нынче.
Рѣха
Надѣяться теперь имѣть право?

Храмовникъ.

На что?

Дая.

На то, о чемъ такъ часто васъ
Просили мы. Объ этомъ же усердно
Сейчасъ ея отецъ просить васъ будетъ.
Пріѣхалъ онъ изъ Вавилона. Сколько
Диковинокъ привезъ онъ

чужеземныхъ —

И пряностей, и тканей, и камней,
И всякаго добра! Едва все это
На двадцати верблюдахъ умѣстилось.

Храмовникъ.

Я ничего не покупаю.

Дая.

Чтутъ

Его единовѣрцы, какъ владыку.
Одно мнѣ непонятно: почему
Натаномъ-мудрецомъ его прозвали,
А не Натаномъ-богачомъ.

Храмовникъ.

Быть-можетъ,

На языкѣ ихъ мудрость и богатство
Одно и то же значать.

Дая.

А по мнѣ

Натаномъ-добрякомъ его прозвать бы.
Вѣдь до чего онъ добръ, повѣрить
трудно.

Когда о вашемъ подвигѣ узналъ онъ —
Вотъ стоило взглянуть! Чего бы только
Для васъ онъ въ то мгновенье не
сдѣлалъ!

Чего бы вамъ не отдалъ онъ!

Храмовникъ.

Скажите!

Дая.

Прійти бы вамъ и убѣдиться.

Храмовникъ.

Въ чемъ?

Не въ томъ ли, что мгновенье
мгновенно?

Дая.

Да развѣ я, не будь такимъ онъ
добрымъ,

Жила бы у него такъ долго? Развѣ
Достоинство свое, какъ христіанки,
По-вашему, ужъ ни во что я ставлю?
Мнѣ въ пѣсняхъ колыбельныхъ не
сулили,

Что съ мужемъ попаду я въ Палестину
Лишь для того, чтобъ стать жидовской
нянькой.

Мой дорогой покойникъ, Барбароссъ
И вѣрою и правдою служившій...

Храмовникъ.

Швейцарецъ родомъ былъ;

великой чести

И милости сподобился въ одной
Рѣкѣ съ его величествомъ погибнуть.
Въ который разъ я это слышу?

Долго ль

Вы будете преслѣдовать меня?

Дая.

Преслѣдовать! О Господи!

Храмовникъ.

Да, да,

Преслѣдовать. Я не желаю больше
Ни видѣть васъ, ни слышать!

Не желаю,

Чтобъ вы надоѣдали мнѣ на каждомъ
Шагу напоминаньями о томъ,
Что сдѣлалъ я, не размышляя вовсе,
И что, по размышленьи, самому
Мнѣ кажется загадкой. Не хотѣлъ бы
Раскаяться я въ этомъ. Но, смотрите,
Представится еще такой же случай —
Вы будете виновны, если въ пламя
Не сразу брошусь я, а раньше
справлюсь

Да и скажу: гори!

Дая.

Избави Боже!

Храмовникъ.

Ужъ будьте благосклонны хоть
отнынѣ —

Не знайте вы меня. Прошу васъ очень.
И объ отцѣ чтобъ я не слышалъ.
Жидъ

Останется жидомъ.

Я швабъ нескладный.
А если образъ дѣвушки и жилъ
Въ моей душѣ, то жилъ весьма
недолго.

Дая.

Но вашъ въ ея душѣ еще не умеръ.

Храмовникъ.

И что же? Дальше что?

Дая.

Кто знаетъ!

Вѣдь люди не всегда бываютъ тѣмъ,
Чѣмъ кажутся.

Храмовникъ.

А чѣмъ-нибудь похуже?
(Идетъ)

Дая.

Постойте же! Куда вы такъ спѣшите?

Храмовникъ.

Я здѣсь люблю гулять: не заставляйте
Меня возненавидѣть это мѣсто.

Дая.

Ну, и ступай, ступай, медвѣдь
нѣмецкій!

Гуляй себѣ, гдѣ хочешь! —

Какъ ни какъ,
Звѣрь выслѣженъ — слѣда терять не
надо.

(Наблюдаетъ за нимъ издали).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет дворецъ султана.
Саладинъ и Зитта играютъ въ шахматы.

Зитта.

Ну, Саладинъ! Очнись!
Какъ ты играешь!

Саладинъ.

Ужъ будто бы такъ плохо?
Вотъ не думалъ!

Зитта.

Не плохо для меня. И то едва ли.
Возьми свой ходъ назадъ.

Саладинъ.

Зачѣмъ назадъ?

Зитта.

Коня теряешь.

Саладинъ.

Вѣрно. Такъ!

Зитта.

Тогда

Я вилку дѣлаю.

Саладинъ.

И это вѣрно.

Ну, шахъ!

Зитта.

Былъ шахъ—и нѣтъ его. Все то же.

Саладинъ.

Отсюда мнѣ не выбраться, я вижу.
Конь твой — возьми.

Зитта.

Зачѣмъ? Я такъ иду.

|| Саладинъ.

Даришь? Умно. Подарокъ-то дешевый,
А мѣсто дорогое.

Зитта.

Можетъ быть.

Саладинъ.

Похвалишься — спохватишься.
Гляди-ка!
Не ожидала этого? Признайся!

Зитта.

Никакъ не ожидала, чтобъ помѣхой
Была тебѣ твоя же королева.

Саладинъ.

Помѣхой королева?

Зитта.

Я ужъ вижу:
Сегодня ровно тысячу динаровъ
Должна съ тебя я выиграть.

Саладинъ.

Какъ такъ?

Зитта.

Хитри еще! — А кто, со мной играя,
Старается проигрывать нарочно? —
Но этому нисколько я не рада.
Неговоря уже о томъ, что такъ
Играть совсѣмъ невесело, — но развѣ,
Когда я и проигрывала даже,

Въ потерѣ оставалась я? Бывало ль,
Чтобъ ты, мнѣ въ утѣшеніе, съ
избыткомъ
Не возвращалъ проиграннаго мною?

Саладинъ.

Эге! Смотри: когда тебѣ случалось
Проигрывать, сестрица, не нарочно ль
Проигрывала ты?

Зитта.

По крайней мѣрѣ,
Любезный братецъ мой, весьма
возможно,
Что только изъ-за щедрости твоей
Я все еще играть не научилась.

Саладинъ.

Мы отвлеклись, однако, отъ игры.
Кончай!

Зитта.

Ты не мѣняешь? Ну, такъ — шахъ!
И шахъ двойной!

Саладинъ.

Вотъ это прозѣвалъ я.
Пропала королева.

Зитта.

Пропадала
Она и безъ того. Взгляни...

Саладинъ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Бери ее! Я никогда не зналъ
Удачи съ этой пѣшкой.

Зитта.

Только съ пѣшкой?

Саладинъ.

Прочь! прочь! — Невелика потеря.
Видишь,
Защищено попрежнему.

Зитта.

Я знаю,
Какъ надо обращаться съ королевой:

Мой братъ внушалъ мнѣ это
постоянно.
(Оставляетъ шашку на мѣстѣ)

Саладинъ.

Бери иль не бери ее, какъ хочешь;
Но для меня она не существуетъ.

Зитта.

И для меня. Шахъ! — Шахъ!

Саладинъ.

Ну, дальше

Зитта.

Шахъ!

И шахъ! — И шахъ!

Саладинъ.

И матъ.

Зитта.

Пока безъ мата.
Конемъ еще ты заслониться можешь
Иль что-нибудь иное сдѣлать.
Впрочемъ,
Какъ ни пойдѣ...

Саладинъ.

Конецъ! — Я проигралъ,
Аль-Гафи платить.

Эй, позвать аль-Гафи! —
Ты, Зитта, не совсѣмъ ошиблась: я
Въ игрѣ былъ невнимателенъ,
разсѣянъ.

И вотъ еще: кто намъ съ такимъ
упорствомъ

Приносить эти гладенькія шашки,
Въ которыхъ ничего не разберешь?
Когда бы я игралъ еще съ имамомъ!
Ну, это что! Я оправдать желаю
Свой проигрышъ.

Тутъ виноваты, Зитта,
Не шашки безобразныя: твое
Умѣніе, твой взглядъ — спокойный,
быстрый...

Зитта.

Хоть чѣмъ-нибудь своей потери жало
Ты хочешь притупить?

Покончимъ съ этимъ:
Ты былъ разсѣянъ болѣе, чѣмъ я.

Саладинъ.
Чѣмъ ты?
Да что жъ тебя могло разсѣять?

Зитта.
Ужъ не твоя разсѣянность, конечно.
О Саладинъ, когда удастся снова
Намъ поиграть съ такимъ же
прилежаньемъ?

Саладинъ.
Чѣмъ рѣже, тѣмъ заманчивѣй игра! —
Ахъ, это на войну ты намекаешь? —
Пусть жалуютъ! —

Не мой починъ; а я бы
Охотно перемиріе продолжилъ;
Охотно приискалъ бы въ то же время
Я муженька хорошаго для Зитты.
Ричардовъ братъ — чего же лучше!
Братъ

Ричарда — каково!

Зитта.
Да ужъ, извѣстно,
Никто съ твоимъ Ричардомъ не
сравнится!

Саладинъ.
А если бы еще нашъ братъ Мелекъ
Женился на сестрѣ Ричарда — то-то
Семейка бы составила! Изъ первыхъ,
Изъ лучшихъ, сколько есть ихъ въ
цѣломъ мірѣ,
И первая и лучшая! — Ты видишь,
На похвалы я не скуплюсь ни мало
И самому себѣ. Своихъ друзей,
Надѣюсь, я достоинъ. — Что за люди,
Ахъ, что за люди были бы!

Зитта.
Какъ часто
Надъ этою прекрасною мечтою
Смѣялась я! Ты христіанъ не знаешь,
Не хочешь знать. Ихъ гордость —
не людьми
Прослыть, а христіанами. И даже
Все то, что человѣчнаго, Христомъ

Завѣщаннаго имъ, въ ихъ суевѣрьи
Живетъ еще, — они и то вѣдь любятъ
Не потому, что это человѣчно,
А потому, что такъ Христосъ училъ,
Что такъ онъ поступалъ. —

Ихъ счастье,
Что самъ Христосъ былъ добрымъ
человѣкомъ!
Ихъ счастье, что Христову
добродѣтель
Могли они принять на вѣру! —
Впрочемъ,
Что добродѣтель! —

Нѣтъ, не добродѣтель,
А имя ихъ учителя, лишь имя
Должно по всей землѣ
распространиться,
Чтобъ всѣхъ людей хорошихъ имена
Затмить и обезславить. Имя, имя —
И ничего другого.

Саладинъ.
А иначе
Къ чему бы имъ и требовать отъ васъ,
Чтобъ раньше, чѣмъ любить ихъ какъ
супруговъ,
И ты и братъ перемѣнили вѣру?
Навѣрно, такъ ты думаешь?

Зитта.
Конечно!
Какъ будто лишь у нихъ, у христіанъ,
Есть та любовь, которую Создатель
Вложилъ въ сердца и мужа и жены!

Саладинъ.
У христіанъ такъ много
предразсудковъ,
Что имъ легко и этому повѣрить! —
И, все-же, я съ тобою несогласенъ. —
Въ храмовникахъ вина — не въ
христіанахъ;
Въ ихъ орденѣ все зло — не въ
христіанствѣ.
Всему, всему помѣхой этотъ орденъ.
Кто до сихъ поръ не очищаетъ Акку,
Которую Ричардова сестра
Въ приданое Мелеку принесла бы?
Кто, рыцарству радѣя, изъ себя

Монаховъ понадѣлалъ—и преглупыхъ?
Кто, на слѣпой разсчитывая случай,
Нарушилъ перемиріе? — Забавно!
Вы такъ и продолжайте, господа!
Вы такъ и продолжайте! —

Ваше рвеніе
Мнѣ на руку.

Лишь все бы остальное
Своимъ порядкомъ шло.

Зитта.

Такъ что жъ тебя
Разстроило? встревожило?

Саладинъ.

Да то же,
Что и всегда тревожило меня. —
Я на Ливанъ ходилъ, отца провѣдать.
Въ конецъ его измучили заботы. . .

Зитта.

Вотъ горе-то!

Саладинъ.

Прижать со всѣхъ сторонъ;
То здѣсь недостаетъ, то тамъ. . .

Зитта.

Въ чемъ дѣло?
Чего недостаетъ?

Саладинъ.

Чего жъ иного,
Какъ не того, что поминать мнѣ
тошно?
Что въ тягость мнѣ, когда оно въ
рукахъ,
И безъ чего я обойтись не въ силахъ,
Когда его лишаюсь? —

Гдѣ жъ аль-Гафи?
Нашли его? Позвали? Нѣтъ? —

О, деньги
Проклятыя! — Насилу-то, аль-Гафи,
Явился ты.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Дервишъ Аль-Гафи, Саладинъ и
Зитта.

Аль-Гафи.

Навѣрно, изъ Египта
Къ намъ денежки пріѣхали? Но
только
Ихъ много, много надобно.

Саладинъ.

Имѣешь
Извѣстіе ты развѣ?

Аль-Гафи.

Я? Я — нѣтъ.
Извѣстія отъ васъ я ожидаю.

Саладинъ.

Такъ выдай Зиттѣ тысячу динаровъ.
(Въ раздумьи ходитъ взадъ и впередъ)

Аль-Гафи.

Не получи, а выдай? Превосходно!
Вамъ нипочемъ приказывать.

И выдать
Я долженъ Зиттѣ, да?
Опять все ей же? —
Проиграно? И въ шахматы опять?
А, вотъ она, игра!

Зитта.

Ты радъ, аль-Гафи,
Что мнѣ такое счастье?

Аль-Гафи.

Ну, положимъ! —
Вотъ, если бы. . . да, впрочемъ, вамъ
извѣстно.

Зитта (дѣлаетъ ему знаки).

Стъ, Гафи! Стъ!

Аль-Гафи (занятый игрою).

Вамъ радоваться первой!

Зитта.

Аль-Гафи, стъ!

Аль-Гафи.
Вы бѣлыми играли?
И объявили шахъ?

Зитта.
Онъ насъ не слышитъ.
А если бы услышалъ!

Аль-Гафи (не отрываясь отъ игры).
Ну-да, конечно.
Получите, какъ раньше получали.

Зитта.
Ты, кажется, съ ума сошелъ?

Дѣйствіе второе. — Явленіе второе.

Аль-Гафи.
У него
Еще есть ходъ.
Зитта (подходя къ нему).
Свой выигрышъ, аль-Гафи,
Могу я получить?

Аль-Гафи.
Игра
Не кончена — и до конца далеко.
Вы, Саладинъ, еще не проиграли
Саладинъ (почти не слушая).
Да, да! Плати! плати!

Аль-Гафи.

Плати! Плати!
А королеву-то забыли вы?

Саладинъ.

Безмолвна;
Ея въ игрѣ ужь нѣтъ.

Зитта.

Такъ я, аль-Гафи,
Могу прислать?

Аль-Гафи

(все еще углубленный въ игру).

Понятно, какъ всегда.—
Допустимъ, что безмолвна королева;
Допустимъ, хорошо: и все-же вамъ
нѣтъ мата.

Саладинъ (опрокидывая игру).

Есть; хочу, чтобъ былъ.

Аль-Гафи.

Хотите?—

Такъ по игрѣ и выиграшь пусть
будеть!
По выигрышу будетъ и платежъ!

Саладинъ (Зиттѣ).

Что говорить онъ? что?

Зитта

(время отъ времени дѣлая знаки Аль-Гафи).

Да ты вѣдь знаешь,
Что любить поломаться онъ,
заставить
Себя просить; немножко и завистливъ.

Саладинъ.

Но не къ тебѣ же?
не къ моей сестрѣ?
Что слышу я, аль-Гафи?
Ты завистливъ?

Аль-Гафи.

Какъ знать! Все можетъ быть!
Охотно бѣ съ нею
И сердцемъ и умомъ я помѣнялся.

Зитта.

Но въ платежахъ всегда онъ былъ
исправенъ.
Заплатить и теперь. Оставь его!—
Ступай, аль-Гафи! Я сейчасъ пришлю
За деньгами.

Аль-Гафи.

Нѣтъ, дольше я не въ силахъ
Участвовать въ затѣѣ вашей, Зитта.
Вѣдь, все равно, когда-нибудь
прійдется
Узнать ему.

Саладинъ.

Кому? И что?

Зитта.

Аль-Гафи!

Ты такъ-то исполняешь обѣщанье?
Ты такъ-то держишь слово?

Аль-Гафи.

Я не думалъ,
Чтобъ нашъ обманъ завелъ насъ такъ
далеко!

Саладинъ.

Что жъ, скажутъ мнѣ иль нѣтъ?
Я жду.

Зитта.

Аль-Гафи,

Прошу тебя: ну, будь благоразуменъ.

Саладинъ.

Не странно ли! О чемъ могла бы Зитта
Упрашивать чужого человѣка
Торжественнѣй, настойчивѣй, чѣмъ
брата?

Аль-Гафи, я приказываю. — Дервишь,
Сейчасъ же говори!

Зитта.

Такой пустякъ,
Что, право, говорить о немъ не стоить.
Ты знаешь, вѣдь не въ первый разъ
тебя
Я въ шахматы обыгрываю.
Въ деньгахъ,

Пока, я не нуждаюсь; у Аль-Гафи
И безъ того неслишкомъ-то ихъ много:
Вотъ я и не брала. Но будь спокоенъ!
Я этихъ денегъ вамъ не подарю.

Аль-Гафи.

Да, если бъ это только! только это!

Зитта.

И о другомъ не стоить говорить.
Я не брала и жалованья также,
Которое мнѣ раньше полагалось;
За нѣсколько лишъ мѣсяцевъ не
взято.

Аль-Гафи.

Опять не все.

Саладинъ.

Не все? — Да говори же!

Аль-Гафи.

Съ тѣхъ поръ какъ мы ждемъ
денегъ изъ Египта,
Она...

Зитта (Саладину).

Не слушай ты его!

Аль-Гафи.

Не только
Не получала ничего...

Саладинъ.

Но даже —
О милая! — всегда была готова
Насъ выручить? Не такъ ли?

Аль-Гафи.

Содержала
Весь дворъ; одна за все платила.

Саладинъ.

А!

Вотъ какова сестра моя!
(Обнимаетъ ее).

Зитта.

А кто же
Мнѣ далъ на это средства? Кто меня
Такой богачкой сдѣлалъ, какъ не
братъ мой?

Аль-Гафи.

И сдѣлаетъ такой же нищей снова,
Какъ самъ.

Саладинъ.

Какъ я? Братъ Зитты — нищій развѣ?
Когда же у меня бываетъ больше?
Когда бывало меньше? —

Что мнѣ нужно?

Одежду, мечъ, коня — и Бога! Это
Всегда при мнѣ останется. —

Но, все-же,
Я могъ бы побранить тебя, Аль-Гафи.

Зитта.

Ужъ не брани его. О, если бъ мнѣ
Помочь еще отцу въ его заботахъ!

Саладинъ.

Ахъ, снова ты напомнила объ этомъ,
И радости моей какъ не бывало!
Не о себѣ скорблю я: у меня
Нужды ни въ чемъ и нѣтъ и быть
не можетъ.

Но онъ, отецъ, — вотъ, кто въ нуждѣ
какъ въ петлѣ;

А вѣдь его нужда — и наша вмѣстѣ.
Что дѣлать мнѣ, скажите? —

Изъ Египта
Нѣтъ никакихъ извѣстій.

Въ чемъ задержка,
Богъ вѣдаетъ.

Вѣдь тамъ еще спокойно. —
Себя во всемъ готовъ я ограничить,
Во всемъ безъ исключенья, — но себя,
Себя, а не другихъ. —

И что же въ этомъ?
Одежду, мечъ, коня — имѣть я долженъ.
Отъ Бога поживиться тоже нечѣмъ:
И безъ того я скряжничая съ Нимъ —
Лишь сердце отдаю. —

На твой остатокъ
Большія упованія, Аль-Гафи,
Я возлагалъ.

Аль-Гафи.

Остатокъ? — Ну, скажите
Нашелся бы на грѣхъ въ казнѣ
остатокъ —

Неужто не велѣли бы за это
Вы на колъ посадить иль,
ужъ по меньшей,
По меньшей мѣрѣ, удавить меня?
Осмѣлся-ка припрятать!

Саладинъ.

Что жъ намъ дѣлать? —
Не могъ ты у кого-нибудь другого
Занять сперва?

Зитта.

Да, если бъ только я
Позволила! Позволила бъ я только!
На этомъ преимуществѣ я буду
Настаивать и дальше. Мой источникъ
Еще вѣдь не изсякъ.

Саладинъ.

Недоставало,
Чтобъ онъ изсякъ! —
Ступай скорѣе, Гафи,
И что-нибудь устрой!
Достань, гдѣ хочешь,
Во что бы то ни стало!
Дѣйствуй, Гафи!
Лишь не проси у тѣхъ, кому помогъ я
Разбогатѣть: подумаютъ, пожалуй,
Что я обратно требую. Ты къ самымъ
Скупымъ пойдѣ — откажамъ не будетъ:
Всѣ эти господа прекрасно знаютъ,
Какъ деньги ихъ растутъ въ моихъ
рукахъ.

Аль-Гафи.

Не вѣдаю такихъ.

Зитта.

Постой-ка, Гафи:
Я слышала, что другъ твой возвратился.

Аль-Гафи (смутившись).

Мой другъ? Какой мой другъ?

Зитта.

Твой жидъ, высоко
Прославленный.

Аль-Гафи.

Прославленный мой жидъ?
И мною же прославленный высоко?

Зитта.

Тотъ самый жидъ, котораго — я помню,
Сказалъ ты мнѣ однажды,
слово въ слово, —
Котораго ихъ Богъ изъ благъ земныхъ,
Какъ наименьшимъ, такъ и
наибольшимъ,
Въ избыткѣ надѣлилъ.

Аль-Гафи.

Такъ и сказалъ я?
Что жъ именно хотѣлъ сказать я
этимъ?

Зитта.

Что благо наименьшее — богатство,
А мудрость — наибольшее.

Аль-Гафи.

Сказалъ?
И про жида?

Зитта.

Про своего Натана
Не говорилъ ты этого?

Аль-Гафи.

Ахъ, вотъ
Вы про кого! Натанъ! Ну, да. —
Могло ли
Мнѣ въ голову прійти! —

Такъ онъ вернулся?
Дѣйствительно? Эге! Не плохи, видно,
Его дѣла. —

Такъ, такъ: Натанъ-мудрецъ
Дано ему прозваніе, — а также
Натанъ-богачъ.

Зитта.

Богачъ теперь онъ большій,
Чѣмъ раньше былъ.

О томъ лишь и толкуютъ,
Какихъ онъ драгоценностей, какихъ
Сокровищъ онъ навезъ изъ Вавилона.

Аль-Гафи.

[illegible]

Зитта.

Къ нему бы, Гафи,
Навѣдаться тебѣ?

Аль-Гаффи.

Къ нему? Зачѣмъ? —
Надѣюсь не за деньгами? — А ну-ка,
Навѣдайтесь! —

За деньгами къ Натану!—
Да потому и мудрецомъ онъ прозванъ,
Что никого не разу не ссудилъ.

Зитта.

Ты мнѣ его изображалъ иначе.

Аль-Гафи.

Кому нужда, товаромъ онъ поможетъ.
Но деньгами? Онъ — деньгами?

О деньгахъ
И заикаться нечего. — Положимъ,
Такихъ жидовъ, какъ онъ, немного.

Здорово
Глядитъ на жизнь; умѣетъ жить;
прекрасно

Играетъ въ шахматы. Но и въ дурномъ,
Не меньше чѣмъ въ хорошемъ,

не походить
На остальныхъ жидовъ. —

Нѣтъ, на него
Вы не надѣйтесь; нѣтъ, и не

надѣйтесь.
Что нищимъ подаетъ онъ, это вѣрно:

Какъ Саладинъ, пожалуй, подаетъ.
Не столько же, быть-можетъ, но съ

такимъ же
Радүшіемъ и такъ же безъ показа.

Будь это жидъ, будь это христіанинъ,
Будь мусульманинъ, парсь — ему нѣтъ

Зитта.

И онъ-то, онъ...

Саладинъ.

Но какъ же до сихъ поръ
Не слышалъ я объ этомъ человѣкѣ?

Зитта.

И въ деньгахъ онъ откажетъ Саладину!
Не выручитъ того, кто денегъ ищетъ
Лишь для другихъ, отнюдь не для
себя!

Аль-Гафи.

А здѣсь опять жида вы въ немъ
найдете,
Жида обыкновеннаго! —

П-вѣрьте! —
Въ дѣлахъ добра ужъ такъ-то онъ
ревнивъ,

Ужъ такъ-то онъ завистливъ!
Онъ хотѣлъ бы

Одинъ за всѣхъ и отовсюду слышать:
„Да наградить васъ Богъ“! - -

одинъ хотѣлъ бы
Всѣхъ нищихъ одѣлять. Вотъ отчего

Онъ и дрожитъ надъ деньгами.
И, такъ какъ

Законъ ему предписываетъ милость,
Услуга жъ не предписана ему,

То, милостивымъ будучи, товарищъ
Онъ самый неуслужливый на свѣтѣ.

По правдѣ говоря, ужъ мы давненько
Съ нимъ не въ ладахъ; не думайте,

однако,
Что я несправедливъ къ нему.

Онъ добръ,
На все онъ добръ, но только не на это.

Но только не на это, хоть убейте.
Пойду-ка я, толкнусь въ другую дверь...

Сейчасъ про одного я мавра
вспомнилъ:

Онъ и богатъ и скупъ. —
Къ нему скорѣе

Зигта.

Куда же ты?

Саладинъ.

Оставь его! Оставь!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Зитта. Саладинъ.

Зитта.

Не отъ меня ль ушелъ онъ такъ
поспѣшно?
Но чтó же это значить? Обманулся
Въ Наганѣ онъ дѣйствительно иль
только
Насъ обмануть хотѣлъ?

Саладинъ.

И я на это
Отвѣтить долженъ? я? Да вѣдь едва
Извѣстно мнѣ, о комъ вы говорили;
Я въ первый разъ и слышу-то о
вашемъ
Жидѣ, о вашемъ мудрецѣ.

Зитта.

Возможно ль,
Чтобъ отъ тебя укрылся человѣкъ,
Который разыскалъ давно ужъ, будто,
Гробницы Соломона и Давида
И словомъ чудодѣйственнымъ
снимаетъ
Печати съ нихъ? По временамъ
оттуда
Такія онъ богатства извлекаетъ,
Какія только тамъ и могутъ быть.

Саладинъ!

Гробницы—пустъ; но чтобы это были
Гробницы Соломона и Давида,
Никакъ не допускаю я. Тамъ просто
Два дурака лежатъ.

Зитта.

Иль два злодѣя!—
Да и такой гробницы не найти,
Которая вмѣстить въ себя могла бы
Сокровища Натана.

Саладинъ.

Вы сказали,
Что онъ купецъ.

Зитта.

Да, да. Его верблюды

Снуютъ по всѣмъ дорогамъ и
пустынямъ;
Нѣтъ пристани, въ которой не
нашлось бы
Его судовъ. Аль-Гафи мнѣ все это
Разсказывалъ и прибавлялъ въ
восторгѣ,
Съ какимъ необычайнымъ
благородствомъ
Богатый другъ его владѣетъ тѣмъ,
Чтó наживать разумно и усердно
Онъ не считаегъ вздоромъ.

Прибавлялъ,
Что умъ его не знаетъ предразсудковъ,
А сердце для добра всегда открыто,
И красота всегда въ немъ откликъ
встрѣтитъ.

Саладинъ.

Такъ почему жъ Аль-Гафи говорилъ
Сейчасъ о немъ такъ холодно и вяло?

Зитта.

Нельзя сказать, чтобъ холодно:
смущенно.
Какъ будго и хвалить его боялся
И порицать не находилъ причинъ.—
Но какъ же такъ? Неужто самый
лучшій
Изъ племени отъ племени не можетъ
Совсѣмъ отстать? Неужто въ этомъ
смыслѣ

Имѣетъ основаніе Аль-Гафи
Краснѣть за своего Натана?—
Впрочемъ,
Чтó намъ до нихъ!—Такой ли жидъ,
иной ли,—
Но онъ богатъ: съ насъ этого
довольно!

Саладинъ.

Ты для займа не хочешь ли
прибѣгнуть
къ насилію?

Зитта.

Чтó разумѣть подъ этимъ!
Огонь и мечъ? Зачѣмъ, когда побѣду
Надъ слабыми дастъ намъ ихъ же
слабость!—

Теперь пойдемъ, послушаемъ пѣвицу,
Что я вчера купила для гарема.
Тѣмъ временемъ мой умыселъ
созрѣетъ,
А у меня онъ есть уже.—Идемъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена представляет мѣсто передъ домомъ Натана, гдѣ домъ примыкаетъ къ пальмамъ. Рэха и Натанъ выходятъ изъ дому. Потомъ, съ противоположной стороны, Дая.

Рэха.

Какъ долго вы, отецъ! Теперь,
пожалуй,
Вамъ здѣсь и не найти его.

Натанъ.

Ну, ну!

Здѣсь не найдемъ, въ другихъ мѣстахъ
поищемъ:
Ужъ не уйдетъ отъ насъ.— Лишь будь
спокойна.—
Что это, къ намъ не Дая ли идетъ?

Рэха.

Она его, навѣрно, потеряла.

Натанъ.

Зачѣмъ же ей терять его!

Рэха.

Иначе,

Скорѣй бы шла.

Натанъ.

Еще не видитъ насъ.

Рэха.

А вотъ и увидала.

Натанъ.

И сейчасъ же

Пошла скорѣй. Смотри!—Лишь будь
 спокойна!

Спокойна будь!

Рэха.

Мнѣ быть теперь спокойной!
Не думать, не заботиться о томъ,
Кто жизнь мнѣ далъ вѣторично — жизнь,
въ которой
Лишь потому и счастье нахожу я,
Что ею вамъ обязана впервые?
И вы, отецъ, хотѣли бы имѣть
Такую дочь?

Натанъ.

Я одного хотѣлъ бы:
Чтобъ никогда ты не была иною;
Хотѣлъ бы и тогда, когда бы зналъ,
Что у тебя въ душѣ зашевелилось
Совсѣмъ иное нѣчто.

Рэха.

Что́ же? Чтó?

Натанъ.

Меня же спрашиваешь ты?
 Съ такимъ испугомъ? —
 Все то, что совершается въ тебѣ, —
 Невинно и естественно. И это
 Тебя отнюдь тревожить не должно.
 Меня, по крайней мѣрѣ, не тревожить.
 Но обѣдай мнѣ: чуть твое сердечко
 Заговорить яснѣй, — чего бь тогда
 Оно ни пожелало, безъ боязни
 И безъ утайки всѣмъ со мной
 дѣлиться.

Рэха.

Чтобъ я могла закрытьъ вамъ доступъ
въ сердце?
Отъ одного предположенья только
Меня бросаетъ въ дрожь.

Натанъ.

На этомъ, значить
И порѣшили мы. Конецъ! — Ну, Дая?

Дая.

Подъ пальмами все ходить — и
сейчасъ
У той стѣны появится. — Глядите:
Вотъ, вотъ онъ!

Рэха.

Ахъ! Куда же онъ теперь?
Впередъ? Назадъ? Направо? Иль налѣво?
Какъ будто не рѣшается.

Дая.

Нѣтъ, нѣтъ!

Дая.

Въ такомъ же, какъ всегда.

Натанъ.

Смотриге только,
Чтобъ васъ онъ не замѣтилъ.
Станьте дальше.

Дѣйствіе второе. — Явленіе четвертое.

Вокругъ монастыря онъ больше ходитъ,
И насъ ему не миновать, ручаюсь.

Рэха.

Идетъ! Идетъ!

Ты съ нимъ ужъ говорила?
Въ какомъ онъ настроеніи сегодня?

Нѣтъ, лучше вамъ совсѣмъ
уйти.

Рэха.

Еще

Разочекъ! — Ахъ!
Стѣна его украла!

Дая.

Пойдемте-ка! Отецъ вашъ правъ.
Пойдемте!
Увидигъ васъ — бѣда. Сейчасъ назадъ.

Рѣха.

Стѣна! Стѣна!

Натанъ.

А чуть изъ-за стѣны
Появится — вы тутъ, какъ тутъ.
Ступайте.

Дая.

Скорѣй! Скорѣй!

Тамъ есть окно: я знаю,
Намъ изъ него все будетъ видно.

Рѣха.

Да?

(Обѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Натанъ, потомъ Храмовникъ.

Натанъ.

Чудакъ меня какъ будто и пугаетъ;
Передъ суровой доблестью его
Какъ будто и теряюсь я. Возможно ль,
Чтобъ человѣкъ поставилъ человѣка
Въ такое затрудненье! — Наконецъ-то!
И юноша и мужъ. Ей Богу, такъ!
А этотъ взглядъ — и добрый и
строптивый!

А эта поступь смѣлая! Навѣрно,
Лишь скорлупа жестка: ядро — иное.
Кого напоминаетъ онъ? — Простите,
Почтенный чужеземецъ. . .

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Дозвольте. . .

Храмовникъ.

Что, жидъ?

Натанъ.

Осмѣлится къ вамъ обратиться
Дозвольте мнѣ.

Храмовникъ.

Я запретить не властенъ.
Но въ двухъ словахъ.

Натанъ.

Простите. О, зачѣмъ же
Такъ гордо, такъ презрительно пройти
Торопитесь вы мимо человѣка,
Который вамъ готовъ служить до
гроба!

Храмовникъ.

Какъ такъ? — Ахъ, я догадываюсь. Вы. . .

Натанъ.

Зовутъ меня Натаномъ; я отецъ
Той дѣвушки, что такъ великодушно
Спасли вы изъ огня; и я пришелъ. . .

Храмовникъ.

Благодарить? — Нѣтъ, нѣтъ!

Такой пустякъ
И столько благодарностей! Довольно.
Что это ваша дочь — не зналъ я
вовсе:

Такъ въ чемъ же, въ чемъ моя услуга?
Долгъ

Храмовника спѣшить на помощь, кто бы
Ни требовалъ ея. Мнѣ жизнь была
И безъ того ужъ тягостна. Охотно,
Съ восторгомъ ухватился я за случай
Поставить жизнь свою за жизнь
чужую —

Хотя бы и за жизнь жидовки даже

Натанъ.

Возвышенно! Возвышенно — и мерзко!
Но умысль понятенъ мнѣ. Не ясно ль,
Что скромное величіе спѣшить
За мерзостью укрыться, избѣгая —
Чего оно достойно — удивленья! —
Но, если эта дань вамъ не пріятна,
Какая вамъ пріятнѣй будетъ? Рыцарь!
Не будь вы намъ чужой, не будь вы
плѣнникъ, —
Такъ смѣло васъ не спрашивалъ бы я.

Скажите же мнѣ, рыцарь, прикажите:
Чѣмъ я могу служить вамъ?

Храмовникъ.

Вы? Ничѣмъ.

Натанъ.

Я человѣкъ богатый.

Храмовникъ.

Никогда
Богатый жидъ мнѣ лучшимъ не
казался.

Натанъ.

Воспользуйтесь, по крайней мѣрѣ,
тѣмъ,
Что у него есть лучшаго: богатствомъ
Воспользуйтесь его!

Храмовникъ.

Ну, хорошо;
Пусть этотъ плащъ насъ помирить.
Какъ только
Совсѣмъ негоднымъ станетъ онъ —
до шва,
До лоскутка послѣдняго негоднымъ, —
Я къ вамъ прійду и попрошу у васъ
Взаймы, на новый плащъ, сукна иль
денегъ. —
Но вы не унывайте! не тревожьтесь!
Опасность вамъ, пока, не угрожаетъ.
Вы видите: вполнѣ еще приличенъ.
Лишь краешекъ одинъ пятномъ
испорченъ
Я опалилъ его, когда въ огнѣ
Несъ вашу дочь.

Натанъ

(схвативъ край плаща и разсматривая его).

Не странно ли, однако,
Что скверное какое-то пятно
Намъ говоритъ о человѣкѣ лучше,
Чѣмъ о себѣ онъ самъ. Поцѣловать
Хотѣлъ бы я — пятно поцѣловать! —
Простите! — Ненарочно.

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Упала

Слеза на плащъ.

Храмовникъ.

Э, не бѣда! Отъ капли
Не станетъ онъ мокрымъ. —
(Я такъ и жду,
Что жидъ смутитъ меня.)

Натанъ.

Не захотите ль
Порадовать вы бѣднаго ребенка —
Свой плащъ прислать?

Храмовникъ.

Зачѣмъ?

Натанъ.

Колѣни ваши
Обнять она не можетъ: такъ пускай же
Хоть къ этому пятну прильнетъ устами.

Храмовникъ.

Однако, жидъ, — вѣдь васъ зовутъ
Натаномъ? —
Такъ вотъ, Натанъ, — вы говорите
очень —
Да, очень хорошо — и остроумно —
Но я смущенъ — безспорно —
отчего же...

Натанъ.

Какую бъ вы личину ни надѣли,
Я вижу васъ насквозь.
Добры вы слишкомъ
И слишкомъ вы честны, чтобъ быть
учтивѣмъ.

Растроганная дѣвушка; подруга,
На все для васъ готовая; отецъ
Въ отсутствіи: понятно, ваше имя
Боялись вы подвергнуть пересудамъ;
Соблазна избѣгали вы, понятно,
Чтобъ избѣжать побѣды. И за это
Я благодаренъ вамъ...

Храмовникъ.

Не ожидалъ я,

Чтобъ знали вы, какъ думать
надлежитъ
Храмовникамъ.

Натанъ.

Храмовникамъ? И только?
И только потому, что ихъ уставомъ
Такъ думать имъ положено? Я знаю,

Натанъ.

Конечно: въ цвѣтѣ кожи,
Въ наружности, въ одеждѣ.

Храмовникъ.

И въ одной
Странѣ побольше ихъ, въ другой
поменьше?

Дѣйствіе второе. — Явленіе пятое.

Какъ думаютъ съ хорошимъ сердцемъ
люди;
Я знаю, что родятъ на свѣтъ всѣ
страны
Такихъ людей.

Храмовникъ.

Но, все-таки, съ извѣстнымъ
Различіемъ?

Натанъ.

О, въ этомъ-то ужъ разница пустая!
Кто больше самъ, тому и мѣста
больше.
Вѣдь люди — что деревья: если
крупныхъ
Деревьевъ насажать одно къ другому,
Они себѣ лишь вѣтви обломаютъ.

А вотъ такихъ, какъ мы, людей
хорошихъ
Безъ вычуръ и затѣй, — вездѣ
довольно.

Не надо лишъ другъ друга осуждать.
Не надо лишъ горбтому кичиться
Передъ хромымъ.

Не надо лишъ верхушкѣ
Воображать, что, милостью Господней,
Она одна не изъ земли растеть.

Храмовникъ.

Прекрасныя слова! —

Но, вмѣстѣ съ этимъ,
Извѣстно ль вамъ, какой народъ
всѣхъ раньше
Себя судьей поставилъ надъ другими?
Извѣстно ль вамъ, Натанъ, какой
народъ
Себя всѣхъ раньше избраннымъ
прославилъ?

Я ненависти къ этому народу,
Конечно, не питаю; но возможно ль
Не презирать его гордыню! Да,
Гордыню, что досталась по наслѣдству
И намъ и мусульманамъ: Богъ единый,
Богъ истинный — нашъ Богъ! —

Васъ поражаетъ,
Что я, и христіанинъ и храмовникъ,
Такъ говорю? — Когда и гдѣ слѣпое,
Безсмысленное рвеніе обладать,
На диво всей вселенной, лучшимъ
Богомъ

И этого-то Бога всей вселенной,
Какъ лучшаго, навязывать насильно:
Когда и гдѣ, скажите, это рвеніе
Такъ яростно, такъ страшно

проявлялось,
Какъ не теперь?

не здѣсь, въ Іерусалимѣ?
И для кого жъ не очевидно...

Впрочемъ,
Кто не желаетъ видѣть — пусть
не видитъ!

Забудьте все, что я вамъ говорилъ.
Прощайте!

(Хочетъ итти)

Натанъ.

А! Нѣтъ, нѣтъ! Когда бъ вы знали,
Что въ этотъ мигъ вы сдѣлали со
мною!

Нѣтъ, мы должны, должны друзьями
быть!

Народъ мой презирайте, какъ угодно.
Ни вашъ народъ, ни мой, не нами
выбранъ.

Мы — не народъ еще. Да и при чемъ,
При чемъ онъ здѣсь?

Еврей и христіанинъ —
Не люди ли сперва, а ужъ потомъ
Еврей и христіанинъ? Ахъ, когда бы
Мнѣ удалось найти въ васъ человѣка,
Хоть одного найти еще, — который
Довольствовался бъ тѣмъ, что
человѣкомъ

Зовется онъ!

Храмовникъ.

Да, вы нашли его!
Нашли, Натанъ, ей Богу! —
Вашу руку! —
Стыжусь, что я на мигъ въ васъ
усомнился.

Натанъ.

А я горжусь.
Ошибка — рѣдкость только
Въ обыкновенномъ.

Храмовникъ.

Рѣдкое жъ не скоро
И не легко забудешь. — Да, Натанъ!
Должны, должны мы сдѣлаться
друзьями.

Натанъ.

Ужъ мы друзья. —
Какъ Рѣха будетъ рада! —
А тамъ, вдали, — какъ ясно, какъ
свѣтло! —
Но только вы сперва ее узнайте!

Храмовникъ.

Я самъ горю желаніемъ. — Кто это
Бѣжитъ отъ васъ? Не Дая ли?

Натанъ. — Она. —
Испугана?
Храмовникъ.
Надѣюсь, нашей Рэхъ
Опасность не грозитъ?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же; Дая поспѣшно входитъ.
Дая.
Натанъ! Натанъ!
Натанъ.
Ну, что?
Дая.
Простите, благородный рыцарь,
Что я васъ прерываю.
Натанъ.
Что такое?
Храмовникъ.
Что тамъ у васъ?
Дая.
Султанъ прислалъ за вами.
Султанъ желаетъ видѣть васъ.
Султанъ —
О Господи!
Натанъ.
За мной? Султанъ? Должно-быть,
Не терпится взглянуть на тѣ новинки,
Что я привезъ. Скажи: товару много,
Но онъ почти — онъ весь еще въ
тюкахъ.
Дая.
Нѣтъ, этого ему не нужно вовсе, —
Не нужно, нѣтъ; онъ васъ желаетъ
видѣть,
Васъ лично, и скорѣй — скорѣй какъ
можно.
Натанъ.
Иду. — Скажи, иду.

Дая.
Ужъ не взыщите,
Могучій рыцарь, — Господи!
Къ султану,
И спѣшно такъ, — зачѣмъ?
Натанъ.
А вотъ узнаемъ.
Ступай, ступай скорѣй!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Натанъ и Храмовникъ.
Храмовникъ.
Такъ вы еще
Съ нимъ незнакомы? лично?
Натанъ.
Съ Саладиномъ?
Нѣтъ, незнакомъ. Я этого знакомства
Не избѣгалъ и не искалъ. Молва
Такъ хороша, что вѣрить ей мнѣ
было
Пріятнѣе, чѣмъ провѣрять ее.
Теперь же — пусть увижу я иное —
Но то, что жизнь онъ вашу
пошадилъ..
Храмовникъ.
Увидите вы то же. Жизнь моя,
Вотъ эта жизнь, — его подарокъ.
Натанъ.
Мнѣ же
Двѣ жизни — нѣтъ, три жизни
подарилъ онъ.
Все наново отнынѣ между нами;
Я скованъ по рукамъ и по ногамъ
И вѣчною къ нему прикованъ цѣпью.
Жду — не дождусь — узнать, чего онъ
хочетъ
И что на первый разъ онъ мнѣ
прикажетъ!
Готовъ на все; готовъ ему признаться,
Что это ради васъ.

Храмовникъ.

Я передъ нимъ
И самъ еще въ долгу, хотя мы часто
Встрѣчаемся.

Порывъ, какъ быстро вспыхнулъ,
Такъ быстро и погасъ.

Теперь, пожалуй,
Онъ и забылъ меня.

А долженъ вспомнить —

Натанъ.

Понятно;

Тѣмъ болѣе я долженъ торопиться.
Быть-можетъ, случай выпадетъ

словечко

Замолвить и за васъ. Простите, надо
Разстаться намъ — спѣшу.

Когда жъ, когда

Мы у себя увидимъ васъ?

Дѣйствіе второе. — Явленіе шестое.

Хоть разъ еще, хоть также
мимолетно, —
Но долженъ, чтобъ рѣшить мою
судьбу.

Меня въ живыхъ, пока, онъ терпитъ
только;

Мое существованіе, пока,
Въ его рукахъ: а дальше?

Въ чьихъ рукахъ
Оно потомъ очутится?

Храмовникъ.

Когда

Прикажете.

Натанъ.

Когда угодно.

Храмовникъ.

Нынче.

Натанъ.

Позвольте же узнать мнѣ ваше имя.

Храмовникъ.

Я урожденный — что? Ахъ, имя! —
Курдъ
Фонъ-Штауфень.

Натанъ.

Фонъ-Штауфень? — Да, правда? —
Фонъ-Штауфень? — Фонъ-Штауфень?

Храмовникъ.

Что въ этомъ
Находите вы страннаго?

Натанъ.

Такъ, такъ. —
Фонъ-Штауфень? —
Здѣсь этотъ родъ извѣстенъ.
Ужъ многіе изъ васъ...

Храмовникъ.

Здѣсь побывали?
О, да! Гніютъ здѣсь многіе изъ насъ.
Мой дядя — мой отецъ, хотѣлъ
сказать я, —
Вы что глядите такъ?

Натанъ.

О, ничего!
О, ничего! Я все на васъ глядѣлъ бы.

Храмовникъ.

Такъ лучше ужъ мнѣ первому уйти.
Пытливый взглядъ нерѣдко видитъ
больше,
Чѣмъ видѣть онъ желалъ бы.
Я, признаться,
Боюсь его. Натанъ. Пусть понемногу
Не любопытство насъ, а время
сблизить.
(Уходитъ)

Натанъ

(изумленно глядя ему вслѣдъ).

„Пытливый взглядъ нерѣдко видитъ
больше,
Чѣмъ видѣть онъ желалъ бы“. —
Вѣдь, какъ будто,
Въ душѣ моей читаетъ! —
Да, безспорно,

Могло бы и со мной случиться то же.
Не только ростъ, походка Вольфа:
голосъ —

И тотъ его. Вотъ также, также точно
Тотъ голову закидывалъ; на мечъ
Рукою тотъ вотъ также опирался;
Вотъ также потиралъ тотъ брови,
словно
Боялся опалить лучистымъ взглядомъ.
Такъ образы былого долго спятъ
Въ душѣ у насъ; но слова или звука
Достаточно, чтобъ разбудить ихъ
сразу. —

Фонъ-Штауфень! —

Ну-да, конечно: Фильнекъ
И Штауфень! —

Скорѣй бы нужно мнѣ
Все это обстоятельно развѣдать.
Но раньше къ Саладину. — Что такое?
Не Дая ли тамъ прячется? — Эй, Дая!
Иди сюда — иди, ужъ такъ и быть.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Дая. Натанъ.

Натанъ.

Бьюсь объ закладъ: не то совсѣмъ,
что позванъ
Султаномъ я, а кое-что другое
Обѣимъ вамъ покою не даетъ.

Дая.

И вы ее осудите за это?
Чуть говорить вы стали дружелюбнѣй,
Какъ посланный явился отъ султана —
И намъ пришлось уйти.

Натанъ.

Скажи ей только:
Пусть ждетъ его съ минуты на
минуту.

Дая.

Да правда ли, Натанъ? Неужто?

Натанъ.

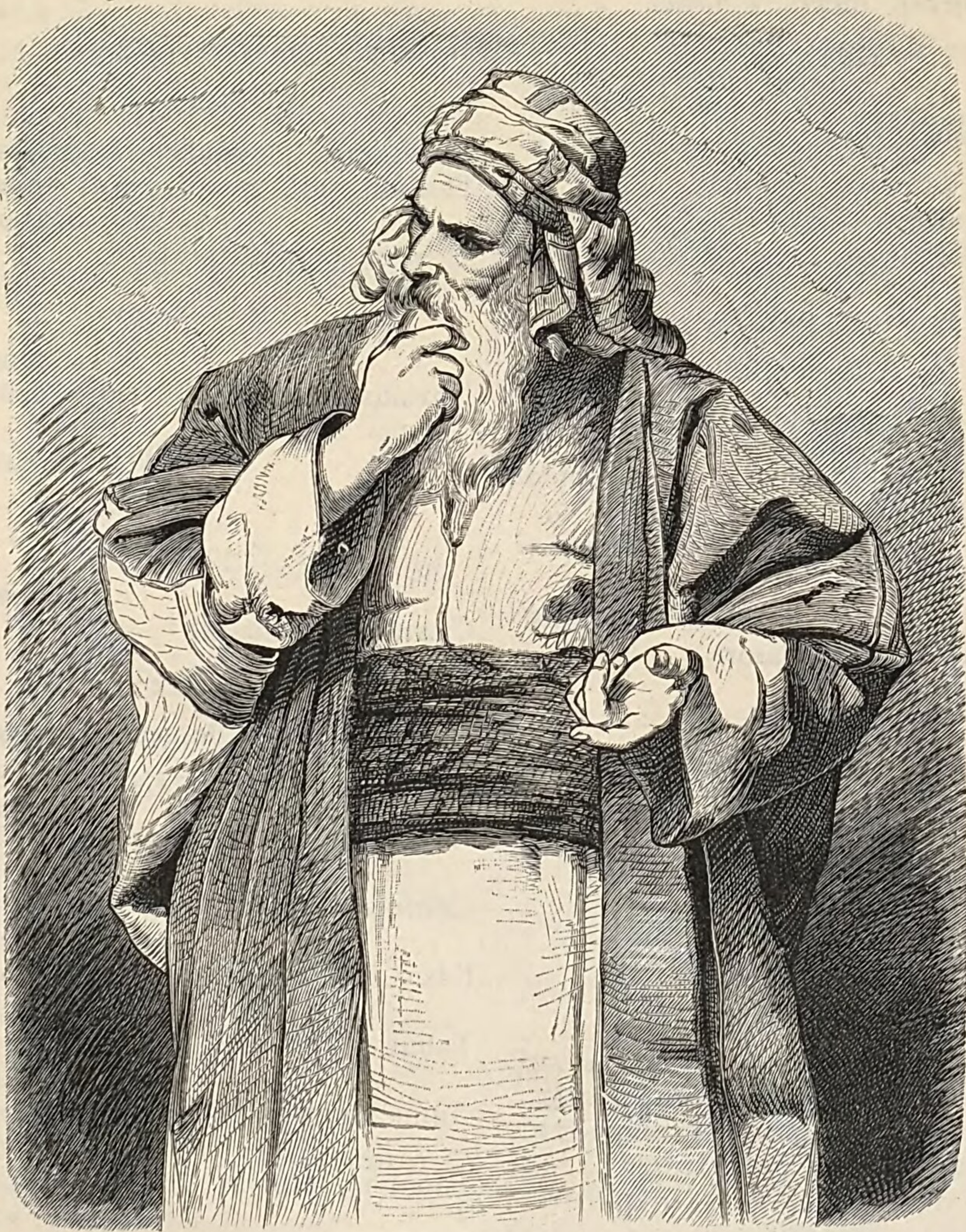
Дая,
Могу я положиться на тебя?

Прощу тебя, будь осторожна, — слышишь?
Ты въ этомъ не раскaешься. Сполна

Дая.

Ну, вотъ еще!

Не мнѣ-го ужъ объ этомъ

Дѣйствіе второе. — Явленіе седьмое.

И съ совѣстью расплатишься своею.
Не разрушай моихъ расчетовъ
только.
Сдержи себя въ разсказахъ и
разспросахъ.

Напомянуть. — Иду; и вамъ пора. —
Глядите-ка, глядите! Не второго ль
Гонца къ вамъ шлетъ султанъ?
Вонъ вашъ аль-Гафи.
(Уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Натанъ. Аль-Гафи.

Аль-Гафи.

Ха-ха! Опять, опять я здѣсь.

Натанъ.

Такъ спѣшно?
Зачѣмъ меня онъ хочетъ видѣть?

Аль-Гафи.

Кто?

Натанъ.

Султанъ. — Иду, иду.

Аль-Гафи.

Куда? Къ султану?

Натанъ.

Не имъ ты развѣ присланъ?

Аль-Гафи.

Нѣтъ. А развѣ
Онъ присылалъ за вами?

Натанъ.

Да, конечно.

Аль-Гафи.

Ну, значить, вѣрно.

Натанъ.

Вѣрно? Что?

Аль-Гафи.

Что вы...

Чо я невиновать; какъ передъ Богомъ,
Невиновать. Ужъ какъ я ухищрялся,
Ужъ какъ я лгалъ, чтобъ это
отвратить!

Натанъ.

Что отвратить? Что вѣрно?

Аль-Гафи.

Что отнынѣ

Вы казначей его. Я васъ жалѣю.

Но видѣть это — нѣтъ, слуга
покорный!

Я ухожу немедленно. Куда —
Вы слышали, и знаете дорогу.
Коль есть у васъ посылка, говорите:
Я занесу. Лишь не давайте больше
Того, что взять голякъ съ собою
можетъ.

Я ухожу, скорѣе говорите.

Натанъ.

Одумайся! Одумайся, аль-Гафи!
Пойми, что я впотьмахъ — совсѣмъ
впотьмахъ!

О чемъ болтаешь ты?

Аль-Гафи.

А вы теперь же
Потащите мѣшки?

Натанъ.

Мѣшки?

Аль-Гафи.

Ну, деньги —
Султану въ долгъ.

Натанъ.

И больше ничего?

Аль-Гафи.

А мнѣ глядѣть прикажете, какъ
будетъ
Снимать онъ съ васъ послѣднюю
рубашку?
Какъ будетъ онъ безсмысленно,
безпутно
Ташить добро изъ вашихъ
кладовыхъ,
Лишь истинной нуждѣ доступныхъ
раньше, —
Ташить, ташить, ташить, пока всѣ
мыши
Съ нихъ съ голоду не передохнутъ? а?
Вы, можетъ-быть, лелѣете надежду,
Что тотъ, кому понадобились деньги,
Попроситъ и совѣта? — Да, попроситъ!
Когда же Саладинъ внималъ
совѣтамъ? —
Послушайте-ка, что сей часъ со мною
Случилось.

Натанъ.

Ну?

Аль-Гафи.

Пришелъ я къ Саладину.
Съ сестрою онъ, и шахматы стоятъ;
А Зитта препорядочно играетъ.
Кто выигралъ? Она. Смотрю и вижу,
Что до конца еще далѣко: шахъ
Безъ мата.

Натанъ.

Э! Вотъ для тебя находка!

Аль-Гафи.

Прикройся лишь онъ пѣшкою...
Да лучше
Я показаль бы вамъ!

Натанъ.

Зачѣмъ! Я вѣрю.

Аль-Гафи.

Потомъ пойди ладьей — и Зиттѣ
гибель. —
Сообразивъ все это, я сейчасъ же
Зову его, чтобъ разъяснить, а онъ —
Подумайте!

Натанъ.

Съ тобой не согласился?

Аль-Гафи.

Не захотѣлъ меня и слушать даже —
И всю игру разсыпаль.

Натанъ.

Быть не можетъ!

Аль-Гафи.

И говорить: хочу, чтобъ былъ мнѣ
мать.

Онъ хочетъ, а! И это назовете
Игрою вы?

Натанъ.

Ну, гдѣ же! Это значить
Играть въ игру.

Аль-Гафи.

И вѣдь не на орѣхи —
На деньги!

Натанъ.

Деньги — что! Не захотѣлъ
Онъ выслушать тебя!

Въ столь важномъ дѣлѣ
Отвергъ онъ твой совѣтъ!

Не подивился
Орлиному онъ взгляду твоему!
Вотъ, что зоветъ къ отмщенію:

не такъ ли?

Аль-Гафи.

Ахъ, что!

Я показать хотѣлъ вамъ только,
Что это за головушка. Короче,
Возиться съ нимъ мнѣ больше не
подъ силу.

Таскайся, вонъ, ко всякимъ грязнымъ
маврамъ,
Разнюхивай, гдѣ можно поживиться.
И кто же, кто — поймите вы! —

кто сроду

Для самого себя не побирался,
Теперь изволь стараться для другихъ.
Вѣдь деньги занимать немногимъ
лучше,

Чѣмъ нищенствовать, право;
точно такъ же,
Какъ съ лихвою ссужать немногимъ
лучше,

Чѣмъ красть.

Ужъ тамъ, у Ганга, я не буду
Знать ничего подобнаго, не буду
Для темныхъ дѣлъ орудіемъ служить.
Лишь тамъ найду людей я настоящихъ.
Изъ здѣшнихъ же достойны жить у
Ганга

Одинъ лишь вы, Натанъ. — Хотите? —
Бросьте

Весь этотъ хламъ ему на расхищенье.
Что вамъ: теперь иль позже
обѣднѣть?

Отъ всѣхъ хлопотъ избавились бы
сразу.

Я мигомъ васъ преобразу. Идемте
Идемте, ну.

Натанъ.
Мнѣ кажется, аль-Гафи,
Что можно подождать еще. Но это
Готовъ обдумать я. Постой.

Аль-Гафи.
Обдумать?
Обдумывать тутъ нечего.

Натанъ.
Вѣдь надо жъ
Съ султаномъ повидаться мнѣ,
проститься...

Аль-Гафи.
Обдумывать — искать предлога,
значить,
Къ тому, чтобъ увильнуть.
Ужъ кто не можетъ
Рѣшиться вдругъ устроить жизнь
свою
По-своему — тотъ рабъ другихъ на-
вѣки. —
Какъ знаете! — Желаю счастья вамъ,

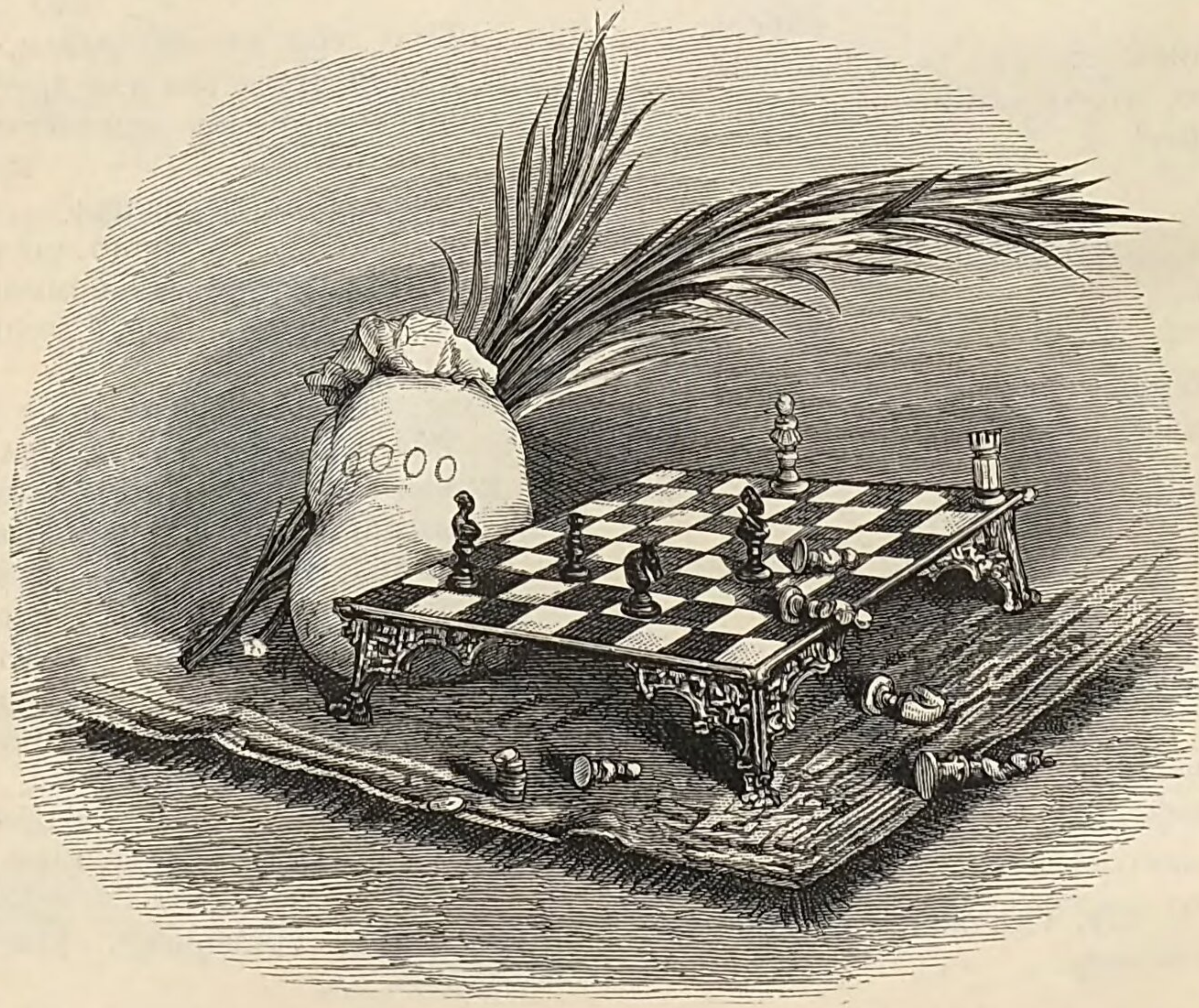
Какого пожелали бы вы сами.
Ну, вамъ сюда, а мнѣ туда.

Натанъ.
Аль-Гафи!
Вѣдь ты не сдалъ отчета.

Аль-Гафи.
Эка важность!
Въ казнѣ-то вѣдь хоть шаромъ покати.
А счета вы завѣрите иль Зигта.
Счастливо оставаться.
(Уходитъ)

Натанъ (вслѣдъ ему).
Я завѣрю. —
И дикъ, и добръ, и честенъ — что же
больше
Сказать о немъ? —
Лишь настоящій нищій,
Изъ всѣхъ царей, есть настоящій
царь!

(Уходитъ въ другую сторону)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет комнату въ домѣ
Натана.

Рэха и Дая.

Рэха.

Какъ, Дая, какъ сказалъ отецъ: чтобъ я
Ждала его съ минуты на минуту?
Вѣдь это значитъ — скоро?

очень скоро? —

А сколько ужъ минутъ прошло съ
тѣхъ поръ! —

Ну, что жь! Прошло — и пусть прошло.

Не лучше ль

Переживать минуту за минутой?

Прійдетъ же, наконецъ одна, съ которой
И онъ прійдетъ.

Дая.

Проклятое посольство!

Не подвернись оно въ такую пору,
Натанъ его привелъ бы непременно.

Рэха.

И вотъ я жду, все жду минуты этой;
Прійдетъ она; исполнится мое
Горячее сердечное желанье:
А что потомъ? потомъ-то что?

Дая.

Потомъ?

Исполнится, надѣюсь, и мое
Горячее желаніе.

Рэха.

А сердце,

Которому и жизнь не въ жизнь

была бы,

Когда бы не царило въ немъ одно

Надъ прочими желаньями желанье, —
Чѣмъ будетъ жить оно потомъ?

Ничѣмъ? —

Ахъ, страшно мнѣ!

Дая.

Моимъ, моимъ желаньемъ
Отнынѣ будетъ жить оно; желаньемъ
Скорѣе увидать тебя въ Европѣ,
Въ рукахъ, тебя достойныхъ.

Рэха.

Полно, Дая! —

Что дѣлаетъ твоимъ желанье это,
То самое препятствуетъ, чтобъ стало
Оно моимъ. Тебя влечетъ отчизна:
А я-то, я — свою должна покинуть?
Все близкое, любимое, родное
Лишь въ образахъ туманныхъ ты

хранишь;

А я вотъ здѣсь и видѣть все, и
слышать,

И осязать могу: чьи узы крѣпче?

И чьи слабѣй?

Дая.

Упорствуй, сколько хочешь,
Небесные пути лишь небесамъ
И вѣдомы. А если твой спаситель
Въ своей судьбѣ отъ Бога своего —
Отъ Бога, за Котораго онъ поднялъ
Оружіе, — предназначенье носить
Отсюда увезти тебя въ страну,
Вручить тебя народу, для которыхъ
Ты рождена на свѣтъ?

Рэха.

Все та же пѣсня!

Опять ты за свое! Ахъ, Дая, Дая!

Диковинная, правда, у тебя
Понятія. — „Отъ Бога своего!
Отъ Бога, за Котораго онъ поднялъ
Оружіе!“ — Свой Богъ! Какой-то Богъ,
Кому-то одному принадлежащій!
Какой-то Богъ, нуждающійся въ томъ,
Чтобъ за Него сражались на смерть
люди!

Какой же это Богъ? — И, если, Дая,
Мы рождены на свѣтъ не для того
Клочка земли, гдѣ свѣтъ мы

увидали, —
То какъ же намъ провѣдать, для
какого? —

Что, если бы отецъ тебя слышалъ!
Какое зло тебѣ онъ причинилъ,
Что счастье мнѣ сулишь ты не иначе,
Какъ безъ него и отъ него подальше?
Въ чемъ провинился онъ передъ

тобою,
Что разума зерно, съ такой любовью
Взлелѣянное имъ въ моей душѣ,
Всегда съ такимъ злорадствомъ

заглушаешь
Ты сорною травой иль цвѣтами
Возлюбленной своей отчизны? — Дая,
Голубушка, вѣдь онъ не хочетъ
вовсе,

Чтобъ ты меня въ цвѣтникъ свой
обратила! —

Да и сама — скажу тебѣ по правдѣ —
Сама, сама я чувствую, какъ тяжело
Моей душѣ твои цвѣты растить;
Отъ сладкаго ихъ запаха такъ дурно
Я чувствую себя! —

Твой мозгъ, конечно,
Давнымъ-давно успѣлъ къ нему
привыкнуть.

О, я тебя отнюдь не осуждаю
За то, что ты его легко выносишь;
Я только говорю, что мнѣ онъ
вреденъ.

Вотъ хоть бы ангелъ твой:
изъ-за него

Какимъ было посмѣшищемъ я стала!
И до сихъ поръ передъ отцомъ мнѣ
стыдно

За эту глупость.

Дая.

Глупость! Будто, только
И есть ума, что въ этомъ домѣ! —
Глупость!
Ахъ, если бы я смѣла говорить!

Рѣха.

Да кто жъ тебѣ не позволяетъ?

Развѣ
Я вся не превращаюсь въ слухъ,
едва лишь

Разсказывать ты примешься о вашихъ
Подвижникахъ за вѣру? И когда же
Дѣламъ ихъ не дивилась я? Когда
Не трогали до слезъ меня ихъ муки?
Хоть главную-то доблесть ихъ не въ
вѣрѣ

Я видѣла, но тѣмъ отраднѣй было
Услышать мнѣ, что, и по ихъ ученью,
Не грезами о Богѣ выражаемъ
Мы преданность Ему. —

Припомни, Дая,
Какъ часто и отецъ внушалъ намъ это;
Припомни, какъ и ты съ нимъ

соглашалась:
Зачѣмъ же ты колеблешь то, что
строить

Сама же помогала? — Дая, Дая!
Такою ли бесѣдою встрѣчать
Намъ слѣдуетъ такого гостя? —

Впрочемъ,
Я рада ей отчасти: для меня
Такъ важно, чтобъ и онъ...

Чу, Дая! —
Вошелъ къ намъ кто-то.

Ахъ! Ахъ, если бѣ! Чур!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рѣха, Дая и Храмовникъ, которому кто-то
отворяетъ дверь снаружи, со словами:

Идите прямо.

Рѣха

(сначала вздрагиваетъ, потомъ овладѣваетъ
собою и хочетъ броситься къ его ногамъ).

Онъ! — Спаситель мой!

Храмовникъ.

Я хочу

Которому ужъ несравненно больше
Пришлось на томъ пожарѣ

потрудиться:

Наполнять ли его, опорожнять ли, Оно и знать не знаетъ — для чего. И также было съ нимъ: вдругъ очутился

Дѣйствіе третье. — Явленіе второе.

Склониться передъ гордымъ
человѣкомъ,
Чтобъ не его благодарить, а Бога.
Онъ это отвергаетъ; благодарность
Нужна ему не больше, чѣмъ ведру,

Въ пылу пожара онъ; къ нему случайно
Я на руки свалилась, пролежала
Какъ искра на плащѣ его, случайно
Я на его рукахъ, пока вдругъ снова
Какая-то невѣдомая сила

Изъ пламени не выбросила насъ. —
За что жъ благодарить его? —

Въ Европѣ
Вино творить такія ли дѣла! —
Храмовники на то и существуютъ,
Чтобъ всякаго — горить ли кто, иль
тонетъ, —
Спасать безъ разсужденья,
какъ спасаютъ
Ученныя собаки.

Храмовникъ

(все время удивленно и взволнованно
глядѣвшій на нее).

Дая, Дая!

Пускай въ минуты горя и досады
Я былъ съ тобою не сдержанъ:
для чего же
Ей было доносить о всякомъ вздорѣ,
Что съ языка срывался у меня?
Ты слишкомъ зло мнѣ отомстила,
Дая!
Смѣни же гнѣвъ на милость: будь
отнынѣ
Заступницей моей.

Дая.

Сдается, рыцарь,
Сдается мнѣ, что маленькія стрѣлы,
Попавшія ей въ сердце, противъ васъ
Не обратятся.

Рѣха.

Какъ? Вы были въ горѣ?
И горе вамъ дороже было жизни?

Храмовникъ.

О доброе, о милое дитя! —
Но что со мной?

Какъ будто, раздвоилась
Душа моя: глядѣть ли безъ конца,
Иль слушать? — Нѣтъ!

Не этого ребенка —
Нѣтъ, не ее — спасалъ я на пожарѣ.
Будь это съ ней, неужто я засталъ бы
Ее въ огнѣ? Неужто сотни рукъ
Не вынесли бъ ее оттуда раньше?

(Молчаніе, въ продолженіе котораго онъ какъ
бы забывается въ созерцаніи ея)

Рѣха.

А вы еще мнѣ кажетесь все тѣмъ же.

(Опять молчаніе; потомъ, чтобы вывести его
изъ этого состоянія, она продолжаетъ)

Скажите же намъ, рыцарь, гдѣ вы
были?

Давно мы не видали васъ. —

Я также
Спросила бы: гдѣ вы теперь?

Храмовникъ.

Теперь —
Гдѣ лучше и не быть бы мнѣ,
пожалуй.

Рѣха.

А были гдѣ? —

Не тамъ ли, гдѣ, пожалуй,
Опять-таки вамъ лучше и не быть бы?
Вотъ это ужъ нехорошо.

Храмовникъ.

Я былъ —
На этомъ — какъ его? — Ну! —
На Синаѣ.

Рѣха.

Вы были на Синаѣ? Какъ я рада! —
Теперь-то ужъ могу узнать я,
правда ль...

Храмовникъ.

Что: правда ль? что?

Что можно видѣть мѣсто,
Гдѣ, стоя передъ Богомъ, Моисей...

Рѣха.

Совсѣмъ не то! Гдѣ Моисей стоялъ —
Стоялъ онъ передъ Богомъ.

И объ этомъ
Я знаю ужъ достаточно.

Нѣтъ, вотъ, что
Узнать бы мнѣ отъ васъ хотѣлось:
правда ль,

Что на Синай всходить гораздо легче,
Чѣмъ, будто бы, сходить съ него? —

Со мною,
Когда случалось на горы взбираться,

Какъ разъ наоборотъ всегда бывало.
Ну, рыцарь? — Чтѣ?

Вы даже отвернулись?
И на меня глядѣть вы не хотите?

Храмовникъ.

Я слушать васъ хочу.

Рѣха.

Чтобъ скрыть улыбку
Надъ глупой болтовней моей?

Надъ тѣмъ,
Что ничего важнѣе не могла
Спросить я о такой святынѣ? Вѣрно?

Храмовникъ.

О, если такъ, то вамъ въ глаза, какъ
Глядѣть я буду. — Чтѣ?

Теперь ужъ вамъ
Потупить ихъ пришлось?

Сдержать улыбку
Теперь ужъ вы хотите?

Такъ зачѣмъ же
Стараться мнѣ по взгляду, по улыбкѣ
Проникнуть въ то, чтѣ я такъ ясно
Слышу,

Чтѣ мнѣ вы говорите такъ понятно
Молчаніемъ своимъ? —

Ахъ, Рѣха! Рѣха!
Какъ вѣрно онъ сказалъ: „Но только вы
Сперва ее узнайте“!

Рѣха.

Кто сказалъ? —
И это вамъ сказали? — Про кого же?

Храмовникъ.

„Но только вы сперва ее узнайте“! —
Сказалъ мнѣ вашъ отецъ про васъ.

Дая.

А я-то?
Я развѣ не твердила вамъ того же?

Храмовникъ.

Но гдѣ же онъ? Гдѣ вашъ отецъ?
Неужто
Все во дворцѣ еще?

Рѣха.

Должно-быть.

Храмовникъ.

Тамъ?

Все тамъ?

Я непростительно забывчивъ!
Нѣтъ, нѣтъ; не думаю. —

Онъ ждетъ меня —
Я знаю, гдѣ, — навѣрно.

Да, я вспомнилъ:
Мы такъ съ нимъ и условились.

Простите!
Сейчасъ вернемся мы.

Дая.

Останьтесь, рыцарь.
Я приведу его, а вы останьтесь.

Храмовникъ.

Да нѣтъ же, нѣтъ!

Онъ ждетъ меня, не васъ.
Къ тому же онъ легко...

Съ кѣмъ не бываетъ!..
Легко онъ могъ при встрѣчѣ...
вы султана

Не знаете!..

Легко онъ могъ смутиться! —
И, если я сейчасъ же не уйду,
Бѣды не миновать — повѣрьте, Рѣха.

Рѣха.

Бѣды? Какой бѣды?

Храмовникъ.

И мнѣ, и вамъ,
И вашему отцу. Бѣжать я долженъ,
Немедленно бѣжать.

(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Рѣха и Дая.

Рѣха.

Чтѣ жъ это Дая? —
Едва пришелъ! — Чтѣ случилось?
Чтѣ случилось?

Дая.
Оставьте вы его, оставьте. Въ этомъ
Мнѣ чуется хорошій признакъ.

Рэха.
Признакъ?
Чего?

Дая.
Того, что въ немъ творится нѣчто.
Ужъ тамъ кипить — не выкипѣло бъ
только.
Оставьте вы его. Собой займитесь.

Рэха.
Собой? Зачѣмъ? И у тебя загадки,
Какъ у него!

Дая.
Теперь вамъ ждать недолго,
Чтобъ счеты съ нимъ свести за
безпокойство,
Какое вамъ онъ причинялъ все время.
Но мой совѣтъ: не будьте слишкомъ
строги,
Не будьте слишкомъ мстительны.

Рэха.
Ну, Дая!
Такое ты несешь, что ужъ сама
Себя и понимай.

Дая.
А вы опять,
Попрежнему спокойны?

Рэха.
Да, спокойна;
Попрежнему, опять.

Дая.
Такъ хоть сознайтесь,
Что рады вы его-то безпокойству,
И что свое спокойствіе какъ разъ
Въ его-то безпокойствѣ и нашли вы.

Рэха.
Я ровно ничего не понимаю!
Въ одномъ бы я созналась развѣ —
въ томъ,

Что для меня самой непостояжимо,
Какъ въ сердцѣ у меня такая буря
Смѣниться вдругъ могла такимъ
затишьемъ.
И взглядъ его, и рѣчь, и обращенье
Меня какъ бы...

Дая.
Насытили?
Рэха.
О, нѣтъ!
Насытили — нельзя сказать; нѣтъ,
нѣтъ.

Дая.
Ну, скажемъ такъ: на время
подкрѣпили.

Рэха.
Пожалуй, да; пожалуй, если хочешь.

Дая.
Нѣтъ, я хочу другого.

Рэха.
Вѣчно, вѣчно
Онъ будетъ дорогъ мнѣ — дороже
жизни, —
Хотя теперь, при имени его,
Ужъ больше кровь не приливаетъ къ
сердцу,
И сердце, какъ подумаю о немъ,
Не бьется ни быстрѣе ни сильнѣе. —
Ахъ, что болтаю я!

Пойдемъ-ка лучше,
Пойдемъ туда, откуда пальмы видны.

Дая.
Эге! Да вы совсѣмъ не подкрѣпились.

Рэха.
Теперь смотрѣть я буду и на пальмы,
Не только на него.

Дая.
Охъ, этотъ холодъ!
Не передъ новымъ ли онъ жаромъ?

Рэха.

Холодъ?
Да я не холодна. На что смотрѣть
Пріятно мнѣ, на то я и спокойно
Не съ меньшимъ удовольствіемъ
смотрю.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена представляет пріемный залъ во
дворцѣ Саладина

Саладинъ и Зитта.

Саладинъ
(прежде чѣмъ войти, говоритъ, обернувшись
назадъ)
Какъ только жидъ прійдетъ — ввести
сюда.
Онъ, видимо, не любитъ торопиться.

Зитта.

А можетъ-быть его и не застали
И не тотчасъ нашли.

Саладинъ.

Сестра! Сестра!

Зитта.

Ты словно передъ битвой.

Саладинъ.

И при этомъ
Съ такимъ въ рукахъ оружіемъ,
какого
Я сроду не знавалъ. Теперь изволь-ка
Личину надѣвать, ловушки ставить,
Быть на чеку, на хитрости пускаться!
Когда же я на это былъ способенъ?
Гдѣ этому я могъ бы научиться? —
И для чего все это? для чего?
Чтобъ денегъ изъ жида побольше
выжать,
Схвативъ его за горло?
Денегъ! Денегъ!
И, ради этой мелочи мельчайшей,
Я самъ себя мѣнять на мелочь
долженъ?

Зитта.

Что мелочью намъ кажется сегодня,
Съ тѣмъ завтра намъ приходится
считаться.

Саладинъ.

Къ несчастью, такъ.

А если этотъ жидъ,
Дѣйствительно, такъ добръ и такъ
разуменъ,
Какъ говорилъ о немъ аль-Гафи
раньше?

Зитта.

Такъ что жъ? Пускай!

Бѣды я въ томъ не вижу.
Вѣдь западню готовишь ты скупому,
Лукавому, трусливому жиду,
А не съ умомъ и съ сердцемъ
человѣку.
Съ такимъ-то мы и попросту
поладимъ.
Такого-то пріятно и послушать:
Какъ поведетъ онъ рѣчь свою;
однимъ ли
Рѣшительнымъ, нечаяннымъ ударомъ
Тенета оборветъ, иль осторожно
Минуетъ ихъ.

Саладинъ.

Да! Правда, правда, Зитта.
Навѣрно, мнѣ пріятно это будетъ.

Зитта.

А въ этомъ все и дѣло. Если онъ
Одинъ изъ многихъ только; если
только
Онъ жидъ, какъ жидъ, — тебѣ жъ
не будетъ стыдно
Такимъ же показать себя, какими
Ему всѣ люди кажутся? Напротивъ,
Въ комъ лучшее онъ нѣчто увидалъ бы,
Того бы счелъ онъ дуракомъ,
бахваломъ.

Саладинъ.

Такъ о себѣ чтобъ повода не дать
Дурному человѣку дурно думать,
Я дурно поступать и самъ обязанъ?

Зитта.

А дурно поступать — что значить?
Если
Мы пользуемся вещью сообразно
Со свойствами ея — что въ томъ
дурного!

Саладинъ.

Одно меня заботить: не сломать бы
Своими неуклюжими руками
Столь нѣжную и хрупкую вещицу! —
Задуманное тонко и хитро
И сдѣлать надлежитъ хитро и
тонко. —

Дѣйствіе третье. — Явленіе четвертое.

Саладинъ.

Вотъ женскій умъ!
Что ни измыслить — все
Сумѣетъ пріукрасить.

Зитта.

Пріукрасить!

Ну, какъ ни какъ!

Вѣдь пляшутъ и медвѣди;
А мнѣ-то, ужъ, конечно, проплясать
Хотѣлось бы похуже.

Зитта.

Ахъ, какъ мало
Себѣ ты довѣряешь, Саладинъ!

Я за тебя тебѣ ручаюсь — хочешь? —
Такіе вотъ, какъ ты, всегда готовы
Насъ увѣрять, что лишь мечомъ

своимъ,
Однимъ мечомъ они всего достигли.
Понятно, льву травить лисицу стыдно,
Но хитрость-то ея здѣсь ни при чемъ.

Саладинъ.

А женщины всегда мужчину рады
Принизить до себя. —

Ступай, однако. —
Съ урокомъ я ужъ какъ-нибудь да
справлюсь.

Зитта.

Какъ? Я должна уйти?

Саладинъ.

А ты хотѣла
Остаться развѣ?

Зитта.

Если не остаться...
Не съ вами быть, то хоть поближе
къ вамъ.

Саладинъ.

Подслушивать? — И этого не надо;
Нѣтъ, Зитта, нѣтъ. — Идутъ!

Ступай скорѣе! —
Смотри же, не подслушивать: накрою.

(Въ то время какъ Зитта выходитъ въ одну
дверь, въ другую входитъ Натанъ; Саладинъ
садится)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Саладинъ и Натанъ.

Саладинъ.

Приблизься, жидъ! — Еще! — Еще! —
Не бойся!

Натанъ.

Пусть врагъ тебя боится.

Саладинъ.

Ты Натаномъ
Зовешься?

Натанъ.

Да.

Саладинъ.

И мудрымъ?

Натанъ.

Нѣтъ.

Саладинъ.

Понятно,
Не самъ себѣ ты даль прозвание это:
Народъ тебя прозвалъ.

Натанъ.

Народъ — быть-можетъ.

Саладинъ.

Не думай, что я къ голосу народа
Съ презрѣньемъ отношусь. —

Ужъ я давно,
Давно ищу знакомства съ человѣкомъ,
Котораго бы мудрымъ называли.

Натанъ.

Хотя бы и въ насмѣшку? И хотя бы
Народъ считалъ, что мудрый лишь
немного

Умнѣе умнаго? А умный — тотъ,
Кто выгоды свои блюдетъ исправно?

Саладинъ.

Но истинныя выгоды, надѣюсь?

Натанъ.

Тогда ужъ, кто корыстнѣй всѣхъ,
тотъ будетъ
И всѣхъ умнѣй. И мудраго тогда
Отъ умнаго не отличишь, конечно.

Саладинъ.

Ты этимъ подтверждаешь только то,
Что думаешь оспаривать. — Ты знаешь,
Чего народъ не знаетъ, — что

безспорно
Для человѣка выгодно; старался
Узнать, по крайней мѣрѣ, много
думалъ.

Ужъ этого достаточно, чтобъ мудрымъ
Назвать тебя.

Натанъ.

Такимъ-то мудрымъ всякій
Себя сочтетъ, пожалуй.

Саладинъ.

Что за скромность!
Гдѣ нуженъ трезвый умъ, тамъ ей не
мѣсто.

(Вскакиваетъ)

Довольно болтовни; пора и къ дѣлу.
Но откровенно, жидъ! —

Но — откровенно!

Натанъ.

Повѣрь, я услужу тебѣ, султанъ;
Такъ услужу тебѣ, что и дальнѣйшимъ
Довѣріемъ меня ты удостоишь.

Саладинъ.

Услужишь? Чѣмъ?

Натанъ.

Ты можешь получить
Все лучшее по самымъ сходнымъ
цѣнамъ.

Саладинъ.

Да ты про что? Неужто про товары?
Ступай къ сестрѣ: она до этой дряни
Охотница. —

(Подслушай-ка! подслушай!)

Я посылалъ не за торговцемъ вовсе.

Натанъ.

Такъ ты узнать желаешь, безъ
сомнѣнья,
Что по пути примѣтитъ и развѣдать
Мнѣ удалось насчетъ твоихъ враговъ,
Которые опять зашевелились?
Чтобъ не солгать...

Саладинъ.

И не туда я мѣчу.
Объ этомъ-то я знаю все, что нужно. —
Нѣтъ, видишь ли —

Натанъ.

Приказывай, султанъ.

Саладинъ.

Совсѣмъ другого я, совсѣмъ другого
Жду отъ тебя, отъ мудрости твоей.
Ты, вотъ, мнѣ что скажи: какую вѣру,
Какой законъ считаешь ты всѣхъ
лучше?

Натанъ.

Султанъ, вѣдь я — еврей.

Саладинъ.

Я мусульманинъ;

А христіанинъ — третій, посрединѣ.
Но истинная вѣра — лишь одна:
Которая жъ? — Такого человѣка,
Какъ ты, возьмемъ.

Не будетъ же онъ слѣпо
Стоять за то, куда его случайно
Забросило рожденіе; если жъ будетъ,
То, значить, онъ все взвѣсилъ и
обдумалъ,

Нашелъ себѣ надежную основу,
Изо всего разумный сдѣлалъ выборъ.
Такъ вотъ теперь ты мыслями своими
Со мной и подѣлись; скажи, на чемъ
Основанъ выборъ твой, и что ты
выбралъ.

Все это знать — (понятно, между
нами, —

Необходимо мнѣ, чтобъ самому
Какой-нибудь конечный выборъ
сдѣлать.

Такъ много думъ, а времени такъ
мало! —

Ты пораженъ?

Ушамъ своимъ не вѣришь?
Не первый ли на свѣтѣ объявился
Султанъ съ такой неслыханной
причудой? —

Что жъ, можетъ быть; но думаю, она
Достоинства султана не роняетъ. —
Неправда ли? — Да говори же! — Ну?
Иль дать тебѣ минутку пообдумать?
Изволь, даю. — (А что, она все тутъ же?
Понравилось ли ей мое начало?)
Обдумывай! Обдумывай скорѣе!
Вернуться не замедлю я.

(Выходить въ ту же дверь, въ которую
вышла Зитта).

Дѣйствіе третье. — Явленіе пятое.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Натанъ (одинъ).

Гмъ! Гмъ!

Диковинно! — Что жъ это? —

Что за прихоть?

Я деньги приготовилъ, а ему
Понадобилась правда! Да какая!
Наличная, въ монетѣ! И пускай бы
Въ старинной, вѣсовой, — куда ни шло!
Нѣтъ, новую подай ему монету,
Которую мы счетомъ принимаемъ,
По той цѣнѣ, что выбита на ней!
Но можетъ ли она сойти за правду?
Какъ деньгами мѣшокъ, такъ правдой
мозгъ

Онъ начинить ^ена хочетъ ли? Да кто же,
Кто жидъ изъ насъ? —

А если... если въ правдѣ
Нужна ему не правда? Если правду
Онъ обратилъ въ ловушку?

Нѣтъ, ужъ слишкомъ,
Ужъ слишкомъ это мелко было бѣ. —
Мелко? —

Для крупнаго нѣтъ мелкаго! — Конечно;
Конечно, такъ: онъ прямо въ домъ
вломился!

А другъ прійдетъ — сначала
постучится.
Я долженъ быть насторожѣ! —

Но какъ?
За іудейство выскажусь — неладно,
А противъ іудейства — ужъ совсѣмъ
Нехорошо. Тогда онъ будетъ въ правдѣ
Спросить меня: ты противъ іудейства —
Такъ почему жъ не мусульманинъ
ты? —

Ахъ, вотъ, что! Да!
Вотъ, въ чемъ мое спасенье! —
Не дѣти вѣдь одни до сказокъ падки.
Пускай идетъ! Пускай теперь идетъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Саладинъ и Натанъ.

Саладинъ.

(Тамъ поле чисто!) — Что жъ?
Не слишкомъ скоро

Вернулся я? — Обдумалъ? — Говори!
Здѣсь ни одна душа насъ не
услышитъ.

Натанъ.

Хоть цѣлый міръ!

Саладинъ.

Ты такъ въ себѣ увѣренъ?
Вотъ это я люблю!

Вотъ это мудрость!
Отъ правды никогда не уклоняться
И ей одной все въ жертву приносить!
И кровь и плоть! И жизнь и
достоянье!

Натанъ.

Все въ жертву, все — что нужно и
полезно!

Саладинъ.

Такъ, значить, я могу безъ
самохвальства
Имѣть въ своемъ титулѣ: исправитель
Закона и людей?

Натанъ.

Титулъ прекрасный! —
Но отъ меня, султанъ, ты ждешь
отвѣта.
Начать его мнѣ было бы удобнѣй
Со сказочки. Позволишь?

Саладинъ.

Отчего же!
До сказокъ я охотникъ, если ихъ
Разсказываютъ складно.

Натанъ.

Ну, ужъ этимъ
Я врядъ ли угожу тебѣ.

Саладинъ.

Опять
Ты со своимъ смиреньемъ
горделивымъ! —
Разсказывай! Разсказывай-ка лучше!

Натанъ.

Въ глубокой тѣмѣ времени, въ странѣ
восточной,

Жилъ человекъ; а у него былъ
 перстень,
 Руки любимой даръ,—съ безцѣннымъ
 камнемъ.
 Плѣняя взоръ игрою многоцвѣтной,
 Тотъ камень обладалъ чудесной силой:
 Кто съ вѣрою носилъ его, всегда

Изъ сыновей, любимцу — съ тѣмъ,
 чтобъ тотъ
 Самъ завѣщалъ его любимцу-сыну
 И чтобъ такой избранникъ, не взирая
 На возрастъ свой, одной лишь силой
 камня,
 Главенствовалъ и властвовалъ

Дѣйствіе третье. — Явленіе сельмое.

Пріятель былъ и Господу и людямъ.
 Такъ мудрено ль, что этотъ
 человекъ
 Не только день и ночь не разставался
 Съ сокровищемъ своимъ, но и навѣки
 Рѣшилъ его въ потомствѣ сохранить?
 Рѣшилъ и сдѣлалъ такъ:
 оставилъ перстень,

надъ родомъ. —
 (Внимай, султанъ.
 Саладинъ.
 Я — весь вниманье. Дальше!)
 Натанъ.
 Отъ сына къ сыну такъ переходя,
 Достался, наконецъ, завѣтный перстень

out

Отцу, трехъ сыновей; и, какъ всѣ трое
Равно ему во всемъ покорны были,
Такъ всѣхъ троихъ равно и онъ
любилъ.

И лишь по временамъ отцу казалось,
Что дара наиболѣе достоинъ
То старшій сынъ, то средній, то
меньшой, —

Тотъ, словомъ, сынъ, который съ
нимъ глазъ-на-глазъ,
Безъ братьевъ, оставался и невольно
Одинъ овладѣвалъ его любовью.

Не выдержало любящее сердце —
И перстень чудодѣйственный былъ
порознь

Обѣщанъ всѣмъ троимъ.

Такъ шло да шло. —
Не за горами смерть.

Отецъ, чѣмъ дальше,
Тѣмъ больше все смущается,
скорбитъ:

Двухъ сыновей приходится обидѣть!
Обманщикомъ явиться передъ ними!
Какъ быть ему теперь? —

И, вотъ, тайкомъ
Онъ къ мастеру шлетъ перстень съ
порученьемъ:

Какого бы труда, какихъ бы денегъ
Ни стоило, — такіе же, вполнѣ
Такіе же еще два перстня сдѣлать. —
Работа удалась. Три перстня мастеръ
Заказчику принесъ — и самъ

заказчикъ
Свой перстень отличить не могъ отъ
новыхъ.

Обрадованный старецъ призываетъ
Къ себѣ поочередно сыновей,
Благословляетъ ихъ поочередно,
По перстню имъ даетъ — и умираетъ.

Ты слушаешь, султанъ?

Саладинъ

(отворачивается отъ него въ смущеніи).

Да, да! Еще бы! —
Скорѣй! Я жду конца.

Натанъ.

Да ужъ конецъ.

А что потомъ произошло — понятно

Само собой. Едва лишь закрываетъ
Отецъ глаза, приходитъ каждый съ
перстнемъ

И каждый хочетъ быть владыкой рода.
Ни розыски, ни жалобы, ни тяжбы —
Ничто не помогаетъ: доказать,
Гдѣ перстень настоящій, —
невозможно.

(Молчитъ, выжидая отвѣта султана)

Едва ли доказать и намъ возможно,
Гдѣ вѣра настоящая.

Саладинъ.

И все?

И это мнѣ должно служить отвѣтомъ?

Натанъ.

Должно служить мнѣ извиненьемъ
только,
Что не берусь я различать тѣ перстни,
Которыя и сдѣланы на то,
Чтобъ различить нельзя ихъ было
вовсе.

Саладинъ.

Что перстни мнѣ! —

Оставь свои увертки! —
Въ тѣхъ вѣроисповѣданьяхъ, какія
Тебѣ я перечислилъ, — непременно,
Различіе найдется, непременно!
Въ одеждѣ есть оно!

въ ѣдѣ, въ питьѣ!

Натанъ.

Но только не въ основахъ. —

Вѣдь основа
У всѣхъ одна: исторія; не такъ ли?
Гдѣ — лѣтопись, гдѣ — устное
преданье! —

И на слово исторіи должны
Мы вѣрить? — Нѣтъ? —

Кому жъ мы вѣримъ больше?
Роднымъ, конечно? Кровнымъ?
Чьей любовью
Мы живы съ дѣтскихъ лѣтъ?

Кѣмъ никогда
Мы не были обмануты — иначе,
Какъ изъ любви, для нашего же блага?
Гдѣ вѣрою все держится, возможно ль,

Рѣшился бѣ онъ двоихъ изъ васъ
обидѣть,
Радѣя одному? —

Такъ подражайте жѣ
Отцу въ его любви неподкупной
И чуждой предразсудковъ! —

Силу перстня,
Какой кому врученъ, другъ передъ
другомъ

Наперерывъ старайтесь обнаружить!
Чтобъ сила эта крѣпла, будьте сами
Скромны, миролюбивы, милосердны
И преданы чистосердечно Богу!
И, если та же сила неизмѣнно
Проявится и на потомкахъ вашихъ, —
Зову ихъ черезъ тысячи вѣковъ
Опять сюда.

Тогда ужъ здѣсь возсядетъ
Другой, мудрейшій мужъ —

и приговоръ
Объявить онъ. Ступайте!“ —

Такъ свою
Закончилъ рѣчь судья благоразумный.

Саладинъ.

О Боже мой! О Боже мой!

Натанъ.

Быть-можетъ,
Желаетъ Саладинъ явиться этимъ
Обѣщаннымъ мудрейшимъ мужемъ...

Саладинъ

(порывисто схватываетъ его за руку и ужъ
до конца не выпускаетъ ее).

Я? —

Ничтожный прахъ? — О Боже!

Натанъ.

Что съ тобою?

Саладинъ.

Натанъ, Натанъ! —

Вѣдь тысячи вѣковъ
Не минули еще. — И мнѣ ли мѣсто
Судьи занять! — Прощай. —

Но будь мнѣ другомъ.

Натанъ.

И больше ничего ты мнѣ не скажешь?

Саладинъ.

Нѣтъ, ничего.

Натанъ.

Ни слова?

Саладинъ.

Нѣтъ. — А что?

Натанъ.

Есть просьба у меня — и я хотѣлъ бы
Когда-нибудь, при случаѣ...

Саладинъ.

Да развѣ
Для просьбы нуженъ случай? —

Говори!

Натанъ.

Я совершилъ далекую поѣздку,
Собралъ долги и думаю: не много ль
Скопилось у меня наличныхъ денегъ?
Такія времена теперь настали,
Что деньги на дому держать опасно;
Но гдѣ же ихъ держать?

куда ихъ спрятать? —
И вотъ пришло мнѣ въ голову:

быть-можетъ, —
Всѣ ждутъ войны, война же
вызываетъ
Расходы чрезвычайные, —
быть-можетъ,
Нуждаешься и ты кой въ чемъ...

Саладинъ (пытливо смотря на него).

Натанъ!

Я не желаю знать, успѣлъ ли Гафи
Съ тобою повидаться; не желаю
Разслѣдовать, не потому ли помощь
Ты предлагаешь мнѣ, что у тебя
Возникло подозрѣнье...

Натанъ.

Подозрѣнье?

Саладинъ.

Я это заслужилъ. —

А, впрочемъ, что жъ!
Прости меня: приходится сознаться,

Что я и самъ съ тобой намѣревался
Поговорить...

Натанъ.

Но не о томъ же самомъ?

Саладинъ.

Нѣтъ, именно, о томъ же.

Натанъ.

Тѣмъ сподручнѣй!
Услуга-то взаимная выходитъ.

Но только не рассчитывай, султанъ,
На всю мою наличность.

Мнѣ большая
Уплата предстоитъ.

Тутъ есть храмовникъ,
Тебѣ не безызвѣстный...

Саладинъ.

Что? Храмовникъ?

Надѣюсь я, что деньгами своими
Не вздумаешь поддерживать ты
злѣйшихъ

Враговъ моихъ?

Натанъ.

Изъ нихъ, султанъ, я знаю
Лишь одного: пощаду отъ тебя
Стяжавшаго...

Саладинъ.

Ахъ, что ты мнѣ напомнилъ! —
Вѣдь я объ этомъ юношѣ забылъ,
Совсѣмъ забылъ! —

Такъ онъ тебѣ извѣстенъ? —
Гдѣ онъ теперь?

Натанъ.

Какъ? Развѣ ты не слышалъ,
Чѣмъ я ему, по милости твоей,
Обязанъ? Нѣтъ?

Едва избѣгнувъ смерти,
Онъ снова могъ погибнуть, изъ огня
Спасая дочь мою!

Саладинъ.

Онъ это сдѣлалъ? —
А! У него и видъ такой. — Навѣрно,

И братъ мой поступилъ бы точно
также:

Недаромъ же они лицо въ лицо! —
Онъ здѣсь еще? Веди его сейчасъ же! —
Такъ много я сестрѣ объ этомъ братѣ
Разсказывалъ — она его не знаетъ, —
Что показать ей долженъ непременно
Подобіе его! — Сходи за нимъ! —
Вотъ сколько добрыхъ дѣлъ родиться
можетъ

Отъ одного, хотя бы только страстью
Рожденнаго! Веди его, веди!

Натанъ (освобождая руку).

Въ мгновеніе! А то, другое дѣло —
Само собой, конечно?

(Уходить)

Саладинъ.

Ахъ, напрасно
Сестру я удалилъ! — Скорѣе къ ней! —
Теперь изволь разсказывать все это!
(Выходить въ другую дверь)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Сцена представляетъ мѣсто подъ пальмами,
близъ монастыря, гдѣ храмовникъ поджидаетъ
Натана.

Храмовникъ

(въ смятеніи ходить взадъ и впередъ; потомъ
вскрикиваетъ).

Стой, жертвенная тварь! Передохни!
Довольно ужъ! Не стану я, не стану
Доискиваться, что во мнѣ творится;
Загадывать не стану и впередъ. —
И убѣжалъ напрасно я; напрасно. —
А что жъ, какъ не бѣжать,
мнѣ оставалось? —

Ну, все равно: что будетъ, то и
будетъ! —

Ударъ былъ слишкомъ быстръ.
чтобъ отъ него

Успѣлъ я увернуться;
слишкомъ долго

Я отклонялъ ударъ, чтобъ безъ
ущерба

Могъ выдержать его. — Ее увидѣть —
Къ чему такъ мало я стремился
раньше,

Чего я избѣгалъ, — ее увидѣть —
Не значитъ ли рѣшиться на нее
Всю жизнь глядѣть? — Рѣшиться! —

Но рѣшенье
Есть умыселъ, есть дѣйствіе; а я —
Я лишь игрушкой былъ. —

Ее увидѣть —
Не значитъ ли почувствовать,

что сразу
Душа твоя слилась съ ея душою? —
Одно и то же все. — Одно и то же.
Жить безъ нея теперь ужъ для меня
Немыслимо; жизнь безъ нея была бы
Не жизнью мнѣ, а смертью, —

даже тамъ,
Гдѣ смерти нѣтъ, и то была бы
смертью. —

Любовь? — Ну-да, любовь!
Храмовникъ любить. —

Еврейку христіанинъ любить. — Гмъ!
Хотя бъ и такъ! —

Въ землѣ обѣтованной —
Хвала и слава ей! — уже отъ многихъ
Обѣтовъ суевѣрныхъ я отрекся. —
Но вѣдь храмовникъ я: что орденъ
скажетъ? —

Храмовникъ? — Нѣтъ!
Для ордена я умеръ;
Я умеръ для него съ того мгновенья,
Какъ въ плѣнъ попалъ. И эта голова,
Подарокъ Саладина, — та же развѣ? —
Нѣтъ, новая; что въ прежнюю

вбивали,
Чѣмъ прежнюю напичкивали, — этой
Невѣдомо совсѣмъ. — И эта лучше:
Подъ отчимъ небомъ ей куда

привольнѣй!
Я чувствую, что въ этой головѣ
Такія же теперь родятся мысли,
Какія здѣсь и у отца навѣрно
Рождались, если только про него
Не вздоръ мнѣ наболтали. — Вздоръ!

Быть можетъ;
Но вздоръ правдоподобный; никогда
Онъ не казался мнѣ правдоподобнѣй,
Чѣмъ въ этотъ мигъ, когда пришлось
мнѣ только

Споткнуться тамъ, гдѣ мой отецъ
упалъ. —

Упалъ? —

Со взрослыми пріятнѣй падать,
Чѣмъ на ногахъ съ младенцами
держаться. —

Его примѣръ — его же одобренье.
А чье жъ еще мнѣ одобренье нужно?
Натана? — О! Натанъ меня не только
Одобрить — ободрить. —

Что за еврей! —
И все-таки жидомъ казаться хочется!
Да вотъ и онъ; спѣшить; лицо сіяетъ.
Съ инымъ лицомъ никто отъ Саладина
Еще не выходилъ! — Эй! Эй! Натанъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Натанъ и Храмовникъ.

Натанъ.

Какъ? Это вы?

Храмовникъ.

Порядочно, однако,
Султанъ васъ продержалъ.

Натанъ.

О, нѣтъ! Не очень.
Я заходилъ. —

Ахъ, Курдъ! По немъ и слава,
Дѣйствительно.

И слава — только тѣнь. —
Но ранѣе всего и поскорѣе
Я передать вамъ долженъ...

Храмовникъ.

Что?

Натанъ.

Онъ видѣть
Желаетъ васъ; желаетъ, чтобъ
сейчасъ же
Явились вы. Зайдемте лишь ко мнѣ —
Мнѣ нужно кое-чѣмъ распорядиться, —
А тамъ и въ путь.

Храмовникъ.

Я не войду вторично
Въ вашъ домъ, Натанъ, пока...

Натанъ.

Такъ вы ужъ были?
И говорили съ ней? — Ну, что жъ? —
Скажите,
Какъ Рэха вамъ понравилась?

Храмовникъ.

Нѣтъ словъ,
Чтобъ выразить! Но видѣться опять —
Нѣтъ, нѣтъ, Натанъ!
Нѣтъ, ни за что! — Вотъ, если бъ
Вы дали мнѣ теперь же обѣщанье,
Что видѣться могу я съ ней отнынѣ
Всегда, всегда!

Натанъ.

Какъ я понять васъ долженъ?

Храмовникъ

(послѣ короткаго молчанія, внезапно бросаясь
ему на шею).

Отецъ мой!

Натанъ.

Юноша!

Храмовникъ

(также внезапно оставляя его).

Не сынъ? Натанъ,

Прошу васъ!

Натанъ.

Милый юноша!

Храмовникъ.

Не сынъ? —

Натанъ, Натанъ! Прошу васъ,
заклинаю:

Начальныя, естественныя узы
Не крѣпче ли искусственныхъ оковъ!
Довольствуйтесь быть просто
человѣкомъ! —

Какъ умолить?

Чѣмъ тронуть васъ, скажите?

Натанъ.

Мой милый, милый другъ!

Храмовникъ.

А сынъ? Сынъ — нѣтъ? —

Все нѣтъ и нѣтъ — хотя бы къ
сердцу Рэхи
Признательность открыла путь любви?
Все нѣтъ и нѣтъ — хотя бы ждали
только

Намека мы отъ васъ, чтобъ наши души
Въ одну навѣки слить?

Натанъ.

Совсѣмъ въ тупикъ
Поставили меня вы, юный рыцарь.

Храмовникъ.

Въ тупикъ, Натанъ? —

Въ тупикъ я васъ поставилъ?
И вашими же мыслями? — Неужто
Въ моихъ устахъ онѣ вамъ стали
чужды? —

Я васъ — въ тупикъ!

Натанъ.

Узнать бы мнѣ сначала,
Котораго вы Штауфена сынъ?

Храмовникъ.

Что говорите вы, Натанъ! — Въ такую
Минуту васъ такой пустякъ заботить!

Натанъ.

Вѣдь одного я Штауфена зналъ;
Конрадомъ назывался онъ.

Храмовникъ.

А если
И мой отецъ такъ назывался?

Натанъ.

Будто?

Храмовникъ.

Я названъ по отцу: Конрадъ и
Курдъ —
Одно и то же.

Натанъ.

Пусть; но мой Конрадъ
Храмовникъ былъ, какъ вы, и холостъ:
значить,
Не могъ отцомъ быть вашимъ.

Храмовникъ.
Почему же?
Натанъ.
Какъ: почему?
Храмовникъ.
Помѣхи я не вижу.
Натанъ.
Вы шутите.
Храмовникъ.
А вы не въ мѣру строги! —
Ну, что жъ! Дитя любви!
И съ нашимъ братомъ —
Ужъ какъ ни какъ — приходится
считаться.
Что вамъ далось мое происхожденіе!
Оставьте вы его. Вѣдь не суюсь же
Я въ вашу родословную. Чтобъ я
Огнесся къ ней съ малѣйшимъ
подозрѣніемъ —
Избави Богъ!
Листъ за листомъ могли бы
Вы довести ее до Авраама.
А дальше ужъ она и мнѣ извѣстна —
Хоть клятвою готовъ удостовѣрить.
Натанъ.
Вы сердитесь. —
Чѣмъ заслужилъ я это? —
Я вамъ не отказалъ. — Я не хочу
Васъ на словѣ поймать — и только.
Храмовникъ.
Правда? —
И только, да? О, если такъ, —
простите!
Натанъ.
Идемте же, идемте!
Храмовникъ.
Къ вамъ? — Нѣтъ! Нѣтъ!
У васъ пожаръ! — Я подожду.
Ступайте! —
Сподоблюсь я опять ее увидѣть —
Не разъ потомъ увижу, нагляжусь.

А такъ — съ меня довольно;
слишкомъ даже.
Натанъ.
Я постараюсь васъ не задержать.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Храмовникъ; потомъ Дая.

Храмовникъ.
Да, слишкомъ ужъ съ меня довольно!
Слишкомъ!
Чего нашъ мозгъ вмѣститъ въ себя
не можетъ!
Но иногда онъ сразу полонъ станетъ;
Отъ капли незамѣтной полонъ
станетъ.
Нехорошо; совсѣмъ нехорошо,
Чѣмъ ни былъ бы онъ полонъ. —
Но — терпѣнье!
Душа для думъ вмѣстилище
расширить,
Свободно воспарить и все освѣтить,
Все приведетъ въ порядокъ должный
снова.
Впервые ль мнѣ приходится любить? —
Иль, что казалось мнѣ любовью
раньше,
То не было любовью? — А вотъ это —
И есть оно, то чувство?..

Дая (подкрадываясь издали).

Рыцарь! Рыцарь!

Храмовникъ.
Кто тамъ? — А, Дая! Вы?
Дая.

Онъ не замѣтилъ,
Какъ мимо прошмыгнула я. Но здѣсь
Мы также на виду. — Сюда идите!
За дерево, поближе!

Храмовникъ.
Что случилось?
И такъ еще таинственно? —
Въ чемъ дѣло?

Дая.
Таинственно, вы правы: изъ-за тайны
Я къ вамъ пришла; и даже изъ-за
двухъ.

Одна — моя, другая — ваша, рыцарь.
Хотите помѣняться? Вы свою
Довѣрьте мнѣ; я вамъ свою довѣрю.

Храмовникъ.

Что жъ, я готовъ. —

Нѣтъ, благородный рыцарь.
Сначала вы, а я потомъ. — Пока
Я вашей не узнаю, бесполезно
Вамъ знать мою, повѣрьте. —

Ну, скорѣе! —

Что выведать удастся мнѣ самой,
То въ счетъ итти не можетъ. Обѣ тайны
Останутся при насъ. —

Охъ, бѣдный рыцарь!

Дѣйствіе третье. — Явленіе десятое.

Хотѣлось бы мнѣ только
Сперва узнать, моя-то въ чемъ же
тайна.

Не объяснить ли ваша? — Начинайте.

Дая.

Э, вотъ вы какъ! —

Когда же могъ надѣяться мужчина
Отъ женщины укрыть такую тайну?

Храмовникъ.

Которой онъ и самъ не знаетъ часто?

Дая.

Пожалуй, что и такъ. И, если такъ,

То мнѣ починъ приходится по дружбѣ
Взять на себя.

Какъ намъ понять, скажите,
Что вы отъ насъ такъ быстро
убѣжали?

Что вы и знать не захотѣли насъ?
Что вы потомъ съ Натаномъ не
вернулись?—

Иль Рѣха васъ такъ мало поразила?
А можетъ-быть, ужъ черезчуръ? —

Конечно!
Конечно, черезчуръ! — А, ну-ка, ну:
Какъ полетитъ привязанная птичка?
Да что ужъ тутъ!

Сознайтесь, что безумно
Вы любите ее; а я скажу...

Храмовникъ.
Безумно? Да? Ну вамъ и книги въ
руки.

Дая.
Въ любви-то хоть, въ одной любви
сознайтесь:
Безуміе при васъ остаться можетъ.

Храмовникъ.
А въ немъ ужъ и сомнѣнья нѣтъ, не
такъ ли? —
Храмовнику еврейку полюбить!..

Дая.
Да, смысла здѣсь какъ будто и
немного. —
Но кое въ чемъ его бываетъ больше,
Чѣмъ кажется: Спаситель намъ
нерѣдко
Пути къ Себѣ указываетъ тамъ,
Гдѣ мудрецы — и тѣ во мракѣ
бродятъ.

Храмовникъ.
И даже такъ торжественно? — (Но, если
Спасителя мы Промысломъ
замѣнимъ,
То врядъ ли ошибемся!) — Вы сумѣли
Вселить въ меня такое любопытство,
Какого я и не знавалъ донынѣ.

Дая.
О, это вѣдь страна чудесъ!

Храмовникъ.

(Скорѣе —
Чудеснаго! Да это и понятно:
Весь міръ толпится здѣсь).—

Допустимъ, Дая,
Что такъ оно и есть, какъ вамъ угодно:
Что я ее люблю; что безъ нея
Нѣтъ жизни мнѣ; что, если...

Дая.
Правда? Правда? —
Такъ дайте же сейчасъ мнѣ клятву,
рыцарь,
Спасти ее! Спасти и въ этой жизни
И въ будущей!

Храмовникъ.
Но какъ? — Какъ сдѣлать это?
Могу ли я поклясться въ томъ, въ
чемъ самъ
Невластенъ?

Дая.
Нѣтъ, вы властны. Стоитъ слово
Промолвить мнѣ — и власть у васъ
въ рукахъ.

Храмовникъ.
А власть отца?
Дая.
Э, что отецъ! Отецъ
И пикнуть не посмѣетъ.

Храмовникъ.
Не посмѣетъ? —
Да развѣ онъ къ разбойникамъ
попалъ? —
Нѣтъ, Дая, нѣтъ.

Дая.
Не только не посмѣетъ —
Захочетъ самъ, и съ радостью.

Храмовникъ.
Захочетъ?
И съ радостью?
Такъ я сказать вамъ долженъ,
Что я уже пытался эту струнку
Затрогивать.

Дая.
И отклика онъ не далъ?

Храмовникъ.

Неладный откликъ далъ;
обиidный откликъ.

Дая.

Да что вы, рыцарь? — Какъ?

Онъ не подпрыгнулъ
Отъ радости при первомъ же намекѣ
На то, что вы желали бы взять Рэху?
Ушелъ въ себя? Препоны началъ
ставить?

Храмовникъ.

Почти, что такъ.

Дая.

Тогда ни на минуту
Я дольше не задумаюсь.
(Молчаніе)

Храмовникъ.

И, все-жъ,

Задумались?

Дая.

Вѣдь, говоря по правдѣ,
Предобрый человекъ! — Ему я многимъ
Обязана! — Не будь онъ такъ упрямъ!
Вотъ видитъ Богъ, съ какою болью
въ сердцѣ

На этотъ шагъ рѣшаюсь я!

Храмовникъ.

Ахъ, Дая!

Покончимте съ таинственностью этой.
Ужъ если сомнѣваетесь вы сами,
Къ добру иль злу велеть затѣя ваша,
Постыдно иль похвально поступить
Хотите вы, — тогда молчите лучше!
И пусть забуду я, что кой о чемъ
Вамъ помолчать не худо.

Дая.

Это значить
Не удержать, а подзадорить. Ну,
Такъ знайте же, что Рэха — не еврейка,
А христіанка.

Храмовникъ (холодно).

Да? Пріятно слышать!
Трудненько же дались вамъ эти роды!
Но вы потугъ не бойтесь! Населяйте
Усердно небеса, когда ужъ стали
Негодны вы на это для земли!

Дая.

И это — все? Глумленіе — и только?
Я говорю, что Рэха — христіанка;
А вы — и христіанинъ и храмовникъ,
Къ тому жъ еще влюбленный, —
вы не рады?

Храмовникъ.

И вашего издѣлья христіанка —
Вотъ, что всего важнѣе здѣсь.

Дая.

А, такъ-то
Вы поняли! Что жъ, ваше дѣло. —
Нѣтъ!
Мнѣ нуженъ человекъ, который
могъ бы
Вернуть ее къ тому, что въ ней такъ
страшно
Искажено — и въ чемъ ея спасенье.

Храмовникъ.

Скажите напрямикъ — иль уходите.

Дая.

Она и по рожденью христіанка,
Крещенная родными...

Храмовникъ (живо).

А Натанъ?

Дая.

Натанъ ей не отецъ.

Храмовникъ.

Что вы сказали?
Натанъ ей не отецъ?

Дая.

Сказала правду,
Которая мнѣ стоила не мало
Кровавыхъ слезъ. —
Она не дочь Натана.

Храмовникъ.

Но онъ, какъ дочь, воспитывалъ ее?
Воспитывалъ еврейкой христіанку?

Дая.

Какъ водится.

Храмовникъ.

И что жъ? Она не знаетъ?
Ни разу не слыхала отъ него,

Что вовсе не еврейкой родилась
Она, а христіанкой?

Дая.
Нѣтъ, ни разу.

Храмовникъ.

И въ этомъ заблужденіи не только
Ребенка онъ воспитываль, но даже
И дѣвушку оставилъ?

Дая.
Да, къ несчастью!

Храмовникъ.

Понять я не могу! — Натанъ!
Нашъ мудрый,
Нашъ любящій Натанъ —
природы голосъ
Поддѣлать не задумался? Рѣшился
Насильно отклонить порывы сердца,
Которое, лишь будь оно свободно,
Иной бы путь себѣ избрало? — Дая!
Вы тайну мнѣ довѣрили такую —
Такую, что — что можетъ привести —
Не знаю самъ — не знаю, что и дѣлать.
Мнѣ надо поразмыслить. — Уходите!

Сейчасъ вернется онъ.
Застать насъ можетъ.
Идите же!

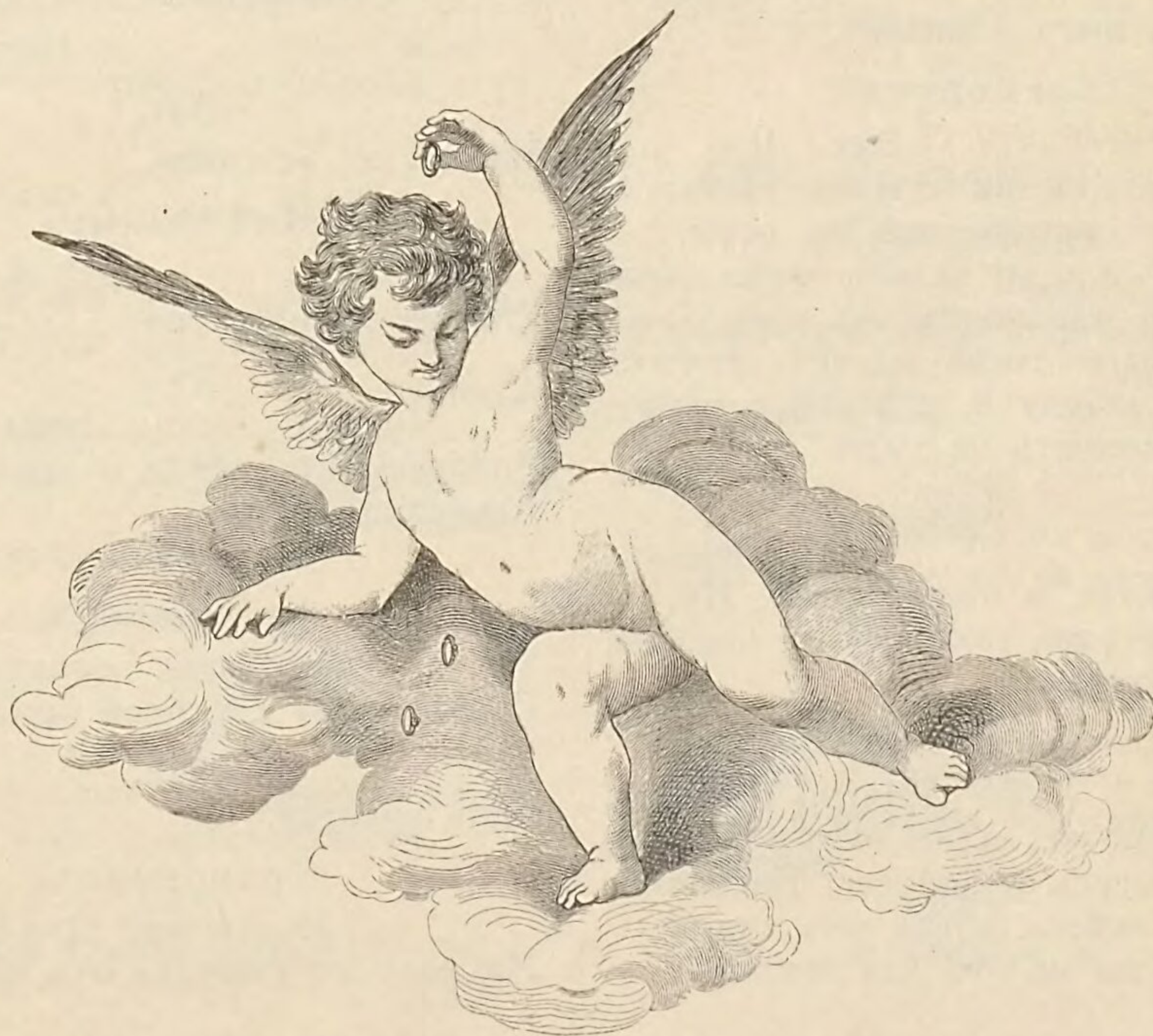
Дая.
Застанетъ — смерть моя!

Храмовникъ.

Теперь я говорить съ нимъ
неспособенъ.
А встрѣтится онъ вамъ —
скажите только,
Что мы найдемъ другъ друга у султана.

Дая.
Смотрите же — и виду не подайте!
Пусть это для послѣдняго удара
Послужить вамъ; и помните,
что Рѣха —
Внѣ всякихъ подозрѣній. —
Если жъ вамъ
Удастся увезти ее въ Европу,
Меня вы здѣсь не бросите?

Храмовникъ.
Объ этомъ
Рѣчь впереди. Идите же, идите.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ монастырскіе переходы.
Послушникъ; потомъ Храмовникъ.

Послушникъ.

Да, правъ нашъ патріархъ!

Что говорить,
Не очень-то я ловко исполняю
Владычьи порученья. — Для чего же
Такія мнѣ дѣла онъ поручаетъ?

Лукавить, уговаривать, повсюду
И носъ совать и руки запускать —
Гожусь ли я на это! — И затѣмъ ли
Я для себя покинулъ міръ,
чтобъ въ немъ
Погрязнуть для другихъ гораздо
глубже!

Храмовникъ

(поспѣшно подходя къ нему).

Насилу васъ нашелъ я, добрый братъ!

Послушникъ.

Меня, мой господинъ?

Храмовникъ.

Не узнаете?

Послушникъ.

Какъ не узнать!

Но я, признаться, думалъ,
Что вы искать не станете меня.
И даже твердо былъ увѣренъ въ этомъ.
Всевидающему Господу извѣстно,
Какъ тяжело было мнѣ къ вамъ
обратиться
Съ такими предложеніями, съ какими

И къ злѣйшему врагу по доброй волѣ
Не обратился бъ я; Ему извѣстно,
Желалъ ли я, чтобъ эти предложенія
Пришлись вамъ по душѣ;

Ему извѣстно,
Какъ былъ я радъ, какъ былъ я
втайнѣ радъ,
Когда, недолго думая, такъ смѣло,
Такъ доблестно отринули вы все,
Что рыцарскаго сана недостойно. —
И, вотъ, вы здѣсь!

Подѣйствовало, значить!

Храмовникъ.

Я самъ еще не знаю хорошенько,
Зачѣмъ я здѣсь; а вамъ уже извѣстно?

Послушникъ.

Вы взвѣсили, обдумали все это;
Нашли кой-что и въ пользу патріарха;
Увидѣли, что и почетъ и деньги
Вамъ можетъ принести его затѣя;
Что врагъ есть врагъ, хотя бы онъ
семь разъ
Спасителемъ былъ нашимъ. И, все это
Въ себѣ переваривъ, пришли съ
позинной. —
О Господи Ты, Боже!

Храмовникъ.

Успокойтесь,
Невинная, смиренная душа!
Пришелъ сюда я не за этимъ вовсе,
И вовсе не объ этомъ съ патріархомъ
Хочу я говорить. Какъ я на это
Глядѣлъ тогда, такъ и теперь гляжу —
И ни за что на свѣтѣ не желалъ бы
То мнѣніе хорошее утратить,

Какимъ меня такъ просто,
 такъ сердечно
Почтилъ такой хорошій человѣкъ.—
По дѣлу одному у патріарха
Я попросить совѣта долженъ.

Послушникъ (боязливо оглядываясь).

 Вы—
У патріарха? Рыцарь — у попа?

Храмовникъ.

Да, видите ли, дѣло-то порядкомъ
Поповское.

Послушникъ.

Нѣтъ, попъ ужъ никогда
У рыцаря совѣта не попросить,
Хотя бы и по рыцарскому дѣлу.

Храмовникъ.

А это оттого, что не въ отвѣтъ
Онъ за свои ошибки, — въ чемъ
 ему

Завидовать изъ насъ не всякій
 станетъ. —

Конечно, если бъ только обо мнѣ
Шелъ разговоръ; конечно, если бъ
 только

Передъ собой однимъ я былъ въ
 отвѣтъ:

На что бы мнѣ тогда рашъ патріархъ!
Но есть дѣла, гдѣ я предпочитаю
Хоть дурно поступать, да по-чужому,
Чѣмъ хорошо по свсему. —

 Къ тому же,
Религія вѣдь здѣсь — не что иное,
Какъ партія: теперь мнѣ это ясно;
И даже тотъ, кто мнитъ себя внѣ
 партій, —

Безъ умысла, своихъ же прикрываетъ:
Въ концѣ жъ концовъ, что есть —
 то и законно.

Послушникъ.

На это я ужъ лучше промолчу.
Я плохо понимаю господина.

Храмовникъ.

Однако же! —

(Что нужно мнѣ, по правдѣ?
Рѣшеніе иль совѣтъ? — Да и совѣтъ
Безхитростный мнѣ нуженъ иль
 ученый?) —

Благодарю васъ, братъ; благодарю
За доброе предупрежденіе ваше. —
Что патріархъ! —

Вы будьте патріархомъ!
Не христіанина, какъ патріарха,
Хотѣлъ бы я спросить, а патріарха
Какъ христіанина. —

Такъ, вотъ, сначала...

Послушникъ.

Не надо, господинъ! Не надо, нѣтъ! —
Къ чему? —

Что за совѣтникъ я! —

Кто много знаетъ,
Тотъ долженъ и заботиться о многомъ;
А у меня всего одна забота. —
Вотъ хорошо! Вотъ счастье-то!

Онъ самъ —
Вы слышите? — онъ самъ сюда идетъ.
Здѣсь стойте, здѣсь.

Онъ васъ уже примѣтилъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Патріархъ, со всею, подобающею
его сану, пышностью появляющійся въ одномъ
изъ переходовъ.

Храмовникъ.

Охотно отъ него я увильнуль бы. —
Что мнѣ въ такомъ! —

Упитанный, румяный,
Самодовольный жрецъ!
И сколько блеску!

Послушникъ.

Когда онъ снарядится во дворецъ —
Вотъ, блескъ-то гдѣ!

Теперь онъ отъ больного.

Храмовникъ.

А Саладину-то и стыдно.

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе второе.

Патріархъ
(приблизившись, манитъ послушника).
Эй!
Храмовникъ, кажется? Зачѣмъ?
Послушникъ.
Не знаю.
Патріархъ
(подходитъ къ храмовнику, причемъ послушникъ и свита отступаютъ назадъ).
Ну, рыцарь! Очень радъ. —
Пріятно видѣть
Такого молодца. —
Э! чуть не мальчикъ! —
Такъ мы еще, Богъ дастъ, чего-нибудь
Дождемся здѣсь.
Храмовникъ.
Но бѣльшаго — едва ли,
Честнѣй отецъ; не меньшаго ль,
скорѣе,
Чѣмъ то, что есть?
Патріархъ.
По крайней мѣрѣ, я
Желаю, чтобъ, во славу христіанства,
Въ защиту дѣла Божьяго, такой
Благочестивый рыцарь долго-долго
И жилъ и благоденствовалъ. А это
Вполнѣ осуществимо, если только
Совѣтамъ зрѣлымъ старости толково
Послѣдуетъ отвага молодая. —
Но чѣмъ служить могу я господину?
Храмовникъ.
Тѣмъ именно, въ чемъ молодость моя
Пока еще нуждается: совѣтомъ.
Патріархъ.
Съ охотою. —
Но чтобъ совѣтъ былъ принятъ!
Храмовникъ.
Не слѣпо же?
Патріархъ.
Кто жъ говорить, что слѣпо! —

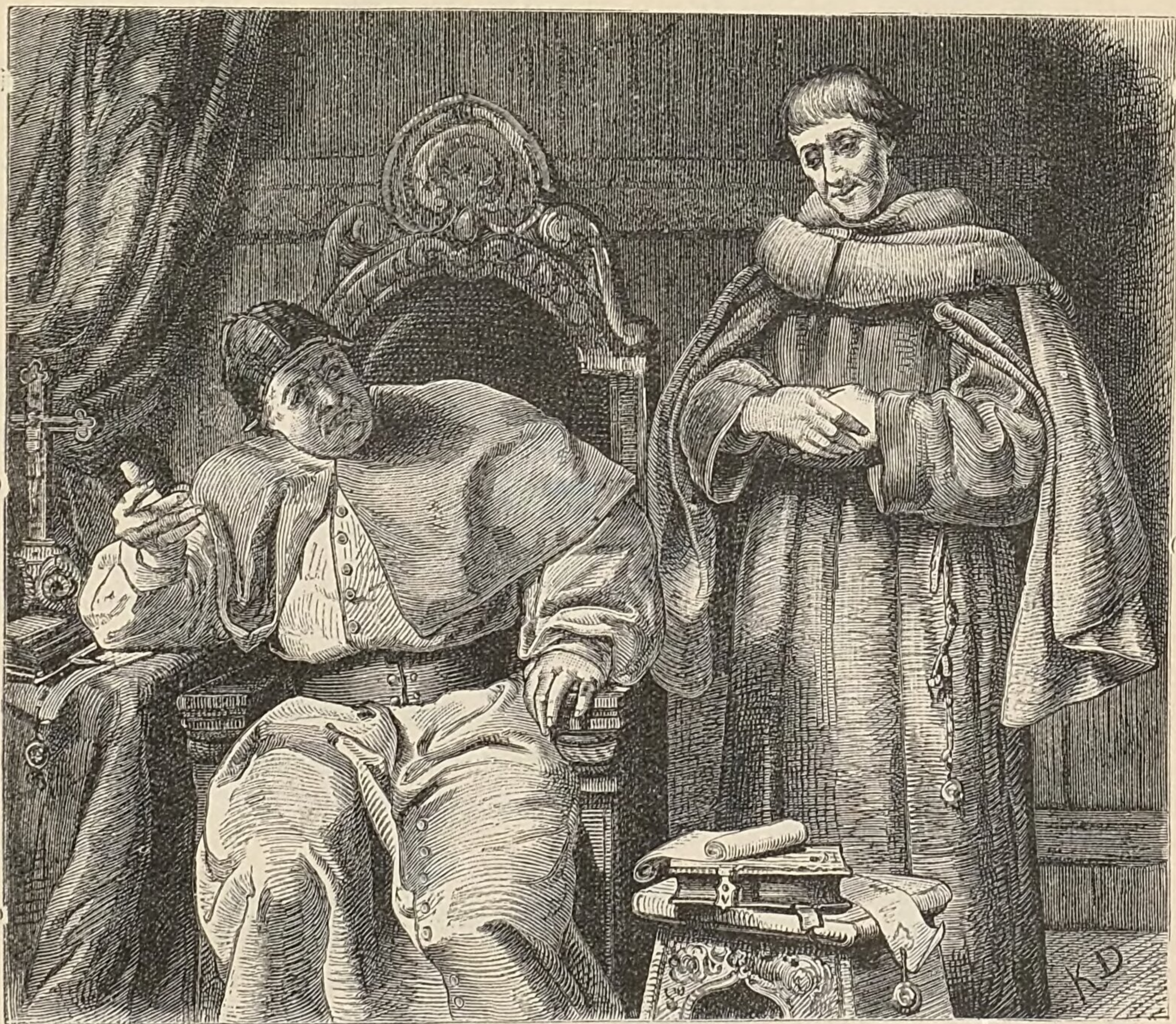
На то вѣдь мы и разумомъ отъ Бога
Надѣлены, чтобъ пользоваться имъ,
Гдѣ пользоваться слѣдуетъ. —
Но спросимъ:
Вездѣ ли это слѣдуетъ? — Отнюдь! —
Возьмемъ примѣръ.
Господь чрезъ одного
Изъ ангеловъ Своихъ, — сказать иначе,
Чрезъ одного изъ слугъ Своихъ
смиранныхъ, —
Шлетъ, въ благодати безмѣрнѣйшей,
указанье,
Какимъ путемъ особеннымъ возможно,
На радость христіанства, укрѣпить
Свободу и господство нашей церкви:
Кто жъ разумомъ своимъ имѣетъ
право
Вникать въ произволеніе Того,
Кѣмъ сотворенъ и этотъ самый
разумъ?
Кто смѣетъ, какъ мѣрило, прилагать
Къ предвѣчному небесному закону
Ничтожные уставы мнимой чести? —
Я все сказалъ. —
Такъ въ чемъ же господину
Потребенъ нашъ совѣтъ?
Храмовникъ.
Предположите,
Честнѣй отецъ, что у еврея есть
Единственный ребенокъ — дочь,
допустимъ, —
Что ревностно воспитывалъ онъ въ ней
Все доброе, что за нее онъ душу
Готовъ отдать, и что онъ самъ,
взаимно,
Любимъ наинѣжнѣйшею любовью;
И кто-нибудь изъ насъ вдругъ узнаетъ,
Что дѣвочка — не дочь еврея вовсе,
Что онъ ее давно, еще младенцемъ,
Нашелъ, купилъ, укралъ —
что вамъ угодно, —
Что это — христіанское дитя,
Крещеное, — что ей лишь воспитанье
Еврейское дано, и что еврей
Ее за дочь свою и за еврейку
Лишь выдаетъ. —
Честнѣй отецъ, скажите:
Какъ съ этимъ быть?

Патріархъ.

Я трепещу! — Но прежде
Пусть господинъ мнѣ выяснитъ,
что это:
Дѣйствительный ли случай, или только
Досужее предположеніе; то-есть:
Придумано ли это господиномъ,

Патріархъ.

Безразлично? —
Вотъ, видите, какъ гордый разумъ
нашъ
Способенъ погрѣшать въ дѣлахъ
церковныхъ. —
Отнюдь! Отнюдь!

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе второе.

Иль это совершилось въ самомъ дѣлѣ
И даже продолжаетъ совершаться?

Храмовникъ.

Мнѣ вашего святѣйшества лишь мнѣнне
Хотѣлось услышать: такъ я и думалъ,
Что это безразлично.

Вѣдь, если этотъ случай —
Не болѣе, какъ плодъ воображенія,
То обсуждать его — лишь время тратить.
На это господинъ у скомороховъ
Найдетъ отвѣтъ: такія pro et contra
Тамъ въ лицахъ представляются
прекрасно. —

Но, если господинъ мнѣ преподнесъ
Не шутку скоморошью; если это —
Не выдумка, а правда; если въ нашей
Епархіи случилось это, въ нашемъ
Любезномъ городѣ Іерусалимѣ, —
Тогда...

Храмовникъ.

И что жъ тогда?

Патріархъ.

Безъ промедленья
Преступникъ долженъ быть
подвергнутъ карѣ,
Какая за подобныя злодѣйства
Закономъ установлена.

Храмовникъ.

Вотъ какъ!

Патріархъ.

А именно: на точномъ основаньи
Законовъ императора и папы,
Жиду за подговоръ, за совращенье
Въ жидовство христіанина, —
костеръ —

Огонь —

Храмовникъ.

Вотъ какъ!

Патріархъ.

Тѣмъ болѣе, жиду,
Который христіанскаго ребенка
Отъ узъ его крещенья отторгаетъ
Насиліемъ!

Вѣдь, все, что надъ дѣтьми
Мы дѣлаемъ, — всегда и всюду это
Насиліе для нихъ! — За исключеньемъ
Того, что церковь дѣлаетъ, —
понятно.

Храмовникъ.

А если бы, не сжался жидъ, ребенку
И нищета и гибель угрожала?

Патріархъ.

Все — пустяки! Жидъ долженъ быть
сожженъ.

Ребенку въ нищетѣ погибнуть лучше,

Чѣмъ быть на гибель вѣчную

спасеннымъ.

Жидъ Бога упреждаетъ! Захотѣлъ бы
Господь спасти — и безъ него бы
спасъ.

Храмовникъ.

И вѣчное блаженство, полагаю,
Не отъ жида зависитъ, а отъ Бога?

Патріархъ.

Все — пустяки!

Жидъ долженъ быть сожженъ.

Храмовникъ.

Прискорбно мнѣ.

Тѣмъ болѣе прискорбно,
Что дѣвушка воспитана евреемъ —
Какъ говорятъ — скорѣй совсѣмъ безъ
вѣры,

Чѣмъ въ вѣрѣ іудейской.

Но о Богѣ —

Что слѣдуетъ — ей все извѣстно,
будто.

Патріархъ.

Все — пустяки!

Жидъ долженъ быть сожженъ...
Да одного ужъ этого довольно,
Чтобъ не однажды сжечь его,
а трижды! —

Какъ? Вырастить дитя совсѣмъ безъ
вѣры!

Совсѣмъ, совсѣмъ его не научить
Тому, что первый долгъ нашъ передъ
Богомъ? —

Верхъ гнусности!

И, признаюсь вамъ, рыцарь,
Я очень удивленъ, что вы и сами...

Храмовникъ.

Объостальномъ, владыка преподобный,
Сподобить Богъ — на исповѣди.

(Хочетъ итти)

Патріархъ.

Какъ?

Не дать мнѣ никакого ^{го} объясненья?
Злодѣя-нечестивца не назвать?

Сюда его не привести сейчасъ же?

О, если такъ, — я знаю, что мнѣ
дѣлать!

Немедленно — къ султану. —

Договоромъ
И клятвою обязанъ охранять
Онъ насъ во всѣхъ правахъ, во всѣхъ
ученьяхъ,
Какія мы соприсчислять дерзаемъ
Къ святѣйшей нашей вѣрѣ.

Слава Богу,
Что подлинникъ у насъ — съ его
печатью,
За подписью его! — Нетрудно будетъ
Мнѣ вразумить султана, какъ опасно
Безвѣріе для государства даже!
Чуть вѣровать не станетъ человѣкъ —
Расторгнутся, разрушатся всѣ узы
Гражданскія! — Прочь, прочь съ такимъ
злодѣйствомъ!

Храмовникъ.

Какъ жаль, что не могу я насладиться
Свободно этой проповѣдью чудной!
Къ султану позванъ я.

Патріархъ.

Вы, рыцарь? Да? —
Ну, если такъ — тогда — само собой —
Понятно —

Храмовникъ.

Не прикажете ли, ваше
Святѣйшество, предупредить султана?

Патріархъ.

О, мнѣ извѣстно вѣдь, что у него
Вы въ милости! —

Я объ одномъ прошу васъ:
Ужъ тамъ меня не поминайте лихомъ!
Я ревностью лишь къ Богу
побуждаемъ:

Что лишняго я сдѣлалъ — для
Него же.

Пусть господинъ объ этомъ
поразмыслить! —

А то, что о жидѣ вы рассказали, —
Не болѣе, конечно, какъ загадка?
Не болѣе, какъ, такъ-сказать...

Храмовникъ.

Загадка.

(Уходитъ)

Патріархъ.

(Но я въ нее проникнуть долженъ.

Снова
Для брата Бонафидеса работа.) —
Ко мнѣ, мой сынъ!

(Уходитъ, разговаривая съ послушникомъ)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена представляетъ комнату во дворцѣ
Саладина, куда рабы вносятъ мѣшки, которые
и ставятъ на полу, одинъ къ другому.

Саладинъ, потомъ Зитта.

Саладинъ (входя).

Что жъ это? Безъ конца! —
Не весь еще перетаскали мусоръ?

Рабъ.

Осталось такъ, примѣрно, съ
половину.

Саладинъ.

Тогда къ сестрѣ несите остальное.
Аль-Гафи-то обрадуется какъ!
Да что его не видно? —

А не лучше ль
Спровадить все къ отцу?

Здѣсь этимъ деньгамъ
Не сдобровать. Нѣтъ, конечно! Большая
Понадобится ловкость, чтобъ теперь
Сорвать съ меня подачку покрупнѣе:
Я скрягой становлюсь.

По крайней мѣрѣ,
Пока еще нѣтъ денегъ изъ Египта,
Пусть голытьба обходится,
какъ знаетъ. —

Вотъ только бъ съ подаяньями у гроба
Мнѣ справиться! — Паломники отсюда
Съ пустыми бы руками не ушли! —
Да если бы еще —

Зитта.

Что это значитъ?
Какія это деньги принесли мнѣ?

Саладинъ.

Мой долгъ тебѣ; а лишнее —
въ запасъ.

Зитта.
 Тѣхъ нѣтъ еще?
 Саладинъ.
 Натанъ его все ищетъ.
 Зитта.
 Смотри-ка, Саладинъ, что въ нашемъ

Похожъ! Похожъ! —
 Ахъ милый, славный мальчикъ!
 Какъ рано мнѣ пришлось тебя
 лишиться!
 Будь ты со мной все время — ахъ,
 чего бы
 Ни совершили мы! — Отдай мнѣ, Зитта.

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе третье.

старомъ
 Ларцѣ нашлось!
 (Показываетъ ему небольшой рисунокъ)
 Саладинъ.
 Что это? Братъ? Да! да! —

Я знаю, вѣдь: онъ это подарилъ
 Твоей сестрѣ, своей любимой Лиллѣ.
 Когда онъ уѣзжалъ въ послѣдній
 разъ —
 Въ послѣдній разъ! —
 она его такъ крѣпко,

Такъ крѣпко обняла, что онъ насилу
Могъ вырваться! —

И онъ одинъ уѣхалъ!
И я не удержалъ его! Сестра
Всю жизнь меня за это укоряла
И, не простивъ, сошла въ могилу съ
горя. —

Онъ такъ и не вернулся!

Зитта.

Бѣдный братъ!

Саладинъ.

Что пользы горевать! —

Всѣмъ намъ прійдется
Когда-нибудь уѣхать безъ возврата!
При томъ еще — кто можетъ знать
навѣрно! —

Для юношей такихъ, какъ онъ, опасна
Не смерть одна. Враговъ у нихъ такъ
много,

Что часто, со слабѣйшимъ наравнѣ,
Оружіе слагаетъ и сильнѣйшій. —
Довольно! — Я съ храмовникомъ
рисунокъ

Хочу сравнить; хочу узнать, насколько
Меня воображеніе обмануло.

Зитта.

Я для того и принесла. Отдай же,
Отдай назадъ! Ужъ я тебѣ скажу;
Вѣдь женскій глазъ куда на это зорче.

Саладинъ (вошедшему привратнику).

Кто тамъ? — Храмовникъ, да? —
Пускай войдетъ.

Зитта.

Чтобъ вамъ не помѣшать и чтобъ его
Не привести въ смущеніе
любопытствомъ —

(Садится въ сторонѣ на софу и опускаетъ
покрывало)

Саладинъ.

Да, хорошо! — (А голосъ? Неужели
И онъ похожъ? —

Тогда Ассатовъ голосъ
Въ моей душѣ откликнется навѣрно!)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Храмовникъ и Саладинъ.

Храмовникъ.

Къ тебѣ, султанъ, какъ плѣнникъ
твой...

Саладинъ.

Мой плѣнникъ?

Да развѣ я могу, даруя жизнь,
Не даровать, съ ней вмѣстѣ,
и свободу?

Храмовникъ.

Что для тебя задумать — значить
сдѣлать, —

О томъ не подобаетъ мнѣ и думать,
Пока я не услышу отъ тебя же.
Но въ вѣчной благодарности, султанъ,
Не буду я передъ тобою клясться:
Ни нраву моему, ни положенью
Несвойственны напыщенные рѣчи. —
Ты снова далъ мнѣ жизнь —
и ею снова

Располагай!

Саладинъ.

Лишь противу меня

Не пользуйся ты ею! Горевать бы
Не сталъ я изъ-за лишней пары
рукъ;

Но уступить врагамъ такое сердце
Мнѣ было бъ тяжело. Я не ошибся
Въ тебѣ, мой честный к ноша, ни мало!
Ты — мой Ассадъ, и тѣломъ и душою.
Вотъ-вотъ готовъ спросить тебя:
да гдѣ жъ ты

Все время былъ?

въ какой пещерѣ спалъ?
Въ какомъ волшебномъ царствѣ и
какою
Волшебницею доброю донынѣ
Такъ сохраненъ цвѣтокъ любимый
мой?

Вотъ-вотъ сейчасъ готовъ тебѣ
напомнить,
Что — здѣсь, что — тамъ мы вмѣстѣ
совершали.

Готовъ и пожурить тебя за то,
Что у тебя есть тайна; что отъ брата

Одно ты приключенье утай. —
Да, да! Готовъ — и сдѣлалъ бы все
это,

Когда бы и себя не видѣлъ тутъ же!
Что жъ, пусть и такъ!

Но въ этой милой грезѣ
Есть все-таки и правда: мой Ассадъ
Въ дни осени моей передо мною
Опять расцвѣлъ! —

Доволенъ ли ты, рыцарь?

Храмовникъ.

Въ моей душѣ царить одно желанье:
Во всемъ твоимъ желаньямъ отвѣчать.

Саладинъ.

Такъ я тебя сейчасъ же испытаю. —
Согласенъ ты остаться у меня?
Со мной согласенъ жить? —

Какъ христіанинъ,
Какъ мусульманинъ, — это все равно!
Вотъ въ этомъ же плащѣ иль въ
нашей буркѣ,

Въ тюрбанѣ иль въ войлокѣ вотъ
этомъ, —

Какъ хочешь! Все равно! Я никогда
Не требовалъ, чтобъ всѣ деревья были
Одной корой покрыты.

Храмовникъ.

Да иначе
Ты не былъ бы самимъ собой,
пожалуй:
А ты — герой, который бы охотнѣй
У Господа въ садовникахъ служилъ.

Саладинъ.

Ну, если такъ и если я не хуже
Въ твоихъ глазахъ, — то, значитъ,
наше дѣло
Наполовину сдѣлано?

Храмовникъ.

Вполнѣ!

Саладинъ (протягивая руку).
Такъ — слово?

Храмовникъ

(ударяя по его рукѣ своею).

Да! — Ты получаешь больше
Чѣмъ можешь взять.

Я — твой, твой весь отнынѣ!

Саладинъ.

Не слишкомъ ли въ одинъ и тотъ же
день?

Не слишкомъ ли? — Да гдѣ же онъ?
Неужто

Его здѣсь нѣтъ?

Храмовникъ.

Кого?

Саладинъ.

Натана.

Храмовникъ (холодно).

Нѣтъ.

Я здѣсь одинъ.

Саладинъ.

Твой подвигъ! Что за подвигъ!
Самъ по себѣ прекрасенъ —
и ко благу
Такого человѣка совершенъ:
Вотъ счастье-то!

Храмовникъ.

Да, да!

Саладинъ.

Такъ равнодушно?
Такъ холодно? — Нѣтъ юноша! Когда
Внушаетъ Богъ намъ добрыя дѣянья,
Никто изъ насъ не смѣетъ быть
холоднымъ —

Хотя бы и притворно это было,
Изъ скромности!

Храмовникъ.

Все такъ! Но въ каждой вещи
На нѣсколько сторонъ всегда
наткнешься —
Такихъ сторонъ, что часто не
постигнешь,
Какъ связаны онѣ одна съ другою

Саладинъ.
Придерживайся лучшей неизмѣнно —
И Бога прославляй! —

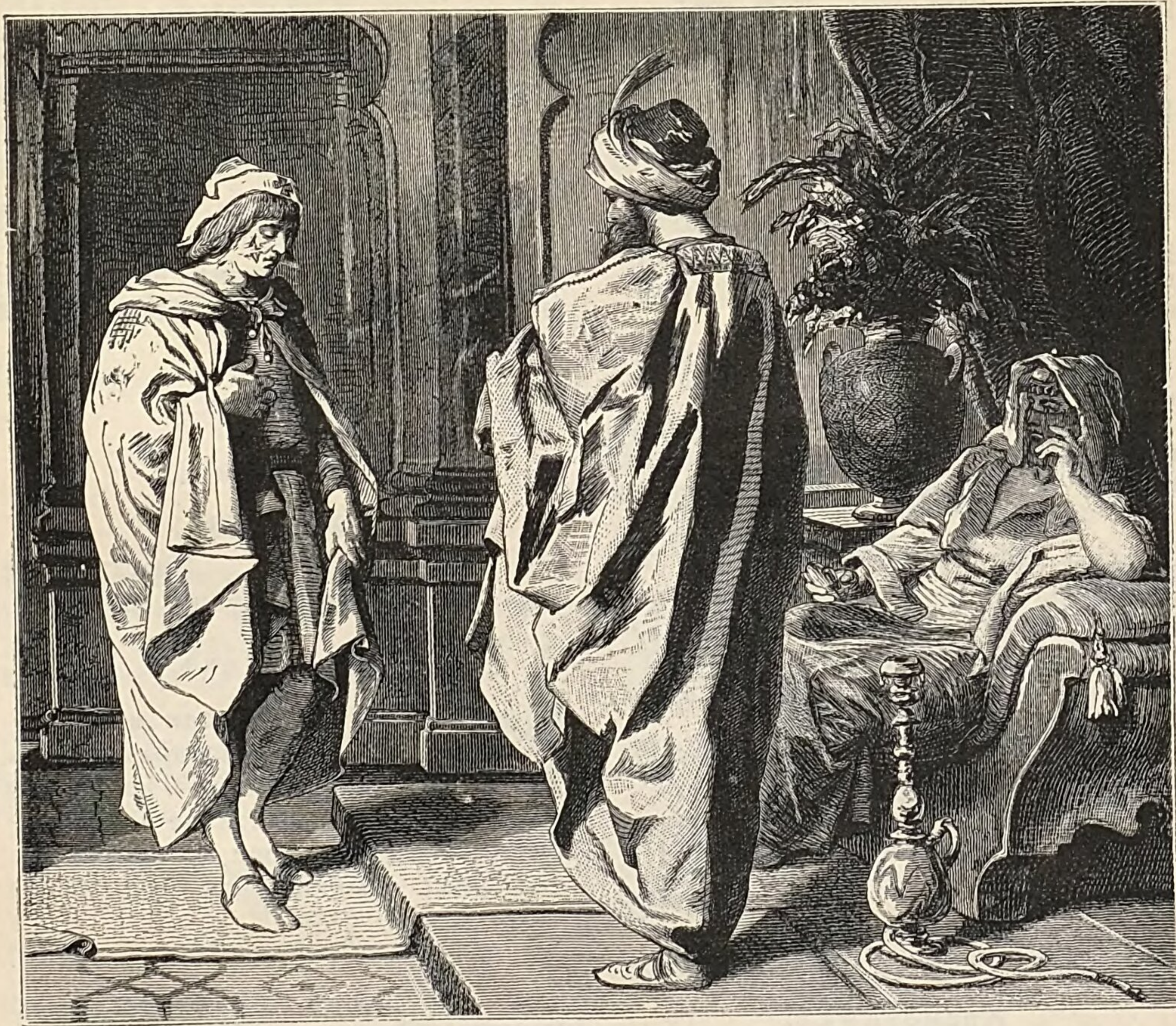
Ужъ Онъ-то знаетъ,
Какъ что связать. —

Но ежели ты склоненъ
Творить себѣ повсюду затрудненья,

Подозрительности мало
Подверженъ я.

Саладинъ.

Но, все-таки, подверженъ?
Кого же ты и въ чемъ подозрѣваешь?
Сдается мнѣ — Натана! Какъ? Натана

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе четвертое.

То вѣдь и мнѣ придется быть
съ тобою

Насторожѣ.

Я тоже вѣдь, къ несчастью,
Такая вещь, въ которой мало связи.

Храмовникъ.
Мнѣ больно! —

Подозрѣвать? Тебѣ? Такъ объяснись
же!

Дай первый мнѣ образчикъ твоего
Довѣрія.

Храмовникъ.

Натанъ здѣсь ни при чемъ.
Я на себя досажую —

Храмовникъ.

Носиться съ ними,
Пока людскую тупость устрашаетъ
Свѣтъ истины...

Саладинъ.

Прекрасно! Но Натанъ! —
Онъ этимъ не грѣшитъ.

{Храмовникъ.

Я самъ такъ думалъ!..
Но если это рѣдкость, это чудо —
Лишь заурядный жидъ, простой
любитель
Разыскивать младенцевъ
христіанскихъ,
Чтобъ втайнѣ ихъ выращивать
жидами, —
Какъ быть тогда?

Саладинъ.

Да развѣ это вѣрно?

Храмовникъ.

И дѣвушка, которая служила
Въ его рукахъ наживкой для меня,
Которую сулилъ онъ мнѣ въ уплату
За то, что я не могъ же сдѣлать
даромъ! —
Та дѣвушка — отбившійся отъ стыда
Ребенокъ христіанскій, а совсѣмъ
Не дочь его!

Саладинъ.

И, несмотря на это,
Огдать ее тебѣ онъ не желаетъ?

Храмовникъ (горячо).

Желаетъ или нѣтъ — но онъ открытъ!
Открытъ вѣротерпимый пустомеля!
На этого мыслителя-жида,
На этого въ овечьей шкурѣ волка
Собака я натравить сумѣю: долго
Зубовъ ихъ не забудеть!

Саладинъ (строго).

Христіанинъ,
Спокойнѣй!

Храмовникъ.

Что? Спокойнѣй — христіанинъ?
И только — христіанинъ? Почему же
Не жидъ, не мусульманинъ? Почему?

Саладинъ (еще строже).

Спокойнѣй, христіанинъ!

Храмовникъ (овладѣвая собою).

Саладинъ!

Я чувствую всю тяжесть укоризны,
Которую вложилъ ты въ это слово.
Ахъ, если бы я зналъ, какъ
поступилъ бы
При этомъ твой Ассадъ!

Саладинъ.

Немногимъ лучше!
И ужъ не съ меньшей пылкостью,
навѣрно. —
Но гдѣ жъ ты перенялъ его умѣнье
Меня единымъ словомъ подкупать?
Конечно, если все происходило,
Какъ ты мнѣ говоришь, —

тогда Натанъ
И для меня становится загадкой.
Однако, онъ мнѣ другъ — а я вражды
Среди своихъ друзей не допускаю.
Сдержи себя и дѣйствуй осторожно!
Повремени Натана предавать
Ретивымъ сумасбродамъ вашей черни!
Молчи, пока, о томъ, съ чѣмъ на меня
Нагрянуло бы ваше духовенство,
Чтобъ отомстить ему! Не исповѣдуй
Христа лишь для того, чтобъ
досаждать,
Гдѣ можно, и жидамъ и мусульманамъ!

Храмовникъ.

А скоро это было бы и поздно!
По счастью, кровожадность патріарха
Отбила у меня навѣкъ охоту
Служить ему орудіемъ!

Саладинъ.

Такъ ты
Отправился сначала къ патріарху,
А ужъ потомъ ко мнѣ?

Храмовникъ.

Въ порывѣ страсти,
Въ смятеніи нерѣшимости! —

Прости! —
Боюсь, что ты ужъ больше не
захочешь
Во мнѣ искать и узнавать Ассада!

Саладинъ.

Могло бы быть — не будь боязни
этой!

Сдается мнѣ, я знаю, изъ какихъ
Пороковъ вырастаетъ добродѣтель.
Блуди ее и дальше, а къ порокамъ
Я буду снисходителенъ. — Ступай!
Натанъ тебя все ищетъ: поищи же
И ты его — и вмѣстѣ приходите.
Я долженъ васъ обоихъ образумить.
А если съ этой дѣвушкой не шутки
Затѣялъ ты — считай ее своею!
Ужъ кстати и Натана мы проучимъ
За то, что христіанскаго ребенка
Посмѣлъ онъ безъ свинины воспитать.
Ступай!

(Храмовникъ уходитъ, Зитта встаетъ съ софы)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Саладинъ и Зитта.

Зитта.

Какъ это странно все!

Саладинъ.

Что, Зитта?
Ассадъ мой былъ не молодчина развѣ?

Зитта.

Да, если онъ былъ именно таковъ
И если не храмовника скорѣе
Попало къ намъ въ ларецъ
изображенъ! —

Но какъ же о родителяхъ его
Ты позабылъ спросить?
О самомъ главномъ?

Саладинъ.

Особенно о матери? О томъ,

Случалось ли бывать ей въ Палестинѣ?
Неправда ли?

Зитта.

Да что ужъ! Отличился!

Саладинъ.

Нѣтъ ничего мудренаго. Ассадъ
Такъ нравился пригожимъ

христіанкамъ,
И самъ до нихъ такой онъ былъ
охотникъ,

Что даже рѣчь зашла у насъ однажды...
Ну, ну! Что вспоминать теперь! —

Довольно.

Вернулся онъ! По-моему, вернулся —
Со всѣми недостатками, со всѣми
Причудами отзывчиваго сердца!
И дѣвушку Натану за него
Прійдется выдать.

А? Ты какъ находишь?

Зитта.

Не выдать, а отдать.

Саладинъ.

Да, да! Конечно.
Разъ не отецъ онъ ей — онъ здѣсь
безправенъ:

Кто жизнь ея сберегъ — одинъ
вступаетъ
Въ права того, къ кому эта жизнь дана.

Зитта.

А если бъ, Саладинъ, безъ
проволочекъ
Ты взялъ ее къ себѣ тотчасъ бы —
отнялъ
Ее у незаконнаго владѣльца?

Саладинъ.

Да нужно ли?

Зитта.

Чтобъ такъ ужъ было нужно —
Нельзя сказать; а любопытно —
страсть!

Меня подчасъ вотъ такъ и подмываетъ
Узнать, какая дѣвушка сумѣла
Понравиться такому-то мужчине.

Саладинъ.

Такъ что жь! Пошли за ней.

Зитта.

Ты позволяешь?

Саладинъ.

Съ условіемъ: не обижать Натана!
Чтобъ онъ никакъ не заподозрилъ
Насилія!

Зитта.

Ужъ ты не безпокойся.

Саладинъ.

А я пойду разыскивать аль-Гафи.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Сцена представляетъ открытыя, примыкающія къ пальмамъ, сѣни въ домѣ Натана — какъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія.

Покупки Натана частью уже вынуты и разложены; о нихъ и разговоръ.

Натанъ и Дая.

Дая.

Все такъ великолѣпно, такъ чудесно,
Какъ только вы умѣете дарить!
А гдѣ, скажите, дѣлаютъ вотъ эту
Серебряную съ золотомъ парчу?
По чемъ она? —

Но что за платье выйдетъ!
Не стыдно подъ вѣнецъ и королевѣ.

Натанъ.

Какъ: подъ вѣнецъ?

Зачѣмъ же подъ вѣнецъ?

Дая.

Вѣдь платье-то вѣнчальное! Я вѣрю,
Что вы совсѣмъ не думали объ этомъ;
Но лучше для вѣнца нельзя и выбрать:
Какъ на заказъ. Серебряное поле —
А бѣлый цвѣтъ невинность
означаетъ! —

И золотыя нити — знакъ богатства!
Вы видите? Премило.

Натанъ.

Что ты мнѣ
Узоры тутъ разводишь? На какую
Невѣсту ворожишь?

Ты, что ль, невѣста?

Дая.

Невѣста? я?

Натанъ.

Такъ кто же?

Дая.

Я? — Создатель!

Натанъ.

Такъ кто же? Кто?

О чьемъ вѣнчальномъ платьи
Толкуешь ты? Вѣдь это все твое,
Все для тебя одной.

Дая.

Мое все это?
Все для меня одной? — А не для Рэхи?

Натанъ.

Что я привезъ для Рэхи, то лежитъ
Въ другомъ тюкѣ. Ну, забирай скорѣе!
Тащи свои пожитки!

Натанъ.

Искуситель! —
Такъ вотъ же нѣтъ!
Будь это всей вселенной
Сокровища — я къ нимъ неприкоснусь,
Пока вы тутъ же мнѣ не поклянетесь
Воспользоваться случаемъ, какого
Отъ Неба вамъ вторично
не дожждаться.

Натанъ.

Какой же это случай?

Дая.

О Натанъ!
Со мной ли въ жмурки вамъ играть? —
Ну, словомъ:
Храмовникъ Рэху любитъ —
и отдайте!
Разъ на всегда покончите съ грѣхомъ,

Который мнѣ скрывать ужъ не подь
силу.
Пусть дѣвушка въ свою среду вернется
И будетъ тѣмъ, чѣмъ быть она
должна.
А вы, Натанъ, при вашемъ добромъ
сердцѣ,
Которымъ вы купили насъ навѣки, —
Не уголья пылающія только
Прикопите на голову свою.

Натанъ.

На новый ладъ — за старую погудку?
А складу-то и нѣтъ!

Дая.

Какъ такъ?

Натанъ.

Храмовникъ

Мнѣ по душѣ. Ни за кого другого
Не выдалъ бы я Рэху такъ охотно.
Но... надо потерпѣть.

Дая.

Еще терпѣть?

А это — чтó? Не старая погудка?

Натанъ.

Немного: два-три дня!.. Кто тамъ?
Послушникъ?

Спроси-ка, чтó ему.

Дая.

Извѣстно — чтó!

(Идетъ къ послушнику и спрашиваетъ его)

Натанъ.

Такъ ты подай! Не жди, пока
попросить. —

(Ахъ, какъ бы мнѣ ловчѣе приступить
къ храмовнику, себя не выдавая!
Вѣдь если я скажу ему, въ чемъ дѣло,
Да ошибусь при томъ въ своей
догадкѣ, —

Тогда отца лишь впутаю напрасно.)
Ну, чтó?

Дая.

Онъ говорить желаетъ съ вами.

Натанъ.

Пусть подойдетъ; а ты, пока, ступай.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Натанъ и Послушникъ.

Натанъ.

(Съ какою бы я радостью остался
Ея отцомъ! — Но кто же и тогда
Мнѣ можетъ помѣшать имъ
называться? —

Да и она сама не перестанетъ
Такъ называть меня, когда узнаетъ,
Какъ пламенно я этого желаю.) —
Чѣмъ вамъ могу служить,
любезный братъ?

Послушникъ.

Немногимъ, господинъ Натанъ,
немногимъ. —
Я радъ, что въ добромъ здравіи васъ
вижу.

Натанъ.

Вы знаете меня?

Послушникъ.

Еще бы! Кто же
Не знаетъ васъ, когда вы столько
рукъ
Отмѣтили печатью именною?
И на моей, хоть много лѣтъ минуло,
До сей поры не стерлось ваше имя.

Натанъ (берясь за кошелекъ).

Давайте жъ, братъ, я подновлю его.

Послушникъ.

О, нѣтъ! благодарю васъ! Это я
Укралъ бы у бѣднѣйшихъ.

Мнѣ не нужно.

А вотъ свое-то имя я хотѣлъ бы
Немножко подновить у васъ. Могу
Безъ похвальбы сказать я, что и мною
Положено вамъ въ руку кое-что,
Достойное вниманія.

Натанъ.

Простите! —
Мнѣ стыдно — что? —
напомните скорѣе! —
Я съ вами семерицей разсчитаюсь.

Послушникъ.

Послушайте сначала, какъ я самъ

Послушникъ.

Не такъ еще давно
Отшельникомъ я жилъ на Кварантанѣ,
Невдалекѣ отъ Іерихона. Вдругъ
Нагрянули разбойники-арабы,
разрушили и келью и часовню
И увели меня съ собою. Къ счастью,

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе шестое.

Сегодня только вспомнилъ
о залогѣ,
Вамъ ввѣренномъ когда-то.

Натанъ.

О залогѣ,
Мнѣ ввѣреномъ?

Мнѣ удалось бѣжать.

Я — къ патриарху,
Просить, чтобъ далъ другой мнѣ
уголокъ,
Гдѣ Господу служить въ уединеніи
Я могъ бы до кончины
безмятежной.

Натанъ.

Я словно, какъ на угольяхъ. Короче!
Какой залогъ? мнѣ вѣреный залогъ?

Послушникъ.

Сейчасъ, сейчасъ! —

Ну, патриархъ меня
Пообѣщалъ устроить на Оаворѣ,
Какъ только тамъ очистится мѣстечко;
А до поры до времени велѣлъ
Въ монастырѣ послушникомъ остаться.
И, вотъ, я здѣсь; но, господинъ

Натанъ,
Лишь тѣломъ — здѣсь: душою — на
Оаворѣ.

Подумать не могу безъ отвращенья
О томъ, что здѣсь приходится мнѣ
дѣлать.

Вотъ, на примѣръ —

Натанъ.

Прошу васъ, покороче!

Послушникъ.

Какъ разъ я подошелъ!

Провѣдалъ нынче
Нашъ патриархъ, что здѣсь живетъ
еврей,

Который христіанскаго ребенка,
Какъ дочь родную, воспиталъ.

Натанъ (пораженный).

Что? что?

Послушникъ.

Дослушайте! —

Провѣдалъ и тотчасъ же
Послалъ меня выслѣживать еврея;
А самъ и рветъ и мечетъ — такъ
разгнѣванъ!

Онъ въ этомъ усмотрѣлъ хулу на
Духа

Святого — грѣхъ, который мы
считаемъ

Изъ всѣхъ грѣховъ тягчайшимъ:

Слава Богу,
Что суть-то хотъ его — для насъ
потемки.

И тутъ во мнѣ заговорила совѣсть;

Блеснула мысль, что вѣдь когда-то
въ этомъ
Ужасномъ, непростительномъ грѣхѣ
И мнѣ пришлось участвовать. —

Скажите:

Осьмнадцать лѣтъ назадъ не
привозилъ ли
Къ вамъ дѣвочку-младенца нѣкій
конюхъ?

Натанъ.

Осьмнадцать лѣтъ? —

Конечно — помню, помню —

Послушникъ.

Вглядитесь же! —

Тотъ конюхъ передъ вами!

Натанъ.

Передо мной?

Послушникъ.

А господинъ, который
Мнѣ дѣвочку вручилъ, — ну, безъ
сомнѣнья,
Былъ господинъ фонъ-Фильнекъ! —
Вольфъ фонъ-Фильнекъ!

Натанъ.

Да, вѣрно!

Послушникъ.

Незадолго до того
Скончалась мать; отецъ же порывался
Уѣхать въ Газу, кажется, — куда
Цыпленка взять не могъ съ собой,
понятно.

Вотъ почему онъ къ вамъ его
отправилъ;
И я догналъ въ Дарунѣ васъ, не
такъ ли?

Натанъ.

Все вѣрно, все!

Послушникъ.

Легко могла бы память
Меня и обмануть. Служилъ я многимъ
Достойнымъ господамъ — всѣхъ не
упомнишь;
У этого жъ весьма недолго пробылъ:

Онъ смерть себѣ нашель подѣ
Аскалономъ, —
А господинъ былъ, все-таки, хорошій.

Натанъ.
О, да! О, да! За многое его,
За многое благодарить я долженъ!
Не разъ я былъ изъ-подъ меча имъ
вырванъ.

Послушникъ.
Хвала ему!
Такъ тѣмъ охотнѣй, значитъ,
Вы приняли къ себѣ его дочурку?

Натанъ.
Легко понять.

Послушникъ.
Ну, гдѣ жъ она, скажите?
Не умерла? Нѣтъ, нѣтъ!
Пускай живетъ!
И, если тайну вы сберечь сумѣли, —
Тревожиться вамъ нечего, надѣюсь.

Натанъ.
Тревожиться?

Послушникъ.
Довѣрьтесь мнѣ, Натанъ!
Я, видите ли, вотъ, какъ разсуждаю:
Когда съ добромъ, которое задумалъ
Я совершить, большое злограничить, —
То лучше мнѣ добра не совершать:
Все злое намъ достаточно извѣстно,
Но доброе — далеко нѣтъ. — Вполнѣ
Естественно, что, разъ вы захотѣли
Дать дѣвчкѣ такое воспитанье,
Какое вамъ казалось наилучшимъ,
То воспитать ее вы постарались,
Какъ дочь свою родную. — И за это,
За всю любовь, за всѣ заботы ваши,
Такое предстоить вамъ воздаянье?
Вотъ, съ чѣмъ я примириться не могу.
Вы сдѣлали умнѣе бы, конечно,
Когда бы воспитанье христіанки
Ея единовѣрцамъ поручили;
Но вѣдь тогда любили бы вы развѣ
Дитя того, кто былъ вамъ вѣрнымъ
другомъ?
А дѣтямъ, въ этомъ возрастѣ, любовь,

Хотя бы звѣря дикаго любовь, —
Нужнѣе христіанства. Христіанству
Пора еще настанетъ. Если въ вашихъ
Глазахъ ребенокъ выросъ и здоровымъ
И нравственнымъ, — то и въ очахъ
Господнихъ,
Чѣмъ былъ, тѣмъ и остался онъ.

И, будто,
Все христіанство не на іудействѣ
Основано? Досадно и обидно,
До слезъ обидно мнѣ, когда я вижу,
Какъ забывать способны христіане,
Что самъ-то вѣдь Господь нашъ былъ
евреемъ.

Натанъ.
Вамъ, добрый братъ, придется быть
моимъ
Заступникомъ, когда и ложь и злоба
За мой поступокъ — ахъ!
за мой поступокъ —
Возстанутъ на меня. — И только вамъ
Да будетъ онъ извѣстенъ!

Но съ собою
Возьмите въ гробъ его! Еще ни разу
Тщеславіе меня не соблазнило
Кому-нибудь повѣдать этотъ случай.
Вамъ одному повѣдаю его.
Одной благочестивой простотѣ
Повѣдаю. Вы, вы одинъ поймете,
Какъ побѣждать себя способенъ тотъ,
Кто Господу чистосердечно преданъ.

Послушникъ.
Что съ вами? Вы растроганы?
въ слезахъ?
Натанъ.

Дитя отъ васъ я получилъ въ Дарунѣ;
А передъ тѣмъ! —

Едва ли вамъ извѣстно,
Что въ Гатѣ христіане перебили
Отъ мала до велика всѣхъ евреевъ;
Едва ли вамъ извѣстно, что при этомъ
Лишился я жены и семерыхъ
Цвѣтушихъ сыновей: у брата въ домѣ
Я спряталъ ихъ — и всѣ они сгорѣли.

Послушникъ.
О Боже правосудный!

Натанъ.

Передъ вашимъ
Прибытіемъ лежалъ я трое сутокъ
Въ золѣ, въ пыли, — лежалъ и плакалъ.

Плакалъ?

Нѣтъ, мало: бѣсновался, проклиналъ,
И Господа хулилъ, и къ христіанству
Въ непримиримой ненависти клялся —

Послушникъ.

Ахъ, вѣрю вамъ!

Натанъ.

Но, наконецъ, ко мнѣ
Разсудокъ постепенно возвратился —
И услышалъ я тихій, кроткій голосъ:
„Вѣдь есть надъ нами Богъ!

Вѣдь въ этомъ только
Исполнилось Его опредѣленіе!
Теперь — на новый путь!

Яви въ дѣлахъ,
Что ужъ давно постигнуто тобою:
Кто хочетъ, для того осуществить
Что-либо — не труднѣе, чѣмъ
постигнуть.

Вставай! Иди!“ —

И, вслѣдъ за тѣмъ, я вижу,
Вы сходите съ коня и мнѣ дитя,
Завернутое въ плащъ, передаете. —
Что я тогда сказалъ, что вы сказали,
Я позабылъ; одно лишь твердо помню, —
Что взялъ дитя, унесъ его въ палатку,
Сталъ цѣловать его, палъ на колѣни
И съ воплемъ произнесъ: о Боже! Боже!
Изъ семерыхъ дѣтей моихъ — одно
Опять со мной!

Послушникъ.

Натанъ! Вы христіанинъ!
Ей Богу же, Натанъ, вы христіанинъ!
Такого христіанина донынѣ
И не было!

Натанъ.

И благо намъ! Въ чемъ я
Кажусь вамъ христіаниномъ, въ томъ
самомъ

Вы мнѣ евреемъ кажетесь! —

Но слишкомъ

Расчувствовались мы.

Насъ дѣло ждетъ!
И пусть я семеричною любовью
Привязанъ къ ней — единственной,
чужой;

Пусть мысль одна убить меня способна,
Что семерыхъ дѣтей своихъ мнѣ снова
Въ ней потерять придется: пусть!

Но если
Вторично Провидѣнье призываетъ
Ее изъ рукъ моихъ — я повинуюсь!

Послушникъ.

А это ужъ вполне по-христіански!
Я то же посовѣтовать вамъ думалъ:
Однако, ваше любящее сердце
Меня предупредило.

Натанъ.

Но, клянусь,
Отнять ее не смѣетъ первый
встрѣчный!

Послушникъ.

Понятно, нѣтъ!

Натанъ.

Кто на нее имѣетъ
Не большія права, чѣмъ я, —
тотъ долженъ
Старѣйшія имѣть, по крайней мѣрѣ —

Послушникъ.

Само собой!

Натанъ.

Какія намъ даетъ
Природа, кровь.

Послушникъ.

И я того же мнѣнья!

Натанъ.

Такъ вотъ и назовите мнѣ скорѣ
Того, кто приходился бы ей братомъ,
Роднымъ, либо двоюроднымъ,

иль дядей, —
Кто, словомъ, былъ бы ей сродни: ее
Удерживать не буду я, — ее,

Которая, и по своей природѣ
И по тому, что, годъ за годомъ,
къ ней
Привито воспитаніемъ, — украсить
Любой очагъ, любую вѣру можетъ.
Надѣюсь, что о вашемъ господинѣ

Вѣдь вы слышали,
Что у него недолго я служилъ.

Натанъ.

Такъ не извѣстно ль вамъ,
по крайней мѣрѣ,

Дѣйствіе четвертое. — Явленіе седьмое.

И объ его роднѣ гораздо больше
Вы знаете, чѣмъ я.

Послушникъ.

Нѣтъ, не надѣйтесь,
Достойнѣйшій Натанъ! —

Чего-нибудь о матери? Она
Не Штауфенъ рожденная?

Послушникъ.

Возможно! —
Весьма возможно, да.

Натанъ.

А ей Конрадъ
Фонъ-Штауфенъ, храмовникъ, —
не былъ братомъ?

Послушникъ.

Пожалуй, что и такъ.

Постойте! Вспомнилъ.
Мнѣ книжка отъ покойника досталась:
Какъ стали хоронить — я и увидѣлъ
За пазухой...

Натанъ.

Какая жъ это книжка?

Послушникъ.

Съ молитвами.

По-нашему, служебникъ.
Еще подумалъ я: вотъ, пригодится
Кому-нибудь изъ добрыхъ христіанъ.
А мнѣ на что! Я грамотѣ не знаю.

Натанъ.

Что за бѣда! — Ну? ну?

Послушникъ.

Ну, въ этой книжкѣ
Въ началѣ и въ концѣ, —
мнѣ говорили, —
Покойникомъ записаны родные:
Собственноручно всѣ записаны — его
И женины.

Натанъ.

Да это все, что нужно!
Идите же! бѣгите же за нею!
Скорѣй! Я на вѣсъ золота готовъ
Купить ее; и тысячу, въ добавокъ,
Скажу вамъ благодарностей. Бѣгите!

Послушникъ.

Съ охотою! Но въ ней вѣдь по-арабски
Написано.

(Уходитъ)

Натанъ.

Пускай! Мнѣ книжку только! —
О Боже! Если бъ могъ еще оставить
Я у себя ее и этимъ зятя
Приобрѣсти такого! — Нѣтъ, едва ли!

Ну, подождемъ — увидимъ:

будь, что будетъ! —
А кто донесъ объ этомъ патріарху?
Не позабыть узнать. — Что, если Дая?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Дая и Натанъ.

Дая (поспѣшно и растерянно).

Натанъ, вообразите!

Натанъ.

Что?

Дая.

Ужасно

Перепугалось бѣдное дитя!
Прислали...

Натанъ.

Патріархъ?

Дая.

Сестра султана,

Принцесса Зитта...

Натанъ.

А не патріархъ?

Дая.

Нѣтъ, Зитта! — Слышите? —

Принцесса Зитта
Зоветъ ее: чтобъ шла сейчасъ же къ
ней.

Натанъ.

Чтобъ Рѣха шла сейчасъ же? —

Рѣха къ Зиттѣ? —

Ну, если къ Зиттѣ, а не къ патріарху...

Дая.

Да что онъ дался вамъ?

Натанъ.

Къ тебѣ о немъ

Не доходили вѣсти? Нѣтъ? Навѣрно?
И ты къ нему не подѣзжала?

Дая.

Я?

Къ нему? Зачѣмъ!

Натанъ.

А посланные гдѣ?

Дая.

Въ сѣняхъ.

Натанъ.

Изъ осторожности я долженъ
Спросить ихъ самъ. Иди за мною! —

Только бѣ
За этимъ не скрывался патриархъ!
(Уходитъ)

Дая.

А я совсѣмъ другого опасаюсь.
Что жъ, развѣ мусульманину не пара
Единственная дочь — хотя бы дочь

И мнимая — богатаго еврея?
Готова обѣ закладъ, что угадала! —
Тогда храмовникъ съ ней простись.

Простись

Навѣрно, если я второго шага
Не сдѣлаю — ей также не открою
Ея происхожденіе. Смѣлѣе!
Воспользоваться надо непременно
Мнѣ первой же минутой, когда
Мы съ ней вдвоемъ останемся:

быть-можетъ,

Сейчасъ, какъ провожать ее

отправлюсь.

Намекъ одинъ дорогой, для начала,
Не повредить, надѣюсь. Рѣшено!
Теперь или никогда! Смѣлѣе, Дая!

(Уходитъ за нимъ)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет комнату во дворцѣ Саладина, куда принесены мѣшки съ деньгами; они на прежнихъ мѣстахъ.

Саладинъ, потомъ мамелюки.

Саладинъ (входя),

Лежатъ еще! И дервиша не можетъ Никто найти. Застрялъ, всего вѣрнѣе, За шахматной доской и самого Себя забылъ:

такъ почему бы помнилъ Онъ обо мнѣ? — Потерпимъ! —
Что такое?

Первый мамелюкъ.

Желанное извѣстіе, султанъ!
Желанное и радостное! Прибыль
Къ намъ изъ Каира караванъ:
вѣ Египтѣ
Благополучно все! Богатый Ниль
Съ тобою за семь лѣтъ въ расчетѣ.

Саладинъ.

Славно!
Ты, Ибрагимъ, вполнѣ желанный
вѣстникъ! —
Вотъ, наконецъ! Вотъ, вотъ! —
Благодарю
За доброе извѣстіе.

Первый мамелюкъ (ожидая).

(А дальше?)

Саладинъ.

Что жъ ты стоишь? — Ступай.

Первый мамелюкъ.

Желанный вѣстникъ
Съ тѣмъ и уйдетъ?

Саладинъ.

Чего жъ тебѣ еще?

Первый мамелюкъ.

За доброе извѣстіе не будетъ
Заплачено добромъ?

Саладинъ.

Возьми мѣшокъ.

Первый мамелюкъ.

Теперь ужъ нѣтъ — хогъ всѣ давай!

Саладинъ.

Упрямство! —
Ну, два бери. — Уходить?
Въ самомъ дѣлѣ?
Со мной въ великодушіе играетъ? —
Ему-то вѣдь труднѣе отказаться,
Чѣмъ мнѣ отдать. —

Эй, Ибрагимъ! послушай! —
И что мнѣ это вздумалось себя
Перерождать въ преддверіи могилы? —
Иль Саладинъ не хочетъ умереть,
Какъ Саладинъ? —

Не нужно было вовсе
И жить ему тогда, какъ Саладину.

Второй мамелюкъ.

Султанъ! Сейчасъ...

Саладинъ.

Ну, если ты явился
Съ извѣстіемъ...

Второй мамелюкъ.

Сейчасъ пришли верблюды
Къ намъ съ кладью изъ Египта...

Саладинъ.
Я ужъ знаю.

Второй мамелюкъ.

Я опоздалъ, выходить?

Саладинъ.

Почему же!
За доброе намѣренье возьми
Мѣшокъ иль два.

Второй мамелюкъ.

Пускай ужъ три!

Саладинъ.
И на три
Согласенъ я, коль въ счетѣ не
собьешься.

Второй мамелюкъ.

Прійдетъ еще и третій, если только
Трѣйти онъ въ силахъ.

Саладинъ.

Какъ?

Второй мамелюкъ.

Да такъ!
Боюсь я, что сломалъ себѣ онъ шею!
Едва лишь мы про караванъ узнали —
Всѣ трое вскачъ. Передній-то свалился.
Я — впереди, и проскакалъ переднимъ
До города; но тутъ ужъ мнѣ тягаться
Съ пройдохой-Ибрагимомъ стало

трудно:
Онъ въ городѣ всѣ закоулки знаетъ.

Саладинъ.

А тотъ-то? Другъ! Свалившійся?
Что съ нимъ?
Скачи скорѣй! Скачи навстрѣчу!

Второй мамелюкъ.

Мигомъ!
И, если живъ, — награду пополамъ!
(Уходить)

Саладинъ.

Вотъ добрый-то, вотъ честный малый,
право! —

Кто можетъ мамелюками такими
Похвастаться? — И я сказать не смѣю,
Что мой примѣръ подѣйствовалъ на
нихъ?

И я теперь показывать имъ долженъ
Другой примѣръ? —

Прочь эту мысль...

Третій мамелюкъ.

Султанъ...

Саладинъ.

Ты, что ль, свалился?

Третій мамелюкъ.

Нѣтъ. Къ тебѣ я только
Съ докладомъ, что начальникъ
каравана,
Эмиръ Мансоръ, ужъ съ лошади
слѣзаетъ.

Саладинъ.

Веди! Скорѣй! Да вотъ и онъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Эмиръ Мансоръ и Саладинъ.

Саладинъ.

Добро
Пожаловать, эмиръ. Ну, какъ дѣла?
Мансоръ, Мансоръ!

Ты насъ таки заставилъ
Прождать себя!

Мансоръ.

Изъ этого письма
Увидишь ты, что было въ Оивайдѣ:
Пока Абулкасsemъ тамъ расправлялся,
Не смѣли мы и тронуться. Потомъ
Я гналъ, какъ только можно было.

Саладинъ.

Вѣрю! —
Бери теперь, мой дорогой, —
бери ты...
Охотно это сдѣлаешь?.. Бери

Ты свѣжее прикрытіе сейчасъ же —
И дальше, на Ливанъ. Необходимо
Часть бѣольшую свезти отцу.

Мансоръ.

Еще бы!

Охотно!

Саладинъ.

Но прикрытіе чтобъ было

Эй вы! Скажите
Сестрѣ, что я сейчасъ къ ней буду
Живо!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена представляетъ пальмы передъ домомъ
Натана, гдѣ Храмовникъ ходитъ взадъ и
впередъ.

Нѣтъ, въ домъ я не хочу.

Дѣйствіе пятое.—Явленіе второе.

Не слабое! Тамъ, около Ливана,
Не очень-то спокойно. Ты не слышалъ?
Храмовники опять зашевелились.
Смотри, будь остороженъ!

Выйдемъ вмѣстѣ.

Гдѣ караванъ? Я на него взгляну
И самъ распоряжусь. —

Не все же будетъ
Онъ тамъ сидѣть! —

Давно ли здѣсь меня
Такъ скоро, такъ радушно примѣчали?
Дождусь еще, пожалуй, что попросятъ
Не подходить и къ дому близко. —

Гмъ! —

И я-товѣдь, однако, не изъ добрыхъ. —
За что я на него такъ обозлился?
„Я вамъ не отказалъ“ — его слова!
И Саладинъ, къ тому же, обѣщаетъ
Его уговорить. — Да неужели
Я больше нетерпимостью проникнуть,
Чѣмъ онъ? — Увы!

Познать себя такъ трудно! —
Иначе я и зариться, конечно,
Не сталъ бы на ничтожную добычу,
Которую ему пріятно было
Отбить у христіанъ. — Но вѣдь такое
Созданье — не ничтожная добыча! —
Созданье! Чье? —

Ужъ не раба, надѣюсь, —
Раба, что на пустынный берегъ моря
Житейскаго обломкъ камня бросилъ
И убѣждалъ оттуда? Не скорѣе ль
Художника, что въ брошенномъ
обломкѣ

Божественнаго образа черты
Провидѣлъ и рѣзцомъ увѣковѣчилъ?
Нѣтъ, истиннымъ отцомъ ея до гроба
Останется еврей — хотя бы жизнь
Ей далъ и христіанинъ. —

Если бъ видѣлъ
Я въ ней лишь христіанскую дѣвчонку,
Не болѣе, — безо всего того,
Чѣмъ щедро надѣлать ее могъ только
Такой еврей, — скажи мнѣ, сердце:

Сильнѣе ты забилося бы? — Нимало!
Чуть-чуть! — И отъ ея улыбки даже
Сильнѣе не забилося бы, когда бъ
Улыбка та была не чѣмъ инымъ,
Какъ нѣжныхъ мышцъ красивымъ
содроганьемъ;

Когда бъ ея чарующая прелесть
Скрывала за собою пустоту
Ума и сердца: да, и отъ улыбки! —
Улыбки я знавалъ куда красивѣй;
Но что ихъ вызывало? Балагурство!
Безсмысленныя шутки и остроты!
Слащавыя любезности! — И будто
Онѣ меня плѣняли? Будто я
Испытывалъ желаніе согрѣться
Въ ихъ пламенныхъ лучахъ? —

Не помню что-то.
И, все же, обозленъ я на того,

Кто придалъ ей достоинства такія?
Какъ такъ? За что? —

Недаромъ Саладинъ
Съ насмѣшкой отпустилъ меня:

должно-быть,
Я заслужилъ ее! И то ужъ скверно,
Что обо мнѣ онъ могъ подумать это. —
Какимъ же и ничтожнымъ и

презрѣннымъ
Ему я показался, вѣроятно! —
И все-то изъ-за дѣвушки? —

Курдъ! Курдъ!
Далѣко ты забрелъ! Вернись! —

Вѣдь Дая,
Пожалуй, зря все это наболтала.
Ну, вотъ онъ, наконецъ! —

О чемъ-то важномъ
Бесѣдуетъ. — Но съ кѣмъ же это? —
Съ нимъ?

Съ послушникомъ? —
Такъ все ему извѣстно?
Такъ онъ въ рукахъ у патріарха? —
А! —

Безумецъ! Что надѣлалъ я! —
Вотъ такъ-то
Воспламенить нашъ мозгъ способна
искра
Сердечнаго пожара! — Что жъ, рѣшай!
Рѣшай скорѣй, какъ дальше быть! —
Вонъ тамъ
Я подожду, пока уйдетъ послушникъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Натанъ и Послушникъ.

Натанъ (проводя его).

Еще разъ, добрый братъ, благодарю
васъ
Отъ всей души!

Послушникъ.

И я! И я васъ также!

Натанъ.

И вы? меня? За что?
Не за упорство ль,

Съ какимъ я вамъ всучалъ, что мнѣ
не нужно?

Вотъ, если бъ я своимъ осилилъ ваше
И если бъ вы, во что бы то ни стало,
Не захотѣли быть меня богаче!

Послушникъ.

Вѣдь книжка не моя, ужъ какъ хотите;
И чья же, какъ не дочери? Иного
Наслѣдства ей отецъ вѣдь не оставилъ.
Ну, Богъ послалъ ей васъ; пусть такъ.

Да только
Вамъ не пришлось бы каяться, Натанъ,
Что для нея вы сдѣлали такъ много!

Натанъ.

Мнѣ каяться? О, никогда! Не бойтесь.

Послушникъ.

Легко сказать!

Тутъ — патріархи, тамъ —
Храмовники...

Натанъ.

Ужъ столько зла не могутъ
Они мнѣ причинить, чтобъ въ чемъ-
нибудь

Мнѣ каяться пришлось —
не только въ этомъ.
Такъ вы убѣждены, что патріарха
Храмовникъ направляетъ?

Послушникъ.

Да другому
И некому. Храмовникъ передъ этимъ
Съ нимъ говорилъ; и кое-что я слышалъ
Похожее на то.

Натанъ.

Но вѣдь храмовникъ
У насъ одинъ. И этого я знаю.
Мы съ нимъ друзья большіе.
Благородный,
Чистосердечный юноша!

Послушникъ.

Вотъ, вотъ!
Онъ самый! — Ахъ!
Всегда ли мы бываемъ,
Чѣмъ быть должны?

Натанъ.

Къ несчастью, не всегда.
Ну, кто бы это ни былъ, пусть
проявитъ
Все злое иль все доброе свое!
Разъ у меня въ рукахъ вотъ эта
книжка —
Мнѣ все равно: съ ней — прямо я къ
султану.

Послушникъ.

Желаю счастья вамъ! А мнѣ пора.

Натанъ.

Вы на нее и не взглянули даже!
Скорѣй же приходите, и почаще. —
Лишь нынче не узналъ бы
патріархъ! —

А, впрочемъ, что жъ! —
Скажите, что угодно, —
Хоть нынче же!

Послушникъ.

Не я скажу. Прощайте!
(Уходитъ)

Натанъ.

Такъ мы васъ ждемъ:
не забывайте насъ! —
О Боже! Отчего я не могу
Сейчасъ и здѣсь —
здѣсь, подъ открытымъ небомъ,
Колѣни преклонить! Мнѣ этотъ узелъ
Покоя не давалъ — и, вотъ, готовъ
Онъ самъ собой распутаться! —
О Боже!

Какъ облегчить меня теперь сознанье,
Что нечего утаивать мнѣ больше!
Что сердцемъ чистъ я предъ людьми
не меньше,

Чѣмъ предъ Тобой:
людей по ихъ дѣяньямъ,
О Боже, Ты Одинъ не судишь, —
зная,

Какъ мало въ ихъ дѣяньяхъ —
ихъ дѣяній!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Натанъ и Храмовникъ, который подходитъ къ нему со стороны.

Храмовникъ.

Натанъ! Натанъ! Постойте-ка!

Возьмите

Меня съ собой.

Натанъ.

Кто тамъ? — А, рыцарь! Вы?
Да гдѣ жъ вы это были, что
не встрѣтилъ
Я у султана васъ.

Храмовникъ.

Мы разошлись;
Ужъ не браните!

Натанъ.

Я бранить не буду.
А вотъ, какъ Саладинъ...

Храмовникъ.

Я вслѣдъ за вами.

Натанъ.

Такъ вы съ нимъ говорили? —
Ну, прекрасно.

Храмовникъ.

Но онъ обоихъ насъ желаетъ видѣть.

Натанъ.

Тѣмъ лучше.

Такъ идемте же скорѣе.
И безъ того я шелъ къ нему.

Храмовникъ.

Позвольте

Спросить, Натанъ:

кто съ вами былъ сейчасъ?

Натанъ.

А вы его не знаете?

Храмовникъ.

Не тотъ ли
Добрякъ-послушникъ, что у патріарха
Въ ищейкахъ служить?

Натанъ.

Можетъ-быть. Онъ служитъ
У патріарха, да.

Храмовникъ

Хитеръ владыка:

Нѣтъ лучшаго прикрытія для плутней,
Какъ простота.

Натанъ.

Да, глупая — пожалуй;
Но набожная — нѣтъ.

Храмовникъ.

Ну, патріархи
О набожной не думаютъ.

Натанъ.

Что этотъ
Не изъ такихъ — ручаюсь. Патріарху
Въ дурныхъ дѣлахъ онъ помогать не
станетъ.

Храмовникъ.

А поглядѣть — какъ будто
помогаетъ.
Онъ про меня, Натанъ, вамъ ничего
Не говорилъ?

Натанъ.

Про васъ? Нѣтъ, рыцарь, лично
Про васъ не говорилъ онъ ничего.
Едва ли онъ и ваше имя знаетъ.

Храмовникъ.

Не думаю, чтобъ зналъ.

Натанъ.

Про одного
Храмовника онъ говорилъ мнѣ,
правда...

Храмовникъ.

Что говорилъ?

Натанъ.

Чего про васъ подумать
Ужъ никогда не можетъ онъ!

Храмовникъ.

Кто знаетъ!
Такъ что же? Что? Скажите!

Натанъ.

Что какой-то
Храмовникъ патріарху на меня
Донесъ...

Храмовникъ.

Донесъ? На васъ? — Ну, воля ваша,
Онъ вамъ солгалъ. —

Послушайте, Натанъ! —
Я не таковъ, чтобъ отъ чего-нибудь
Когда-нибудь способенъ былъ

отречься.
Что сдѣлано — то сдѣлано. Однако,
И не таковъ, чтобъ все въ себѣ

старался
Оправдывать. Ну, сдѣлалъ я ошибку:
Къ чему же мнѣ ея стыдиться? Развѣ
Я не готовъ — во что бы то на стало,
Какъ можно поскорѣй — ее поправить?
И развѣ я не знаю, сколько силъ
Въ готовности такой мы почерпаемъ?
Послушайте, Натанъ! —

Кто жъ, какъ не я,
Храмовникъ тотъ, что, будто, патріарху
На васъ донесъ!

Чѣмъ былъ я возмущенъ
И отъ чего вся кровь во мнѣ

вскипѣла —
Вы знаете. Глупецъ! Глупецъ!

Пришелъ я,
Чтобъ броситься и тѣломъ и душою
Въ объятья къ вамъ! —

Какъ холодно — нѣтъ, хуже! —
Какъ равнодушно былъ я встрѣченъ
вами;

Какъ видимо отдѣлаться спѣшили
Вы отъ меня; какія измышляли
Вопросы, чтобъ уклончиво отвѣтить:
Объ этомъ и теперь спокойно думать
Я не могу. — Послушайте, Натанъ! —
Чуть вы ушли, ко мнѣ подкралась

Дая.
Я не владѣлъ собой — и то, что мнѣ
Пришлось узнать, я принялъ за
разгадку
Загадочной уклончивости вашей.

Натанъ.

Какъ такъ?

Храмовникъ.

Сейчасъ! — Представилось мнѣ, будто
Вамъ жалко христіанину отдать
У христіанъ же взятое когда-то;
И разсудилъ за благо я не медля
Вамъ къ горлу ножъ приставить.

Натанъ.

Разсудили?
За благо разсудили? Я не вижу,
Въ чемъ благо здѣсь.

Храмовникъ.

Послушайте, Натанъ! —
Я поступилъ неправильно, нѣтъ
спора. —
Вы тутъ невиноваты. — Эта дура
Болтаетъ наобумъ — васъ ненавидитъ
Запутать васъ въ дурное дѣло
хочетъ —

Все можетъ быть!

Все можетъ быть, согласенъ! —
Мальчишка я, мечтатель
сумасбродный! —
И это можетъ быть. Натанъ, простите.

Натанъ.

Ну, если такъ, тогда —
тогда, конечно —

Храмовникъ.

Пошелъ я къ патріарху! Да, пошелъ!
Но васъ не называлъ ему, неправда!
Я вообще съ нимъ говорилъ, чтобъ
только
Узнать, какъ смотреть онъ на эти
вещи.

И незачѣмъ ходить мнѣ было даже!
Что патріархъ нашъ — плутъ, —
не зналъ я, будто?

Не проще ль было съ вами
объясниться

Начистоту? — Подумать даже страшно,
Что дѣвушку легко я могъ такого
Отца лишить! — Что жъ вышло?
Что неожиданно

Спасло всѣхъ насъ? —

Лукавство патріарха!
Лукавство, безъ котораго онъ шагу
Не сдѣлаетъ, — оно-то и глаза
Открыло мнѣ. — Послушайте, Натанъ!
Послушайте внимательно! —

Допустимъ,

Изъ вашего лишь дома:

такъ не лучше ль
Мнѣ взять ее? Отдайте — и конецъ!
Пусть явится тогда. Пусть у меня
Отнять жену попробуетъ. Отдайте,
Отдайте поскорѣй! — Чья дочь
она

Дѣйствіе пятое. — Явленіе пятое.

Что ваше имя знаетъ онъ:

что жъ дальше?

Что жъ дальше-то? —

Вѣдь дѣвушку онъ въ правѣ
У васъ отнять, пока она у васъ;
Упрятать въ монастырь ее онъ въ
правѣ

И кто она такая — христіанка,
Еврейка иль язычница — нѣтъ

нужды!

Нѣтъ нужды мнѣ!

Пока я живъ, повѣрьте,
Я не спрошу объ этомъ.

Будь, что́ будетъ!

Вы думаете, кажется, что правду
Открыть я опасюсь?

Храмовникъ.

Будь, что будетъ!

Натанъ.

Я ни отъ васъ, ни отъ кого другого
И не таиль, что Рѣха — христіанка;
Что я лишь воспиталъ ее, не больше.—
А что она сама не знаетъ правды,
Такъ въ этомъ мнѣ оправдываться
нужно
Лишь передъ ней.

Храмовникъ.

И передъ ней не нужно.—
Не нужно, чтобъ она на васъ глядѣла
Иначе, чѣмъ глядѣла до сихъ поръ!
И этой правды ей не нужно вовсе!—
Вся власть надъ ней у васъ еще въ
рукахъ.

Отдайте жъ мнѣ ее!

Натанъ, прошу васъ,
Отдайте! Я, одинъ лишь я могу
Спасти ее вторично — и желаю.

Натанъ.

Могли бы! Да, могли бы! Но теперь
Не можете.

Теперь ужъ слишкомъ поздно.

Храмовникъ.

Какъ: поздно? почему?

Натанъ.

Того же патріарха... Благодарите

Храмовникъ.

Патріарха?

Благодарить? За что?

Что могъ онъ сдѣлать?
За что благодарить его?

Натанъ.

За то,
Что намъ теперь ея родня извѣстна;

Что знаемъ мы теперь, въ чьи руки
можемъ
Ее отдать спокойно.

Храмовникъ.

Ну, за это
Пускай благодарить его ужъ тотъ,
Кому благодарить его прійдется
За что-нибудь еще.

Натанъ.

Изъ этихъ рукъ
Ее и добывать должны вы, рыцарь.

Храмовникъ.

Ахъ, бѣдная! Ахъ, бѣдная моя!
Чего не натерпѣлась ты!

Что — счастье
Для всѣхъ сиротъ, то для тебя —
несчастье! —
Но гдѣ жъ они, родные эти?

Натанъ.

Гдѣ?

Храмовникъ.

И кто они?

Натанъ.

Изъ нихъ ближайшій — братъ;
Онъ налицо: къ нему и обратитесь.

Храмовникъ.

Братъ на лицо? Кто жъ этотъ братъ?
Военный
Духовный? — Да скажите же...

Натанъ.

Ни тотъ,
Пожалуй, ни другой — иль оба вмѣстѣ.
Я самъ еще доподлинно не знаю.

Храмовникъ.

А челоѡѡкѡ? Какоѡ онѡ челоѡѡкѡ?

Натанъ.

Хорошій человекъ! И Рэхъ будетъ
Недурно у него.

Храмовникъ

Но христiанины! —
Я иногда не понимаю васъ,
Совсѣмъ не понимаю: не примите
Въ худую это сторону, Натанъ! —
Вѣдь между христiанъ ей поневолѣ
Разыгрывать придется христiанку:
Не станетъ ли въ концѣ концовъ

такою жъ
Она сама? Въ концѣ концовъ пшеницу,
Въ ея душѣ посѣянную вами,
Не заглушатъ ли плевелы? — И это
Такъ мало васъ тревожитъ? —

И отъ васъ —
Отъ васъ, Натанъ! —
я слышу, что у брата
Недурно будетъ ей?

Натанъ.

Я полагаю!

Надѣюсь я! —

А если бъ ей нуждаться
Въ чемъ довелось — на чтó же мы-то
съ вами?

Храмовникъ.

О, въ чемъ она нуждаться можетъ?
Въ чемъ?

Понятно, ужъ не въ пищѣ,
не въ одеждѣ,
Не въ лакомствахъ и не въ уборахъ!
Братецъ

На это скупъ не будетъ для сестрицы.
А чтó жъ еще сестрицѣ надо? —

Мужа? —
Придетъ пора — и мужа братецъ
сыщеть,

Какъ водится; и будетъ мужемъ этимъ
Примѣрный христiанинъ. —

Ахъ, Натанъ!
Не истинный ли ангелъ вами

созданъ —
И какъ его теперь испортятъ люди!

Натанъ.

И, все-же, онъ моей любви и вашей
Достоинъ будетъ.

Храмовникъ.

Нѣтъ, не говорите!

Нѣтъ, о моей любви не говорите!
Моя-то не поступится ничѣмъ —
Ничѣмъ, Натанъ!

Бездѣлицей хотя бы!
Хотя бы только именемъ! — Поймите!
А если ужъ она подозрѣваетъ,
Чтó ей грозитъ?

Натанъ.

Возможно. Но откуда?

Не знаю.

Храмовникъ.

Да и я не знаю тоже.
Но эту вѣсть она должна услышать
Отъ перваго меня. Рѣшилъ я съ нею
Не говорить, не видѣться — пока
Не получу отъ васъ на это права:
Рѣшилъ — и отмѣняю, и бѣгу...

Натанъ.

Куда же?

Храмовникъ.

Къ ней! Хочу я убѣдиться,
Достаточно ли мужественна эта
Младенчески-невинная душа,
Чтобъ сдѣлать шагъ, вполне ея
достойный!

Натанъ.

Какой?

Храмовникъ.

Такой: не спрашивать о васъ,
О братѣ...

Натанъ.

Ну?

Храмовникъ.

И слѣдовать за мною,
Хотя бы ей пришлось при этомъ
стать
Женою мусульманина.

Натанъ.

Поймите!

Она не здѣсь, а во дворцѣ: за нею
Сестра султана Зитта присылала.

Храмовникъ.

Давно? Зачѣмъ?

Натанъ.

А если вы хотите
И брата увидетьъ — идемте вмѣстѣ.

Храмовникъ.

Чьего же брата? Зитты или Рэхи?

Натанъ.

Пожалуй, и обоихъ. Лишь идемте!
Прошу васъ убѣдительно, идемте!
(Уводитъ его)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Сцена представляетъ комнату въ гаремѣ
Зитты.

Зитта и Рэха, занятые бесѣдой.

Зитта.

Ахъ, милая ты дѣвочка! Ужъ такъ-то,
Такъ рада я тебѣ! —

Что жъ ты притихла?
Не будь такой печальной, боязливой,
Застѣнчивой! — Бодрѣй! Смѣлѣй!

Рэха.

Принцесса!

Зитта.

Что за принцесса! Нѣтъ!

Ты просто Зиттой
Зови меня — подругою, сестрою.
Зови меня ты мамой! Вѣдь почти
Могла бы я быть матерью твоею. —
Такъ молода! умна! скромна! Чего
Не знаешь ты! Чего не прочитала!

Рэха.

Кто это? я? Грѣшно смѣяться, Зитта,
Надъ маленькой и глупенькой
сестренкой!

Едва читаю я.

Зитта.

Едва читаешь?
Притворщица!

Рэха.

Еще отца-то руку,

Пожалуй, кое-какъ я разберу.
Я думала, ты говоришь про книги.

Зитта.

Про книги, да.

Рэха.

Ну, съ книгами ужъ вовсе
Не сладить мнѣ.

Зитта.

Дитя! Да ты не шутишь?

Рэха.

Нисколько не шучу. Отецъ находить,
Что книжная премудрость сушить
мозгъ,
И онъ ее не очень любить.

Зитта.

Что ты? —
А это вѣдь похоже и на правду. —
Такъ, стало-быть, что знаешь ты...

Рэха.

То знаю
Лишь отъ него.

Могла бъ я долго, долго
Разсказывать тебѣ и какъ, и гдѣ,
И почему — про то иль про другое —
Мнѣ довелось узнать.

Зитта.

Да, такъ прочнѣе:
Такъ вся душа воспринимаетъ сразу.

Рэха.

Сдается мнѣ, что съ книгами и
Зитта
Не очень-то знакома — или даже
Совсѣмъ не знаетъ ихъ!

Зитта.

Какъ такъ? — Напротивъ!
Я только не кичусь. — Но почему
Ты думаешь? Скажи мнѣ, почему?

Рэха.

Да потому, что Зитта такъ правдива,
Естественна; въ ней все свое...

Зитта. Такъ что же?
 Рэха.
 А этого, обыкновенно, книги
 Лишаютъ насъ: такъ говоритъ отецъ.
 Зитта.
 О, что за человѣкъ — отецъ твой,
 Рэха!
 Рэха.
 Неправда ли?
 Зитта.
 Ужъ вотъ, кто мѣтко судить!
 Рэха.
 Неправда ли? — И этого отца —
 Зитта.
 Ну? — Что съ тобой? —
 Голубка, что случилось?
 Рэха.
 И этого отца —
 Зитта.
 Ты плачешь? Боже!
 Рэха.
 И этого отца...
 Нѣтъ, я не въ силахъ!
 Для сердца нуженъ воздухъ, воздухъ...
 (Рыдая падаетъ къ ея ногамъ)
 Зитта.
 Рэха!
 Дитя мое! Скажи мнѣ, что такое?
 Рэха.
 И этого отца должна — должна
 Я потерять.
 Зитта.
 Ты? Потерять? Его?
 Какъ такъ? — Да успокойся! —
 Быть не можетъ! —
 Довольно! Встань!

Рэха.
 Недаромъ же моею
 Подругой и сестрой ты назвалась!
 Зитта.
 Да, я сестра тебѣ! Подруга! —
 Встань,
 Встань только!
 А иначе мнѣ придется
 На помощь кликнуть.
 Рэха (встаетъ, ободренная).
 Ахъ! Прости! прости! —
 Отъ горя я совсѣмъ забыла, кто ты.
 На Зитту ни отчаянье ни слезы
 Не дѣйствуютъ. Она внимаетъ только
 Холодному, спокойному разсудку —
 И, за кого ходатайствовать будетъ
 Разсудокъ передъ ней, тотъ побѣдитъ!
 Зитта.
 Ну, что же? что же?
 Рэха.
 Нѣтъ! Моя подруга,
 Моя сестра, я знаю, не допуститъ!
 Нѣтъ, Зитта не допуститъ никогда,
 Чтобъ мнѣ отца другого навязали!
 Зитта.
 Кто жъ можетъ навязать?
 И кто желаетъ?
 Рэха.
 Кто? Добрая моя и злая Дая —
 И можетъ и желаетъ. —
 Ахъ, не знаешь
 Ты этой злой и доброй Даи? — Боже,
 Прости и награди ее! — О, сколько
 Она добра мнѣ сдѣлала и зла!
 Зитта.
 Какъ? даже зла?
 Такъ въ ней добра немного.
 Рэха.
 Нѣтъ, все-таки!
 Нѣтъ, много — очень много!

Зитта.

Да кто же эта Дая?

Рэха.

Христіанка.

Она меня и вырастила; да —

И какъ еще заботливо! —

Не вѣришь? —

Какъ мать почти — да, да! —

Воздай ей, Боже! —

Но какъ, при томъ, она меня

стращала!

Какъ мучила!

Зитта.

И мучила? За что же?

Рэха.

Да вѣдь она, бѣдняжка, христіанка —

И ей любовь повелѣваетъ мучить.

Мечтательницы есть такія, знаешь:

Онѣ воображаютъ, будто къ Богу

Лишь имъ однимъ извѣстенъ вѣрный
путь —

И нѣтъ пути другого.

Зитта.

Понимаю!

Рэха

А всякаго, кто съ этого пути

Сбивается, онѣ считают долгомъ

Направить на него. Едва ли, впрочемъ,

Возможно имъ иначе поступать.

Ужъ если вѣрный путь, и въ самомъ
дѣлѣ,

Одинъ у насъ, то кто жъ рѣшится
друга

Оставить на пути, ведущемъ къ
вѣчной

Погибели — завѣдомо ведущемъ?

Вѣдь это все равно, что человѣка

Любить — и ненавидѣть въ то же

время. —

И не на то я жалуюсь такъ громко.

Пускай она вздыхаетъ, негодуетъ;

Пускай меня преслѣдуетъ мольбами,

Угрозами: пускай! Всегда надъ этимъ

Полезно призадуматься, всегда.

Да и кому изъ насъ не льститъ

сознанье,

Что есть душа на свѣтѣ, для которой

Спасенья нѣтъ безъ нашего спасенья:

Такъ дороги мы ей!

Зитта.

Да, правда! Правда!

Рэха.

Но черезчуръ, ужъ черезчуръ далеко

Заходитъ это все! И чѣмъ теперь

Бороться мнѣ? Терпѣньемъ?

размышленьемъ?

Пыталась я — и тщетно.

Зитта.

Въ чемъ же дѣло?

Рэха.

Бороться съ тѣмъ, что мнѣ она

открыла —

Вотъ только-что открыла мнѣ!

Зитта.

Открыла?

И только-что?

Рэха.

Да, только-что! — Я съ нею
Иду сюда.

Вдругъ — христіанскій храмъ

Въ развалинахъ. Она остановилась —

Какъ будто въ нерѣшимости. Стоитъ;

То на меня, то на небо посмотреть,

А у самой въ глазахъ, я вижу,

слезы. —

„Пройдемъ черезъ развалины:

здѣсь ближе!“ —

Мнѣ говорить. Пошли.

Такъ страшно, жутко!

Опять остановились на осѣвшихъ

Ступенькахъ алтаря.

И тутъ — ахъ, Зитта! —

И тутъ она, въ слезахъ, ломая руки,

Передо мной упала на колѣни.

Ты слышишь, Зитта?

Зитта.

Доброе дитя!

Дѣйствіе пятое. — Явленіе шестое

Рэха.

И именемъ Того, Кто въ этомъ храмѣ
Людскихъ молитвъ такъ много

И людямъ же явилъ чудесъ такъ
много,—

Просила, заклинала — и такое
Въ ея глазахъ свѣтилось состраданье! —
Чтобъ самое себя я пожалѣла;
Простила бы ее, по крайней мѣрѣ,
Когда она откроетъ мнѣ, какими
Правами на меня владѣетъ церковь.

Зитта.

(Несчастливая! — Предчувствовала я!)

Рэха.

Я, будто, христіанка по рожденью;
И крещена; и я не дочь Натана;
И онъ мнѣ не отецъ. —

О Боже! Боже!
Онъ не отецъ мнѣ! — Зитта! Зитта!
У ногъ твоихъ опять...

Зитта.

Нѣтъ, Рэха! Встань! —
Мой братъ идетъ сюда!
Вставай скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Саладинъ.

Саладинъ.

Что здѣсь у васъ?

Зитта.

Ахъ, Саладинъ!

Саладинъ.

Кто это?

Зитта.

Ты знаешь...

Саладинъ.

А! дочь нашего Натана!

Что съ ней...

Зитта.

Дитя, прійди въ себя! — Султанъ...

Рэха

(не поднимая головы, переползаетъ на колѣняхъ
къ Саладину).

Не встану я! Не встану!

Я не въ силахъ
Взглянуть въ лицо тому, чья
справедливость,
Чья доброта въ чертахъ, во взглядѣ...

Саладинъ.

Встань...

Встань, милая!

Рэха.

Пока я обѣщанья
Не получу...

Саладинъ.

Изволь! Все обѣщаю —
Что хочешь... все!

Рэха.

Не больше и не меньше:
Меня отцу, а мнѣ отца оставить!
Не знаю, кто другой считается
хочетъ
Моимъ отцомъ, кто можетъ имъ
считаться, —
И не желаю знать. Но неужели,
Чтобъ быть отцомъ, имъ нужно быть
по крови?
По крови — не иначе?

Саладинъ (поднимая ее).

Все мнѣ ясно! —
Кто жъ былъ такъ непростительно
жестокъ,
Что это втолковалъ тебѣ? Да развѣ
Извѣстно ужъ? доказано?

Рэха.

Должно-быть.
Вѣдь Дая отъ кормилицы моей
Узнала.

Саладинъ.

Отъ кормилицы твоей?

Рэха.
 Та, будто, ей призналась передъ
 смертью.
 Саладинъ.
 Ужъ передъ смертью? — Такъ.

Не мало ли имъ быть по крови
 только?
 Я признаю одно за кровью право:
 Кто обладаетъ имъ, тотъ можетъ
 первый
 Отцомъ себя назвать! —

Дѣйствіе пятое. — Явленіе седьмое.

Да не въ бреду ли?
 Ну, можетъ-быть; ну, можетъ-быть,
 допустимъ!
 И, все-таки, отцовскія права
 Не кровь даетъ — не кровь одна,
 конечно!
 Чтобъ быть отцомъ животнаго — и то

Не бойся, крошка! —
 И—знаешь ли? — какъ только два отца
 Изъ-за тебя заспорятъ, брось обоихъ
 И третьяго возьми! — Меня хотя бы!

Зитта.
 Возьми! Возьми его!

Саладинъ.

А ужъ какого
Отца во мнѣ нашла бы ты! Какого
Хорошаго отца! — Пстой-ка! Слушай:
На что тебѣ отцы-то вообще?
Помрутъ — одна останешься.

Не лучше ль
Заранѣе сыскать кого-нибудь,
Кто сталъ бы жить съ тобой
наперегонку!
Нѣтъ у тебя такого на примѣтѣ?

Зитта.

О, братъ! ты покраснѣть ее заставилъ!

Саладинъ.

Заставилъ, да! Я и хотѣлъ. Ужъ если
Уродство отъ смущенья хорошѣетъ,
То красота... Взгляни-ка:

что за прелесть! —
Сейчасъ сюда и твой отецъ, Натанъ,
И кое кто еще должны явиться.
Другого называть не стоить, правда? —
Сюда! Ты позволяешь, Зитта?

Зитта.

Братъ!

Саладинъ.

Ну, крошка, ужъ при немъ краснѣй
побольше!

Рѣха.

Краснѣтъ? При комъ краснѣтъ?..

Саладинъ.

Ахъ, лицемѣрка!
Краснѣтъ тебѣ не нравится?

Блѣднѣй! —
Какъ хочешь и какъ можешь!

(Входитъ рабыня съ докладомъ къ Зиттѣ)

Вотъ, пожалуй,
Они и есть.

Зитта.

Пускай войдутъ. — Пришли!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Натанъ и Храмовникъ.

Саладинъ.

А, добрые друзья! —

Но, первымъ дѣломъ,
Тебѣ, Натанъ, тебѣ я объявляю,
Что долгъ съ меня когда тебѣ угодно
Ты можешь получить!

Натанъ.

Султанъ!..

Саладинъ.

Отнынѣ

Я самъ готовъ ссужать тебя...

Натанъ.

Султанъ!..

Саладинъ.

Пришелъ нашъ караванъ.

Богатъ я снова —
И такъ богатъ, какъ не былъ ужъ
давно. —

Ну, сколько же тебѣ?

Побольше требуй!
Чудовищное что-нибудь придумай!
Вѣдь и у васъ, людей торговыхъ,
тоже

Въ наличности — не горы золотыя.

Натанъ.

Объ этихъ пустякахъ — потомъ!

Вотъ, слезы
Я вижу здѣсь — и осушить ихъ
долженъ.

(Подходить къ Рѣхѣ)

Ты плакала? О чемъ?

Что приключилось? —
Ты развѣ ужъ не дочка мнѣ?

Рѣха.

Отецъ!..

Натанъ.

О, мы съ тобой другъ друга
понимаемъ.
Довольно же! — Утѣшься! —
Успокойся! —

Лишь сердце бы свое ты сберегла!
Иную лишь потерю не пришлось бы
Ему познать! — Отца ты не теряешь.

Рэха.

А больше мнѣ и нечего терять!

Храмовникъ.

Какъ? Нечего? —

Ну, значитъ я ошибся!
Что намъ терять не страшно, —

тѣмъ, конечно,
И обладать намъ вовсе не хотѣлось!
Ну, что жъ? Ну, что жъ? —

О, это все мѣняетъ!
Да, все, Натанъ, мѣняетъ! — Саладинъ!
Хоть мы пришли по твоему приказу,
Но хлопоты изъ-за меня всѣ вышли:
Я дольше утруждать тебя не буду.

Саладинъ.

Ахъ, юноша!

Опять, опять ты вспыхнулъ!
Иль все должно спѣшить тебѣ
навстрѣчу?

Угадывать желанія твои?

Храмовникъ.

Ты слышалъ же!

Ты видѣлъ же, султанъ!

Саладинъ.

Дѣйствительно! —

Нехорошо, что раньше
Ты въ дѣлѣ не увѣрился, какъ
должно.

Храмовникъ.

Теперь, зато, увѣрился вполнѣ!

Саладинъ.

Кто за добро награды ожидаетъ —
Назадъ его беретъ.

Спасти — не значитъ
Пріобрѣсти. Иначе, и разбойникъ,
Котораго въ огонь толкаетъ алчность,
Поспорить бы съ тобою могъ въ
геройствѣ.

(Направляется къ Рэхъ, чтобы подвести ее къ
храмовнику)

Пойдемъ, дитя! Пойдемъ!

За эту вспышку
Ты строго не суди его. Будь въ немъ
И пылкости и гордости поменьше,
Тебя онъ и не спасъ бы. Такъ и быть,
Одно ему зачти ужъ за другое.
Пойдемъ же! Пристыди его.

Что сдѣлать
Былъ долженъ онъ, то сдѣлай ты!

А если
Онъ, все-таки, тебя отвергнетъ; если
Когда-либо забудетъ онъ, что этимъ
Ты дѣлаешь неизмѣримо больше,
Чѣмъ сдѣлалъ онъ...

Да, впрочемъ, что жъ онъ сдѣлалъ?
Немножко покоптился? —

Эка важности! —
О, если такъ, отъ моего Ассада
Немного въ немъ останется: личина,
Ассадова личина, — но не сердце! —
Ну, крошка! Ну!

Зитта.

Иди! Иди, голубка!
Твой долгъ великъ.

Ты только часть уплатишь,
Бездѣлицу.

Натанъ.

Стой, Саладинъ! Стой, Зитта!

Саладинъ.

Теперь ужъ ты?

Натанъ.

Здѣсь можетъ вставить слово
Кой-кто еще.

Саладинъ.

Кто жъ это отрицаетъ? —
Тебѣ, Натанъ, за прошлое безспорно
Принадлежитъ здѣсь голосъ!

Первый даже.
Я знаю вѣдь, въ чемъ дѣло!

Натанъ.

Не совсѣмъ! —
И рѣчь не обо мнѣ; о нѣтъ! далеко
Не обо мнѣ! А о другомъ. Его-то,
Его и надо выслушать сначала.

Саладинъ.
Кто жъ это?
Натанъ.
Братъ ея!
Саладинъ.
Братъ Рэхи?
Натанъ.
Да!
Рэха.
Мой братъ? Такъ у меня есть братъ?
Храмовникъ.
Гдѣ? Гдѣ?
Гдѣ этотъ братъ?
Еще онъ не явился?
Я долженъ былъ застать его.
Натанъ.
Терпѣнье!
Храмовникъ (съ сильною горячью).
Отца онъ навязалъ ей: отчего же
Не подыскалъ бы онъ и брата кстати?
Саладинъ.
Еще недоставало! Христіанинъ!
Ужъ гнуснаго такого подозрѣнья
Не услышали бъ мы изъ устъ Ассада.—
Ну, продолжай!
Натанъ.
Не взыскивай съ него! —
Прости его, какъ я простилъ. —
Кто знаетъ,
Что думали бъ, что чувствовали бъ мы
И въ возрастѣ его и въ положеньи!
(Дружелюбно подходитъ къ храмовнику)
Я понимаю васъ!— Не довѣряя,
Ужъ мы подозрѣваемъ! —
Вотъ, когда бы
Вы имя настоящее-то ваше
Открыли мнѣ...
Храмовникъ
(находившійся въ состояніи мрачной, безмолв-
ной разсѣянности, вздрагиваетъ).
Что это значитъ?

Натанъ.
Вы —
Не Штауфенъ!
Храмовникъ.
А кто же я?
Натанъ.
Не Курдъ
Фонъ-Штауфенъ, какъ вы сказали.
Храмовникъ.
Кто же?
Натанъ.
Вы — Левъ фонъ-Фильнекъ.
Храмовникъ.
Какъ?
Натанъ.
Поражены?
Храмовникъ.
Да, признаюсь! —
Откуда жъ эта новость?
Кому извѣстно?
Натанъ.
Мнѣ. О, мнѣ извѣстно
Еще гораздо больше; но во лжи
Я васъ не обвиняю.
Храмовникъ.
Нѣтъ?
Натанъ.
Пожалуй,
Вы можете и Штауфеномъ зваться.
Храмовникъ.
Еще бы нѣтъ! —
(Не Богъ ли мнѣ вѣщаетъ
Черезъ него?)
Натанъ.
Вѣдь ваша мать была
Фонъ-Штауфенъ.
А братъ ея, вашъ дядя,
Которымъ вы воспитаны, который
Вамъ замѣнилъ родителей, когда

Германіи суровая природа
Заставила сюда ихъ возвратиться:
Такъ этотъ самый дядя вашъ былъ
Курдъ
Фонъ-Штауфенъ; и васъ не могъ онъ
развѣ

Усыновить? —

Давно вы съ нимъ въ разлукѣ?
Онъ живъ еще?

Какое отношеніе имѣетъ
Къ моей роднѣ братъ Рэхи?

Натанъ.

Вашъ отецъ —

Храмовникъ.

И мой отецъ? Его вы также знали?

Натанъ.

Онъ былъ мой другъ.

Дѣйствіе пятое. — Явленіе восьмое.

Храмовникъ.

Что мнѣ сказать? — Натанъ! —
Конечно, такъ! Все такъ! —

Мой дядя умеръ;
А я съ послѣднимъ орденскимъ
отрядомъ
Пріѣхалъ въ Палестину. — Но какое жъ,

Храмовникъ.

Вашъ другъ? Натанъ, возможно ль!..

Натанъ.

И звался Вольфъ фонъ-Фильнекъ;
звался только,
Но самъ-то былъ не нѣмецъ.

Храмовникъ.
Какъ? И это
Извѣстно вамъ?

Натанъ.
Женатъ лишь былъ на нѣмкѣ
И ѣздилъ, съ нею вмѣстѣ, не надолго
Въ Германію...

Храмовникъ.
Довольно! Пощадите! —
А братъ-то? братъ ея? Натанъ!
Братъ Рэхи?

Натанъ.
Да вы же!

Храмовникъ.
Я? Я — братъ ея?

Рэха.
Мой братъ?

Зитта.
Онъ — братъ ея!

Саладинъ.
Сестра его!

Рэха (хочетъ броситься къ нему).
Ахъ, братецъ!

Храмовникъ (отступая).
Я — братъ ея!
Рэха.
(останавливается и обращается къ Натану).

О, нѣтъ! Нѣтъ, быть не можетъ!
Ужъ сердце подсказало бы ему! —
А мы теперь — обманщики! О Боже!

Саладинъ (храмовнику).
Обманщики? Ты думаешь?
Ты можешь,
Ты смѣешь это думать?
Самъ обманщикъ!
Все — ложь въ тебѣ:
походка, голосъ, обликъ!

Все — краденое, — все! И отъ такого
Сокровища отказываться? Прочь!

Храмовникъ
(смирненно подходя къ нему).
Зачѣмъ, султанъ, простое изумленье
Такъ дурно объяснять!
Заставъ Ассада
Переживать, что я переживаю, —
Навѣрно, и его ты не узналъ бы!

(Спѣшитъ къ Натану)
Вы много у меня, Натанъ, берете, —
Но и даете много! —
Нѣтъ, вы больше
Даете мнѣ; о, безконечно больше!
(Обнимаетъ Рэху)

Сестра! Сестра моя! Сестрица!
Натанъ.
Бланда
Фонъ-Фильнекъ!

Храмовникъ.
Бланда? Бланда? — А не Рэха?
Не ваша Рэха? — Боже! Вы хотите
Отречься отъ нея? Вернуть хотите
Ей имя христіанское! — И это
Изъ-за меня! — Натанъ! Натанъ!
За что же
Она еще должна страдать? Она-то?

Натанъ.
Страдать? —
О дѣти! дѣти вы мои! —
Братъ дочери моей, надѣюсь, также
Мое дитя? Не согласится развѣ?

(Пока Натанъ ихъ обнимаетъ, Саладинъ, въ
тревожномъ изумленіи, подходитъ къ Зиттѣ)

Саладинъ.
Что, Зитта?

Зитта.
Ахъ! я тронута...

Саладинъ.
А я
Почти дрожу при мысли, не
пришлось бы

Растрогаться сильнѣй!
Насколько можешь,
Будь къ этому готова.

Зитта.

Что такое?

Саладинъ.

Натанъ! На пару словъ!
На пару только!

(Натанъ подходит къ нему, а Зитта, съ
выраженіемъ участія, къ Рэхъ и храмовнику;
Натанъ и Саладинъ говорятъ вполголоса)

Послушай-ка! Послушай-ка, Натанъ!
Сейчасъ упомянулъ ты,
между прочимъ...

Натанъ.

О чемъ?

Саладинъ.

О томъ, что вотъ его отецъ
Не нѣмецъ былъ, не нѣмецъ по
рожденью.
Такъ кто жъ онъ былъ тогда?
откуда родомъ?

Натанъ.

Объ этомъ онъ молчалъ;
молчалъ упорно.

Саладинъ.

Но, все-таки, не франкъ?
не чужеземецъ?

Натанъ.

О, этого и не скрывалъ онъ вовсе!
Одно могу сказать тебѣ—что онъ
Всѣмъ языкамъ предпочиталъ
персидскій.

Саладинъ.

Персидскій, да?
Ты говоришь: персидскій?
Чего же мнѣ еще! — Конечно, онъ!
Конечно!

Натанъ.

Кто?

Саладинъ.

Мой братъ! Навѣрно!
Навѣрно, мой Ассадъ!

Натанъ.

Ты догадался:
Такъ вотъ и подтвержденіе тебѣ!
(Подаетъ ему служебникъ)

Саладинъ (жадно раскрывая книгу).
Его рука! Да, да! Рука Ассادا!

Натанъ.

Имъ ничего объ этомъ неизвѣстно!
Ты самъ рѣши: должны ль они узнать.

Саладинъ (перелистывая книгу).
Отъ братниныхъ дѣтей мнѣ
отступиться?
Племянника съ племянницей
отринуть?
Въ чужихъ рукахъ оставить?
Не въ твоихъ ли?
(Снова громко)
Они! Они! Ты слышишь, Зитта?
Оба —
И тотъ и эта—оба... дѣти брата!
(Устремляется къ нимъ въ объятія)

Зитта (слѣдуя за нимъ).

О Боже мой! — А выйти бы могло
Совсѣмъ, совсѣмъ иное!

Саладинъ (храмовнику).

Ну, горячка!
Теперь ужъ полюбить меня ты
долженъ!
(Рэхъ)
Давно ль въ отцы тебѣ я набивался?
И вправду сталъ отцомъ:
что будешь дѣлать!

Зитта.

И я!

Саладинъ (снова храмовнику).
Ассадъ! Второй Ассадъ!

Храмовникъ.

Течетъ въ насъ кровь! —

Итакъ, въ тѣхъ снахъ, что дѣтство
Баюкали мое, — была и правда!

(Бросается къ его ногамъ)

Одна

Саладинъ (поднимая его).

Каковъ разбойникъ, а! Ужъ кое-что
Про это зналъ — и чугъ было не

сдѣлалъ
Меня своимъ убійцею! Пстой же!

(Занавѣсъ падаетъ среди общихъ безмолвныхъ
объятій)

Изданія книгоиздательства Германъ Гоппе

С.-Петербургъ, Садовая ул. 22.

Первое иллюстрированное изданіе
СТИХОТВОРЕНІЙ
А. В. КОЛЬЦОВА

подъ редакціей **П. В. Быкова.**

Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное.

Съ біографическимъ очеркомъ, критическими статьями, примѣчаніями, портретами
снимкомъ почерка и

— 40 рисунками и виньетками —

К. О. Брожа, С. С. Вологовскаго, Н. П. Загорскаго, М. И. Зоценко, барона М. П.
Клодта, М. Е. Малышева, І. І. Манизера, М. О. Микѣшина, К. И. Тихомирова,
А. І. Шарлеманя и А. Н. Шильдера.

Роскошное изданіе въ большую 8 долю листа.

Цѣна: на веленовой бумагѣ въ изящной бумажной обложкѣ, исполненной по ри-
сунку К. О. Брожа — 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.; въ роскош-
номъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ — 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб.;
въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и съ золотымъ обрѣзомъ —
3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Генрихъ Гейне
КНИГА ПѢСЕНЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕИ,
подъ редакціей **П. В. БЫКОВА.**

Иллюстраціи Поля Тумана,

воспроизведенныя по его оригиналамъ въ гравюрахъ на деревѣ.

Роскошное изданіе въ большую 8-ю долю листа.

Украшенная множествомъ превосходныхъ отдѣльныхъ гравюръ и мелкихъ рисунковъ
въ текстѣ, принадлежащихъ знаменитому нѣмецкому иллюстратору Полю Туману,
»Книга пѣсенъ« Гейне на русскомъ языкѣ является и съ внѣшней стороны, и по
тщательному выбору лучшихъ переводовъ этихъ пѣсенъ изданіемъ вполне достой-
нымъ имени неподражаемаго германскаго поэта. Ввидѣ пролога къ пѣснямъ его по-
мѣщено стихотвореніе А. Н. Майкова »Гейне«, отлично характеризующее капризную,
причудливую и граціозную музу автора »Книги пѣсенъ«. Переводы, выбранные для
этого изданія, принадлежатъ Лермонтову, Майкову, Фету, гр. А. К. Толстому, Мею,
М. Л. Михайлову, Вейнбергу, Плещееву, Миллеру, Минаеву, Крестовскому, Добро-
любову, Кускову, Ясинскому, Быкову, Коринфскому и другимъ. »Книга пѣсенъ« Гейне
встрѣтила самые сочувственные отзывы въ печати.

— ПЕРВОЕ иллюстрированное русское изданіе, —
содержащее полный переводъ »Книги пѣсенъ« и болѣе 120 рисунковъ.

Изъ общаго числа рисунковъ 12 въ цѣлую страницу.

Цѣна: въ бумажкѣ — 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ зо-
лотымъ тисненіемъ — 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.; въ переплетѣ съ золотымъ
тисненіемъ и золотымъ обрѣзомъ 3 руб. 50 к., съ пересылкой 4 руб.

Изданія книгоиздательства Германъ Гоппе

С-Петербургъ, Садовая ул. 22.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО).

Девять томовъ съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, около 300 печатныхъ листовъ въ 8 долю, 4800 страницъ, подъ редакціею П. В. БЫКОВА.

Цѣна: въ бумажкѣ 15 руб., съ пересылкою 17 руб.; въ изящномъ шагреновомъ переплетѣ 24 руб., съ пересылкою 27 руб.

ПЕРВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. С. АФАНАСЬЕВА (ЧУЖБИНСКАГО)

содержитъ слѣдующее:

Томъ I.

Предисловіе. — Портретъ съ автографомъ. — Біографическій очеркъ А. С. Афанасьева (Чужбинскаго), составл. П. В. Быковымъ. — Библиографія сочиненій, его же. — Очерки прошлаго: Изъ корнетской жизни. — Моншеры. — Бурбонъ. — Стоянка въ Дымогарѣ (Донъ-Жуанъ). — Прапорщикъ Сафьянчиковъ.

Томъ II.

Очерки прошлаго: Ремонтеры прежняго времени. — Одинъ изъ многихъ. — Самодуры. — Дуэлисты. — Городъ Смуровъ. — Конокрады.

Томъ III.

Очерки прошлаго: Фаня — Безъименные очерки и типы (9 очерковъ). — Чиновникъ. — Провинціальный левъ. — Пылкая натура. — Маскарадный сирота. — Сосѣдка.

Томъ IV.

Бабушка. — Шесть очерковъ провинціальной жизни. — Забытая исторія.

Томъ V.

Петербургскіе игроки.

Томъ VI.

Рыцари зеленого поля. — Доминиканцы. — Мельница близъ села Ворошилова. — Изъ воспоминаній охотника (5 очерковъ). — Перстень. — Раннія произведенія (7 рассказовъ). — Очерки охоты въ Малороссіи. — Лѣто въ Малороссіи. — Голый слуга. — Старинныя малорусскія думы. — Воспоминанія о Шевченкѣ — Русскій солдатъ (5 рассказовъ).

Томъ VII.

Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣпра.

Томъ VIII.

Поѣздка въ южную Россію. Очерки Днѣстра.

Томъ IX.

Стихотворенія: русскія и малороссійскія и словарь малорусскаго нарѣчія.

Цѣна каждого тома отдѣльно 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

„ПѢСНИ БЕРАНЖЕ“

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ,

подъ редакціей П. В. Быкова.

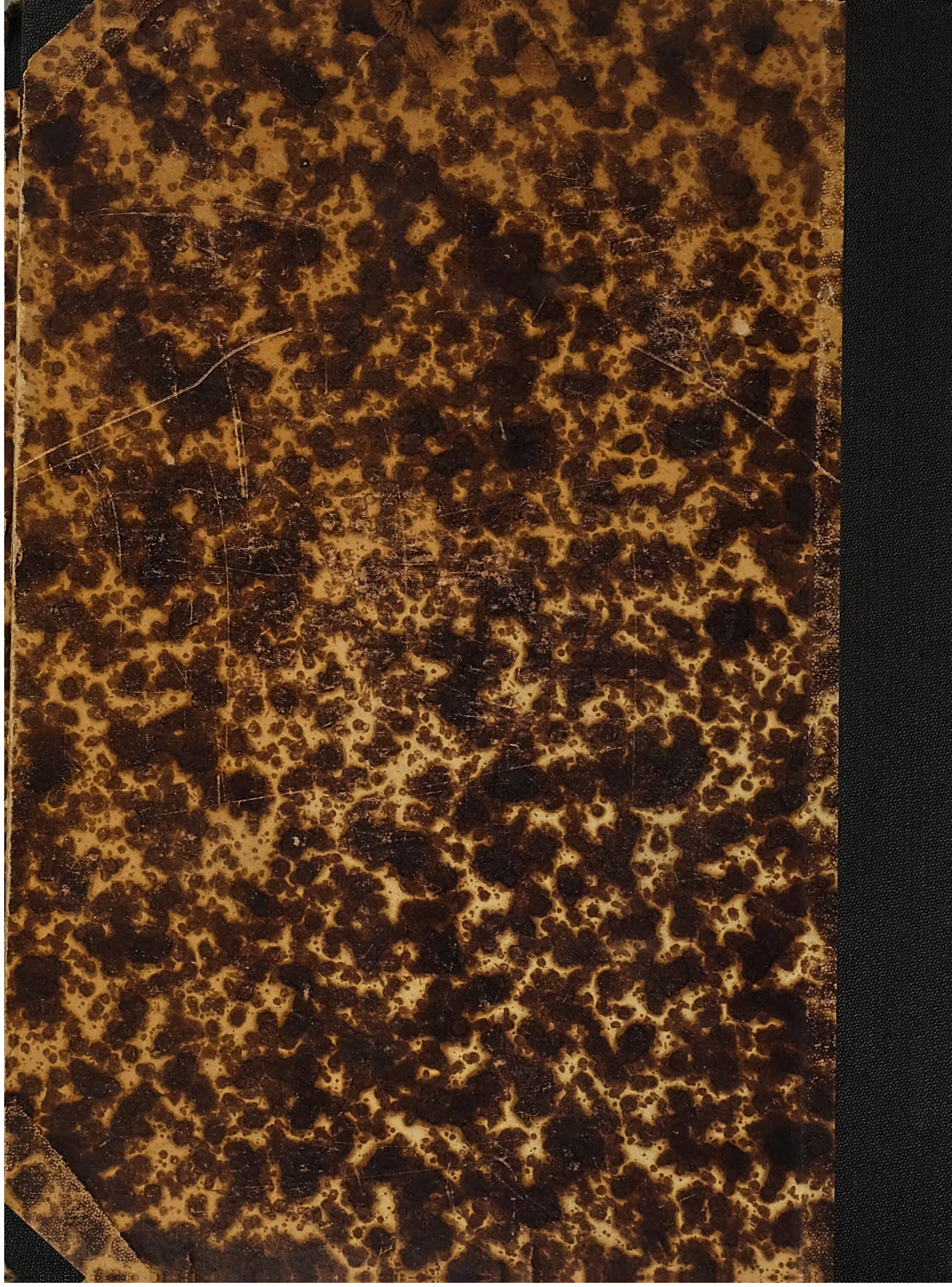
Большой томъ in 4° со множествомъ богатыхъ, мастерски исполненныхъ, иллюстрацій работы извѣстнѣйшихъ французскихъ рисовальщиковъ —

Гранвиля, Дюрана, Баяра, Джіакомелли, Годафруа, Жоано, Ріу, Вормеа, Фера, Поке и друг.

Пѣсни Беранже, несмотря на ихъ чисто французскій народный характеръ, переведены на всѣ европейскіе языки и пріобрѣли міровое значеніе. У насъ эти пѣсни, благодаря блестящимъ переводамъ Курочкина, Мея, Ленскаго и другихъ, пріобрѣли громадную популярность. Изданныя роскошно, въ лучшихъ переводахъ, онѣ были приняты весьма сочувственно нашей публикой и журналистикой.

Цѣна: въ бумажкѣ 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 коп.; въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ — 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.; въ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ — 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб.

5 Piles 14/520

Lessing, Gotthold Ephraim,

Natan-Mudrez Dramatitscheskaja poema Gotthold Ephraim Lessinga Perewod od
Nemezkago W. S. Lichatschowa s 32na ilustracijami ('Gratis Prämie zum
Journal Wsemirnaja Illustrazija'.)

S. Peterburg 1897

P.o.germ. 838 im

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11818377-6